

Афганистан и безопасность Центральной Азии

Выпуск 2

Фонд им. Фридриха Эберта
Общественный фонд Александра Князева

Афганистан и безопасность Центральной Азии

Выпуск 2

Бишкек: Илим — 2005

Афганистан и безопасность Центральной Азии. Вып. 2/ Под ред. А.А. Князева.
— Бишкек: Илим, 2005. — с.

ISBN 5-8355-1448-4

Во втором выпуске сборника помещены статьи профессиональных востоковедов, в первую очередь — историков-афганистов, а также исследователей-международников, специализирующихся на исследовании проблем безопасности центральноазиатского региона, из Киргизстана, России, Таджикистана, Узбекистана, Казахстана и Пакистана. Сборник включает статьи по проблемам афганской эмиграции и беженцев, незаконного производства и распространения наркотиков, по истории становления российской пограничной охраны на афганском участке границ Русского Туркестана и ряду аспектов из истории советско-афганских отношений в период до и во время второй мировой войны, по современной политической жизни Афганистана. Сборник включает также публикации ряда архивных документов, переводов, рецензий на вышедшие издания.

Издание предназначено для историков, политологов и всех интересующихся проблемами современной истории стран Центральной и Южной Азии и проблемами региональной безопасности.

Редакционная коллегия: А.А. Князев, докт. ист. наук (ответственный редактор)

А.А. Колесников, докт. ист. наук

Р. Крумм, региональный координатор Фонда

им. Фридриха Эберта в странах Центральной Азии

На обложке: Танковые подразделения генерала Абдул Рашида Достума готовятся к наступлению на г. Калай-и-Нау. Кейсар, провинция Фариаб, май 1998 г. Фото А.А. Князева.

Издание не предназначено для продажи и распространяется бесплатно.

ISBN 5-8355-1448-4

© Общественный фонд Александра Князева, 2005 г.

© Фонд им. Фридриха Эберта, 2005 г.

Где у афганцев родина

В.Г. Корзун

Никто точно не знает, какова численность афганских беженцев и эмигрантов за пределами страны. Несмотря на то, что после ликвидации режима талибов многие тысячи людей вернулись домой, афганская диаспора считается самой многочисленной в мире: по разным данным, на сегодняшний день она составляет от трех до четырех млн. человек. Большинство из них (более 2,5 млн. человек) находятся в Иране и Пакистане. Крупные афганские диаспоры существуют в США, Голландии, Германии, Англии, ОАЭ, Индии, России.

После поражения талибов осенью 2001 г. начался процесс возвращения беженцев и эмигрантов на родину. На начало 2005 г. в Афганистан вернулись 3,5 млн. человек. В основном беженцы из Ирана и Пакистана. Только в 2004 г. в родные места возвратились 760 тысяч человек.¹

Многие из них при этом были движимы желанием не только обрести покой и увидеть своих близких, но и помочь своей стране восстановиться после разрушительной гражданской войны. Наджибулла Моджадиди прожил в эмиграции в США 30 лет и получил диплом магистра в области финансов. Два с половиной года назад он решил вернуться в Афганистан, где сейчас и работает заведующим отделом аудита в министерстве финансов. «Хотя я много лет находился вдалеке от моей страны, — говорит он, — я всегда думал о ней и никогда не забывал ее. Это наш дом, и мы вернулись, чтобы восстановить его». Абдул Хади Азими покинул страну в 1986 г., направившись в США. Он вернулся в феврале 2004 г. и считает свою нынешнюю работу в качестве консультанта министерства финансов исполнением давнего желания служить своей стране.²

В Афганистан возвращаются не только из Ирана и Пакистана, но и беженцы, и эмигранты с Запада. Число последних особенно заметно возросло после 2003 г., когда Международная организация миграции (МОМ), сотрудничающая с ООН, стала прилагать усилия к тому, чтобы побудить афганцев, получивших профессиональное образование на Западе, в первую очередь в странах Европейского Союза, вернуться на родину и помочь в восстановлении страны. Программа МОМ «Возвращение квалифицированных афганцев» (EU-RQA), которая

¹ Lubbers warns against speeding up refugee returns to Afghanistan. — Kabul: UNHCR, 2005. — January 17.

² Mohammad Jawad Sharifzada. Mixed Reception for Returning Professionals// IWPR. — 2004. — October, 12.

финансируется также Европейской комиссией, направляет свои усилия на развитие важнейших социально-экономических сфер, включая частный бизнес, поставку товаров и предоставление услуг местному рынку, гражданские и социальные нужды, социальную инфраструктуру, сельское развитие и государственные службы. По словам Хамида Хамдарда, заместителя главы представительства МОМ в Кабуле, наряду с помощью, оказываемой организацией репатриантам в деле их адаптации к существующим условиям в стране, многим из них выдаются «подъемные» в размере 300 евро. К началу 2005 г. посредством программы МОМ из Европы в Афганистан вернулись и получили работу 652 образованных афганца. Однако лишь половина из них решила остаться в стране после истечения срока контракта.¹

Проблема возвращения афганцев на родину далеко не однозначна. Есть немало факторов, осложняющих ее. Один из них — экономический: суровые материальные условия жизни в Афганистане, высокий уровень безработицы, общая неустроенность. Вопиющим примером могут служить мытарства нескольких десятков семей беженцев, которые ютятся в развалинах бывшего советского Культурного центра в Кабуле без воды, электричества и элементарных бытовых условий. В общем процессе реконструкции страны, которым занимается мировое сообщество, для них не предусмотрено строительство домов. Властями не планируется возведение социального жилья, хотя сегодняшний Кабул в целом представляет собой грандиозную строительную площадку. Повсюду в городе строятся безвкусыные коттеджи для нуворишей, процветающих за счет торговли наркотиками, и коммерсантов, делающих состояния на массовом притоке иностранцев в афганскую столицу.

Но есть факторы и политико-психологического характера. Так, местное население по-разному относится к возвращающимся. Многие, кто оставался в стране все эти годы войны и несчастий, зачастую с подозрением смотрят на тех, кто вернулся с Запада, чтобы помочь своей родине восстать из пепла. У многих из них, говорит Хамдард, возникли здесь проблемы, и они не могут далее оставаться в Афганистане. Одна из таких проблем — холодный прием со стороны соотечественников, оказываемый тем из вчерашних эмигрантов, кто имеет двойное гражданство. Многие афганцы скептически относятся к патриотизму репатриантов, а некоторые даже считают их шпионами. Они не доверяют людям с двойным гражданством и считают, что те работают на другую

¹ Mohammad Jawad Sharifzada. Mixed Reception for Returning Professionals// IWPR. — 2004. — October, 12.

страну, где жили с комфортом. Семьи многих из репатриантов до сих пор остаются за границей.

Сами же возвращающиеся жалуются на тяжкие условия жизни на родине. Заместитель министра труда Камар Фазили Ачекзай, вернувшаяся из США в Афганистан два с половиной года назад, имеет двойное гражданство. «В Европе рядовой служащий ресторана получает от 600 до 1200 долларов в месяц, — жалуется она, — а здесь зарплата замминистра не поднимается выше 50 долларов». Возвращение в Афганистан Камар считает большой личной жертвой: «У меня была благополучная жизнь, я жила в условиях мира и спокойствия. А сейчас я нахожусь вдалеке от своей семьи, получаю 50 долларов в месяц и живу в доме, в котором нет воды и электричества».¹

До сих пор многие афганцы подозревают, что репатрианты с двойным гражданством все равно покинут страну, как они когда-то уже сделали. Подобные рассуждения строятся на том, что последние однажды покинули страну в период кризиса и несчастий, и нет гарантий, что, живя сейчас в условиях мира и стабильности, они не покинут ее опять, если возникнет кризис. Есть и еще одна причина недоверия населения к возвращающимся с Запада специалистам: существуют опасения, что они займут лучшие места в частных фирмах и государственных учреждениях, оставив без работы тех, кто не покидал родину, но не смогут полностью интегрироваться в общество. Однако не все репатрианты согласны с этим. Для того же Моджадди, прожившего большую часть жизни в США, американский паспорт ничего не значит, когда его спрашивают о национальной принадлежности. «Тридцать или сто лет жизни в Америке, — уверяет он, — не сделали нас американцами. Я все равно останусь афганцем до самой смерти».

Проблема двойного гражданства вернувшихся с Запада афганских эмигрантов проявляется не только на бытовом уровне, но и приобрела политическое звучание, особенно в конце 2003 — начале 2004 гг., когда на заседании Лояя Джирги принималась новая конституция Афганистана. Наличие двойного гражданства кандидатов на посты министров стало серьезным аргументом в руках консервативных кругов в их конфронтации с реформаторами во главе с Х. Карзаем. Здесь был достигнут компромисс: вопрос о назначении лиц с двойным гражданством на посты министров было решено передать на рассмотрение нижней палаты будущего парламента. Но проблема вновь возникла во время формирования нового правительства в декабре 2004 г.

¹ Ruud Lubbers. Finding solutions for Afghan refugees// Dawn. — Karachi, 2005. — February, 16.

Желая избежать в дальнейшем трений с депутатами парламента, который после своего избрания в сентябре 2005 г. будет утверждать нынешний состав кабинета, Хамид Карзай призвал уже назначенных им министров, бывших эмигрантов, отказаться от своего второго гражданства. Их оказалось шесть человек. Все они последовали его призыву.

В вопросе репатриации есть и другая сторона: далеко не все афганские беженцы и эмигранты хотят и могут возвращаться на родину. Основных причин опять же две — экономическая и политическая. Афганцы в Иране и Пакистане — это, в большинстве своем, обездоленные люди, прозябающие в лагерях беженцев, они намерены присоединиться к своим соотечественникам (зачастую опять же по экономическим причинам). А многие эмигранты на Западе не горят желанием покинуть теплые, насиженные места. Возвращаются лишь те, кто надеется найти достойную работу или стать крупным инвестором в национальную экономику.

Особую категорию составляют афганские беженцы и эмигранты, нашедшие прибежище в России и других странах СНГ, в основном в государствах Центральной Азии. Значительная часть из них — это образованные люди, бывшие функционеры Народно-демократической партии Афганистана, представители интеллигенции, многие из которых получили образование в Советском Союзе. Что касается афганской диаспоры в России (90 тыс. человек), то здесь не сложились благоприятные условия для их жизни и работы. Подавляющее большинство из них не могут получить статус беженца, терпят лишения, притесняются милицией, а иногда и местными властями, имеют проблемы с жильем, работой, учебой. Наиболее обеспеченные из них, или имеющие состоятельных родственников за границей, покидают Россию, направляясь на Запад. Основной поток идет в Голландию, Германию, Англию.

Среди осевших в России немало тех, кто хотел бы вернуться на родину. Но они знают, что их не ждет теплый прием, в первую очередь по политическим соображениям (принадлежность к НДПА или сотрудничество с бывшим коммунистическим режимом в Афганистане). И хотя Х. Карзай еще в 2003 г. обещал принять всех образованных афганцев, желающих внести свой вклад в восстановление страны, независимо от их политических взглядов, на практике афганские власти с недоверием относятся к «русским» афганцам и чинят препятствия для их возвращения на родину.

Это же относится и к афганцам, осевшим в странах Центральной Азии (6,6 тыс. человек). Особенно тяжелая ситуация для них сложилась

в Туркменистане и Узбекистане, где местные режимы ограничили права и свободы эмигрантов и всячески стремятся вытеснить их за пределы своих республик. В несколько лучшем политико-психологическом отношении оказались афганцы в Таджикистане, где они достаточно быстро адаптировались, и в Киргизии. Но тяжелые материальные условия, как, впрочем, и в других государствах Центральной Азии, вынуждают их покидать насиженные места.

Многие из них сами не хотят возвращаться в Афганистан, опасаясь преследований по политическим мотивам. Их аргументы — «у власти там находятся моджахеды, с которыми мы воевали», «моджахеды ничуть не лучше талибов» и т.п. Однако большинство из них — это как раз те несчастные, которые были застигнуты сменой власти и, соответственно, политики в Афганистане еще до вторжения советских войск в эту страну в 1979 г. Некоторые из них были деятелями с умеренными взглядами, которые не поддерживали коммунистический режим, но и не оказывали помощь движению моджахедов. Другие были простыми учителями, журналистами или чиновниками, которые продолжали работать в условиях коммунистического режима в период правления президента Наджибуллы, попав под подозрение со стороны антикоммунистических сил, пришедших к власти в 1992 г. Самые несчастные — это афганские сироты, которых вывезли в среднеазиатские республики бывшего СССР. Они практически не помнят Афганистан, но, будучи детьми тех, кто ассоциируется с режимом Наджибуллы, вполне могут быть обвинены нынешними афганскими властями в симпатиях к коммунистам. Поэтому они предпочитают переселяться в третьи страны, в основном на Запад.¹

В последнее время судьбой афганских беженцев Центральной Азии активно занимается Верховный Комиссариат ООН по делам беженцев (UNHCR). Его сотрудники ищут страны, которые могли бы принять афганцев у себя, и договариваются с правительствами этих стран. Среди государств, изъявивших готовность дать им

¹ В 1984-1985 гг. на основании межправительственного соглашения между ДРА и СССР в Киргизию была привезена большая группа афганских детей сирот в возрасте 5-10 лет. Они были помещены в интернат в пригородном районе Бишкека, где и учились до окончания средней школы, после чего были определены на учебу в профессионально-технические учебные заведения. В 1991 г. им были выданы афганские паспорта, действительные до 1994 г. В 1996 г. по инициативе департамента миграционной службы МИД Киргизии они получили статус беженцев. В получении гражданства Киргизии им было неоднократно отказано. В то же время, им некуда возвращаться в Афганистан. Подобные группы афганских детей были в свое время вывезены также на территорию России и Узбекистана. Из Узбекистана усилиями УВКБ ООН вся группа была направлена на постоянное жительство в ряд европейских стран. В России всем им было предоставлено российское гражданство. — См.: Афганские беженцы в Киргизстане, Казахстане и Узбекистане. — Бишкек, 2003. — С. 41-42.

приют, наибольшей активностью отличается Канада. Ее официальная программа приема беженцев предусматривает ежегодную квоту до 7,5 тысяч человек. Это подтолкнуло представителей UNHCR в Центральной Азии заняться афганскими беженцами в регионе. Канадские чиновники побывали в столицах Таджикистана, Туркменистана и Киргизии и провели собеседование с беженцами. И хотя процент лиц, отобранных для переселения, был высок (в Киргизии до 80%), некоторые были отсеяны по соображениям безопасности или в связи с их прежними связями со службой безопасности. В итоге, Канада согласилась принять 2 тысячи афганцев, из них 1 тысячу в Таджикистане, безо всякой надежды на их возвращение на родину. В Туркмении было отобрано 140 человек, из них 64 афганца и 47 армян, бежавших из Азербайджана, а также 34 этнических туркмена из Ирана. 511 афганских беженцев из Киргизии уже расселились в 2004 г. в Канаде, 360 человек ожидают собеседования в Ташкенте.

Непростая ситуация с афганскими беженцами сложилась в Казахстане. Большинство из осевших там 660 афганцев хотят переселиться в третьи страны. Лишь немногие желают вернуться на родину. В 2002-2003 гг. в Афганистан возвратились 30 человек. Столь же немногие хотят остаться в Казахстане. И хотя казахское правительство признало их официальный статус, отсутствие закона о беженцах затрудняет их пребывание в этой стране. Существующее законодательство не предусматривает обеспечение их прав или каких-либо обязательств государства в их отношении. Они пользуются легальным статусом беженцев, который обеспечивает их определенную защиту, но этого недостаточно. Большинство из них живет на основании временного разрешения на пребывание, которое регулярно продлевается. Но в целом они находятся в неопределенном состоянии, и государство не знает, что с ними делать.

Многие из них в свое время учились здесь в советских вузах, проживают преимущественно в Алма-Ате и Чимкенте, говорят по-русски и давно уже не поддерживают связей с родиной. Для большинства из них главные проблемы здесь — это работа и жилье. Среди них немало квалифицированных врачей и учителей, но они вынуждены зарабатывать на жизнь на местных рынках.

Гораздо более тяжелая ситуация для афганских беженцев сложилась в Узбекистане. Эта самая большая по численности населения страна Центральной Азии, опасаясь наплыва беженцев из Афганистана и Таджикистана, закрыла для них свои границы. Вопреки международной

конвенции, Ташкент никогда не предоставлял официального статуса беженца тем, кто спасается от преследований на родине и прибыл в страну в период между 1993 и 2001 годами. По подсчетам UNHCR, в Узбекистане в 2003 г. проживало более шести тысяч афганцев. В советские времена Узбекистан в числе немногих из республик СССР не присоединился к Конвенции 1951 г. и Протоколу 1967 г. о статусе беженцев. Поскольку Узбекистан не является подписантом этих документов, те, кто прибыл в страну и сейчас находится под защитой UNHCR, официально не признаются узбекским правительством. Как следствие, их материальные условия остаются чрезвычайно трудными. У них нет доступа к работе, образованию и медицинскому обслуживанию. Большинство беженцев зависят от материальной помощи со стороны UNHCR и местных благотворительных организаций. До недавнего времени ввиду отсутствия легального статуса беженцы в условиях авторитарного режима были вынуждены жить под постоянным страхом ареста и депортации. «Афганские беженцы, — жалуется один из них, — постоянно испытывают трудности, в отличие от ситуации в соседних странах, как, например, в Киргизии, где у них есть легальный статус». «Хотя документы, выданные им UNHCR, сейчас защищают их от ареста и депортации, что в последние годы практикуется довольно часто, — продолжает он, — им чрезвычайно трудно найти работу. Приходится давать взятку, чтобы хотя бы торговать с тележки на рынке».

Недавно UNHCR начал переселение 237 афганских беженцев из Узбекистана в Канаду в соответствии с соглашением, подписанным в конце 2000 г. В эту группу были отобраны те, кто мог подвергнуться риску быть репатриированным в Афганистан. «Из всех обратившихся в августе 2004 г. с просьбой о переезде в Канаду, — говорит глава представительства UNHCR в Узбекистане Абдул Карим Гуль, — были отобраны 237 человек, 113 просьб были отклонены и по 29 человекам решение будет принято позже». В рамках программы переселения на 2005 г. UNHCR планирует сообщить информацию еще об одной группе, состоящей из 400 афганских беженцев, правительству Канады и США. «Учитывая позитивные результаты выполнения программы переселения 2004 г., о чем свидетельствует высокий уровень приема беженцев в США и Канаде, UNHCR ожидает аналогичных результатов и в 2005 г.», — надеется Абдул Карим Гуль.¹

По данным UNHCR, с 2002 г., т.е. с начала выполнения программы добровольной репатриации, всего 501 афганец вернулся в

¹ Uzbekistan: UNHCR assists in the resettlement of Afghan refugees to Canada// IRIN, Tashkent, 2005. — January, 31.

Афганистан через Узбекистан. Из них 285 вернулись непосредственно из Узбекистана, остальные 216 возвратились из бывших союзных республик СССР через Узбекистан.¹

В настоящее время девять государств принимают афганских беженцев из других стран.² UNHCR стремится расширить этот список и распространить свою деятельность на такие страны — возможные реципиенты, как Чили, Бенин, Буркина Фасо, Бразилия, Ирландия, Исландия и Великобритания.

UNHCR, имеющая 53-летний опыт работы с беженцами и эмигрантами, оказывает содействие не только в репатриации, поскольку считает это лишь первым шагом на пути обустройства лишившихся родины людей. В ее задачи входят также реинтеграция и реабилитация репатриантов. В Афганистане пройдена лишь часть пути в этом направлении, но уже сделано немало. Деятельность UNHCR в области реинтеграции базируется на нескольких программах.

Так, в рамках оказания экономической помощи при содействии этой организации и партнеров, в стране с 2002 г. было восстановлено 170 тысяч домов и сооружено около 8 тысяч колодцев в районах наибольшего притока репатриантов.³ Там, где в результате возвращения большого числа беженцев возникают напряженность или конфликты, UNHCR использует программу по налаживанию сосуществования, которая содействует организации диалога и достижению взаимопонимания. Деятельность UNHCR существенно влияет и на темпы новой, сегодняшней, миграции из страны: число афганцев, желающих покинуть родину и обращающихся за предоставлением убежища в индустриально развитых странах, за последние годы резко уменьшилось — с 52 тысяч человек в 2001 г. до 6,4 тысяч за первые девять месяцев 2004 г.⁴

Остается лишь надеяться, что к UNHCR, МОМ и другим международным организациям, не жалеющим усилий для помощи обездоленным массам беженцев, смогут присоединиться правительства их стран пребывания, и тогда многие из них, наконец, обретут родину, даже если она не будет называться Афганистаном.

¹ Uzbekistan: UNHCR assists in the resettlement of Afghan refugees to Canada// IRIN, Tashkent, 2005. — January, 31.

² США, Канада, Австралия, Швеция, Норвегия, Финляндия, Новая Зеландия, Дания, Голландия.

³ Mohammad Jawad Sharifzada. Mixed Reception for Returning Professionals// IWPR. — 2004. — October, 12.

⁴ Lubbers warn against speeding up refugee returns to Afghanistan. — Kabul, UNHCR, 2005. — January, 17.

Афганские беженцы в Республике Таджикистан (1990-е — 2005 гг.)

К. Искандаров

Апрельский переворот 1978 г. в Афганистане и последовавшие затем события: вторжение советских войск, вмешательство других стран и междоусобная война, привели к полному разрушению экономики этой страны и вынужденной миграции почти половины населения. Афганская диаспора на начало 1990-х гг. являлась едва ли не самой многочисленной в мире.

В 1990 г. общее число афганских беженцев достигло максимума — 6,2 млн. человек.¹ Основная масса беженцев после апрельских событий 1978 г. осела в соседних странах — Пакистане и Иране, репатриация их началась после вывода советских войск и прихода к власти моджахедов в 1992 г. По данным УВКБ ООН, к 1997 г. около четырех млн. беженцев были возвращены на родину.² Однако репатриация проходила очень трудно из-за непрекращающихся военных столкновений в Афганистане: теперь уже между различными группировками моджахедов, захвативших власть в Кабуле.

Новый этап войны привел к появлению новой волны беженцев. Убегали афганцы не только от войны, но и от очень жестких исламских порядков, введенных талибами. География расселения афганских беженцев была весьма широкой. Трудно представить, где сейчас они не живут. Многие из них стремились попасть на Запад — в Европу, США, Австралию. Однако путь простого афганца на Запад был непрост из-за существующих ограничительных механизмов и квот. Поэтому немало афганцев попадало на Запад нелегальным путем. В том числе и через республики Центральной Азии.

Тем не менее, численность «западных афганцев» была невелика и по приблизительным оценкам составляла 150-200 тыс. человек³. По сравнению с афганскими беженцами в Пакистане и Иране, на Запад перебиралась элита афганского общества, обладающая значительным

¹ Беженцы, П. — UNHCR, 1997. — С.5.

² Процесс возвращения беженцев начался в 1988 г. Женевские договоренности открыли путь к выводу советских войск из Афганистана. Однако в то время как одни беженцы начинают возвращаться, другие продолжали покидать страну. К 1992 г., когда моджахеды пришли к власти 1,6 млн. беженцев возвратились домой. Процесс возвращения беженцев продолжался и в последующие годы, особенно в восточные и южные провинции. Тем не менее, с усилением боевых действий в центре и на севере страны афганцы продолжали покидать страну.

³ См.: Бойко В.С. Афганская община Великобритании: некоторые черты социально — политического облика// Восток. — М., 1997. — № 4. — С.71.

культурно-интеллектуальным потенциалом, политическим весом и, конечно, большими экономическими возможностями.

Несмотря на политическую нестабильность и экономическую разруху, немалая часть афганских беженцев осела в республиках бывшего СССР. По данным УВКБ ООН, по состоянию на первое января 1997 г. в Российской Федерации их было зарегистрировано 20 тыс., а в других странах СНГ 36 тыс. человек.¹

Таджикистан в силу наличия многокилометровой общей границы с Афганистаном, а также этнокультурной и религиозной идентичности народов, населяющие две страны, мог бы стать удобным местом убежища для десятков тысяч афганских беженцев. Но в годы оккупации Афганистана советскими войсками по известной причине афганцы бежали совсем в другую сторону. Таджикистан приютил афганских беженцев новой волны: тех, кто опасался мести моджахедов после прихода их к власти в апреле 1992 г., и тех, кто убегал от развязывания новой, не менее кровопролитной войны между соперничающими группировками моджахедов, особенно после вступления в войну движения «Талибан».

История взаимоотношений народов, населяющих берега Пянджа и Амударьи, знает немало примеров, когда в результате каких-то серьезных социально-политических катаклизмов в этих государствах тысячи семей переходили границу и обретали убежище то на одном, то на другом берегу Амударьи.

Массовая миграция населения с левобережья Амударьи на территорию современного Таджикистана приходится на конец XIX в., когда в основном завершался процесс колонизации северных территорий со стороны афганских правителей. С так называемым «Памирским разграничением» реки Пяндж и Амударья стали границей между Афганистаном и царскими владениями в Центральной Азии, а также Бухарским эмиратом.² Усиление афганского гнета и притеснений, внутренние волнения и беспорядки вынуждали тысячи людей перебираться на правый берег. Не были исключением и крупные афганские сердары и эмиры. Эмир Дост Мохаммад-хан (1826-1863) с двумя тысячами своих сторонников в 1839 г. сбежал в Бухару. Эмир Абдуррахман-хан (1880-1901) прожил в Самарканде более десяти лет. Сердар Мохаммад Исхак-хан (двоюродный брат эмира Абдуррахман-хана) после подавления возглавленного им в 1888 г. восстания в Мазар-

¹ Беженцы, П. — UNHCR, 1997. — С.7.

² Бухарский эмират, несмотря на фактическую зависимость от России, юридически сохранял свой суверенитет и никогда не был даже под русским протекторатом.

и-Шарифе сбежал с тремя сотнями своих приближенных в Самарканд; в целом после подавления восстания более 8 тысяч его участников перебрались на бухарскую территорию. События 1920-х гг. — Бухарская революция, приход большевиков, начало гражданской войны и установление Советской власти (1920 — 1930-е гг.) породили миграцию в обратном направлении. Теперь десятки тысяч людей из Средней Азии находили убежище в Афганистане. По некоторым данным, тогда треть населения Средней Азии эмигрировала в Афганистан.

Новая волна миграции из Таджикистана в Афганистан связана с вооруженным конфликтом 1992-1997 гг. В 1992-1993 гг. из Таджикистана сбежало в Афганистан по официальным данным более 60 тысяч,¹ а согласно отчету государственного департамента США по правам человека, за 1994 г. — 90 тысяч человек.² К 1998 г. в основном все они были возвращены на родину.

Афганские эмигранты в Таджикистане появились в начале 1990-х гг. Хотя наблюдались отдельные примеры исключений. Например, эмиграция некоторых афганцев индийского происхождения, создавших в Кабуле организацию революционеров Индии. Одной из ярких личностей среди них был Нисор Мохаммад Афган, родом из Пешавара. В 1920 г. он эмигрировал в Среднюю Азию и включился в активную деятельность в поддержку советской власти. Он возглавил Таджикское отделение комиссии по науке в Министерстве просвещения Туркестанской Республики и сделал очень многое для открытия новых таджикских школ в Самарканде, Ходженте, Канибадаме, Фергане. Он был автором первого таджикского букваря, изданного в 1924 г. После образования Таджикской Автономной Советской Социалистической Республики в 1924 г. Нисор Мохаммад Афган внес большой вклад в дело развития науки и просвещения в Таджикистане и Узбекистане. В 1926 г. он был назначен заместителем министра просвещения ТАССР и одновременно редактировал газету «Бедори-йе тоджик» («Пробуждение таджика»). С 1927 по 1932 гг. возглавлял Министерство просвещения Таджикистана. С его именем связаны большие достижения в области науки и образования в Таджикистане и Узбекистане.

С начала 1980-х гг. все больше афганцев начали выезжать в Таджикистан на учебу и стажировку. К концу 1980-х — началу 1990-х гг. здесь обучалось более одной тысячи студентов. Для детей-сирот из Афганистана был открыт интернат в Шахринаве (в 30 километрах

¹ Синдарова А. Деятельность государственной миграционной службы Таджикистана// Центральная Азия и Кавказ. — Лулео, 1999. — № 2 (3). — С. 157.

² См.: Хисоботи мамлакат оиди ҳуқуқи инсон дар соли 1994. — С. 25 (перевод на таджикский язык раздела по Таджикистану из «Country Reports on Human Rights Practices for 1994»).

западнее Душанбе). Многие афганские студенты и исследователи после учебы, как правило, находили повод остаться в Душанбе на более длительный срок.

Среди афганских беженцев, проживавших в Душанбе, были известные ученые, литераторы, артисты, политические и общественные деятели. Например, известные ученые Джалалиддин и Зариф Сиддики, прозаик и поэт Беранг Кухдомани (проживающий сейчас в Лондоне), певец и композитор Масрур Джамал, молодой популярный певец Ахмад Мурид, известные политические деятели: Махбубулла Кушани — председатель крупной политической партии «Революционная организация трудящихся Афганистана», занимавший пост заместителя премьер-министра и председателя госкомитета по планированию в правительстве президента Наджибуллы (теперь живет в ФРГ), Мохаммад Башир Баглани, министр юстиции и одновременно генеральный прокурор ДРА времен Бабрака Кармаля (ныне живет в Голландии) и многие другие.

С начала 1990-х гг. афганцы стали приезжать в Таджикистан по приглашению своих родственников и по коммерческим делам, но они, главным образом, бежали от войны, экономической разрухи и т.п. Именно в эти годы начали появляться афганские лавки и вещевые рынки. Так называемые «афган-базары» стали очень популярными, до той поры таких рынков в Душанбе еще не было. Оживленная торговля, культурно-языковая идентичность, стабильность политической ситуации (до 1992 г.) притягивали афганцев в Таджикистан. Однако с началом вооруженного конфликта в Таджикистане, ослабления государственной власти, криминализации общества, разрушения экономики положение афганцев, находящихся на легальном положении, стало ухудшаться. Начался массовый отток афганцев из республики. В то же время появились группы афганцев, так называемых нелегалов.

Распад Советского Союза и образование новых независимых государств привели к некоторому замешательству таджикских властей. Наступило время неопределенности со статусом пограничников СССР, охранявших таджикско-афганскую границу. По сути, граница в один миг стала прозрачной на всем ее протяжении. Пограничники не были готовы к такому развитию событий. Участились случаи массового перехода границы гражданами обоих государств в двух направлениях. Многие афганцы, переходя границу, пользовались суматохой и растворялись в обществе, а затем нелегально перебирались в другие районы. Некоторые пополняли ряды таджикской вооруженной исламской оппозиции и

принимали активное участие в боевых действиях. Эта проблема и в целом афганский фактор в таджикском конфликте отрицательно повлияли на отношении части таджикского общества к афганцам. Этим воспользовались и криминальные группировки: участились случаи грабежа и преследования афганских беженцев. Все это, а также ухудшение экономической ситуации в Таджикистане, привело к постепенному оттоку афганцев из страны.

Следует подчеркнуть, что приток и отток афганских беженцев происходили почти непрерывно, поэтому назвать точную цифру численности афганцев в Таджикистане очень трудно. Таджикистан служил своего рода транзитной страной для выезда афганцев в другие государства, в том числе и на Запад. Потому есть смысл лишь наметить общую схему и этапы притока в Таджикистан и легализации или выезда афганских мигрантов из Таджикистана. Эту схему условно можно разделить на три этапа.

1. 1978 - 1992 гг., с апрельского переворота до прихода к власти в Афганистан моджахедов. Иммигрантов этого периода условно можно разбить на две категории. В первую категорию входили студенты, научные работники, аспиранты, стажеры, воспитанники Шахринауского интерната. Их число превышало тысячу человек. В связи со сменой режима в 1992 г. и продолжающейся войной абсолютное большинство из них не вернулось на родину. Многие из них на законных основаниях интегрировались в местное общество, некоторые получили гражданство, обзавелись семьями, получили работу. По возрастному составу это были люди 25-35 лет.

Вторую категорию беженцев составляли представители левodemократических организаций, сторонники прокоммунистического режима и вообще те, которые опасались последствия прихода к власти моджахедов и искали убежище за рубежом. Таджикистан в этот период был благоприятным местом и в смысле стабильности, условий жизни и труда, и в смысле этнокультурной и языковой общности и близости к Афганистану, особенно для жителей афганского севера.

2. Апрель 1992 — сентябрь 1996 гг., с прихода к власти моджахедов до захвата столицы талибами. В этот период появились политические иммигранты, покинувшие страну после свержения президента Наджибуллы: активисты партии «Ватан», государственные функционеры, военные и гражданские специалисты, ученые, преподаватели и простые афганцы, бежавшие от не менее жестокой войны, развернувшейся между военно-политическими группировками

моджахедов. Однако нестабильная обстановка в Таджикистане в эти годы несколько затрудняла миграцию афганцев в Таджикистан.

3. Взятие Кабула талибами в сентябре 1996 г. и перемещение боев на север положило начало новому этапу миграции афганцев. К этому времени в Таджикистане ситуация стала стабилизироваться, в июне 1997 г. в Москве было подписано «Общее соглашение о мире и национальном согласии» между Объединенной таджикской оппозицией (ОТО) и правительством Таджикистана. Наладились хорошие отношения между Таджикистаном и правительством президента Б. Раббани. Эти факторы во взаимосвязи с фактором этнокультурной общности и близости стран, о чем речь шла выше, вновь увеличили приток афганцев. Война выталкивала из страны сторонников самых различных взглядов и платформ: наряду с левыми радикалами, халькистами и парчамистами, появились и исламисты, еще недавно воевавшие против просоветского режима. По мере сужения территории, подвластной правительству Б. Раббани, в среде афганской иммиграции в Душанбе заметно возросло число сторонников «Исламского общества Афганистана» (ИОА), возглавляемого Б. Раббани, и его крыла «Шуро-йе наззор» («Наблюдательный совет»), во главе с Ахмад Шах Масудом. Заметно возросло и число экономических беженцев. Разрушение всей жизнеобеспечивающей инфраструктуры, неимоверно тяжелые условия жизни заставляли людей покидать страну.

Масштабы афганской миграции

В связи с тем, что афганские мигранты использовали территорию Таджикистана как транзитную, и многие из них, надолго не задерживаясь, двигались дальше, подсчет всех находившихся и находящихся в республике беженцев затруднен. Мы опираемся на данные, которыми располагает Государственная миграционная служба Таджикистана (ГМС), то есть — численность лиц, подавших ходатайства о получении статуса беженца и число получивших этот статус. Динамику притока афганских беженцев в республику можно проследить с 1994 г., когда была создана ГМС республики. Функционирующее до этого Управление по делам беженцев при Министерстве труда и занятости населения занималось в основном таджикскими беженцами.

*Таблица № 1. Динамика притока в Таджикистан афганских беженцев
(1995-1999 гг.)¹*

Годы	Число афганцев, подавших ходатайство в ГМС для получения статуса беженца		Число афганцев, получивших статус беженца	
	Глав семей	С членами семьи	Глав семей	С членами семьи
1995	900	3700	230	500
1996	1214	1922	228	561
1997	669	1151	289	962
1998	1106	2032	459	1083
1999	1136	1936	712	1457

Таким образом, к первому января 2000 г. 4495 семьи (или 7941 человек) изъявили желание получить статус беженца. Из них 1918 семей (4563 человек) получили его. Как видно из таблицы, разница между беженцами, подавшими заявления и получившими статус, очень большая. Это отнюдь не означает, что комиссия, рассматривавшая ходатайства, многим отказывала в регистрации. По словам сотрудников ГМС, афганцу, подавшему заявление о получении статуса беженца (лица, достигшие 18 лет), выдавалось временное удостоверение сроком на два месяца. За это время беженец должен был представить необходимые документы, которые направлялись на изучение в Комитет национальной безопасности, и после необходимой проверки комиссия принимала решение о придания статуса беженца тому или иному лицу (главе семьи), а все члены семьи вносились в его удостоверение.

Так вот, большинство подавших заявление в течение этих двух месяцев, видимо, уезжали из Таджикистана и больше не обращались в ГМС. Бывало, что и кое-кто из числа получивших статус покидали страну, не уведомляя об этом миграционную службу, и долго еще числились в списках беженцев. По данным ГМС, за все эти годы только 22 человека подали прошение об аннулировании их правового статуса.

Афганские беженцы проживали преимущественно в г. Душанбе. Только их небольшая часть (около 250) проживала в городе Ходженте и на севере республики.

В 1998 г. афганские беженцы в Душанбе создали Комитет по делам афганских беженцев. Он был призван регистрировать беженцев, защищать их права, содействовать в трудоустройстве, учебе, медицинском обслуживании. До начала ноября 2000 г. в Комитете

¹ Источник: Государственная миграционная служба Республики Таджикистан (ГМС РТ).

было зарегистрировано 700 семей (4200 человек). По некоторым сведениям, из-за межпартийных и идеологических противоречий представители исламских партий бойкотировали Комитет, так как, по их мнению, в нем наблюдалась засилье представителей НДПА и других левodemократических организаций, с которыми они много лет воевали.

Из 700 зарегистрированных глав семей 26 являлись врачами и докторами наук, 45 — магистрами, 103 — с высшим образованием, 104 — офицерами в чине от капитана до генерал-лейтенанта; 29 человек имели диплом об окончании педучилища, 193 были выпускниками лицеев (12 классов), 162 имели среднее образование, 21 продолжали учебу и только 17 были неграмотными.

По региональному происхождению большинство составляли выходцы из Бадахшана, затем из провинций Парвон, Тахор, Кундуз, Балх и других мест. По этническому происхождению большинство беженцев составляли таджики, далее шли пуштуны, хазарейцы, узбеки.

Нелегальная иммиграция

По разным оценочным данным, до свержения режима талибов ежегодно через Таджикистан транзитом проезжали тысячи афганцев. Не исключено, что многие из них ждали своего часа отъезда именно в Душанбе. Некоторые предпочитали оставаться на нелегальном положении, некоторые подавали ходатайство о получении статуса беженца, но, не дожидаясь его, при удобном случае выезжали в другие страны.

Точного числа нелегалов, видимо, никто не знает. С. Олимова указывает, что на конец 1997 г. в Таджикистане по данным Государственной миграционной службы находилось 16000, а по данным МВД республики - 20000 нелегальных иммигрантов.¹

Транспортировкой мигрантов занимались интернациональные криминальные группировки — так называемые «кочокбарон» (буквально — контрабандисты), которые имели, как правило, хорошие связи. Таджикистан считался наиболее дешевым маршрутом транзитного проезда нелегалов из Афганистана в Россию и далее, в Европу. Если за 1 тысячу долларов США один человек нелегально доезжал до Душанбе, примерно за такую же цену он мог добраться до Москвы. В то же время нелегальный проезд через Иран—Турцию или через Пакистан обходился беженцу почти в два раза дороже. Наиболее удобным транспортом считался поезд Душанбе-Москва.

¹ Подробнее см.: Олимова С. Таджикистан — первая остановка на пути афганской миграции// Центральная Азия и Кавказ. — Лулео, 1998. — № 1. — С. 105-111.

Использовался также автотранспортный маршрут Душанбе—Ходжент и далее. Некоторые беженцы в Душанбе доставали таджикские паспорта, заключали фиктивные браки, шли на другие хитрости. Есть данные, правда нуждающиеся в уточнении, что было заключено более 1500 браков между афганцами и гражданками Таджикистана. Абсолютное большинство таких браков — фиктивные, они заключались для дальнейшей легализации беженцев. Свидетельством большого масштаба нелегальной иммиграции афганцев через Таджикистан может служить тот факт, что в конце сентября 2001 г., когда для проезда пассажирского поезда Душанбе—Астрахань был перекрыт казахстанский участок железной дороги, обнаружилось, что из семисот пассажиров задержанного поезда 100 являлись гражданами Афганистана, но большинство из них имели при себе таджикские паспорта. Условия перевозки нелегалов «бизнесменами» были очень выгодными для первых, ибо проезд оплачивался либо полностью по прибытию, либо половина стоимости оплачивалась в Душанбе, а другая половина - по прибытию в место назначения.

Легализация и социализация афганских беженцев

Проблемы беженцев в Таджикистане регулируются на основе Закона Республики Таджикистан «О беженцах» от 20 июля 1994 г.¹ и других законодательных и нормативных актов. В целом законодательство Таджикистана соответствует международным документам в области защиты прав беженца. Таджикистан в 1992 году присоединился к Конвенции и Протоколу о миграции. Согласно закону «О беженцах», лицо, получившее статус беженца, пользуется всеми правами гражданина Таджикистана, если иное не предусмотрено законодательством Республики Таджикистан (статья 7).

В частности, беженец имеет право:

- работать по найму или заниматься предпринимательской деятельностью, приобретать в собственность недвижимое имущество на условиях, установленных для иностранных граждан законодательством Республики Таджикистан.

Статья 9-я закона вменяет в обязанности государственных органов:

- предоставлять беженцам, прибывшим по направлению ГМС и ее органов, на местах жилые помещения в соответствии с

¹ 10 мая 2002 г. закон был принят в новой редакции.

установленными законодательством Республики Таджикистан нормами и с учетом местных условий населенного пункта;

- оказывать беженцам содействие в трудоустройстве, приобретении новой профессии или повышении квалификации;
- предоставлять предприятиям, учреждениям и организациям, принявшим на работу беженцев, дополнительные налоговые льготы;
- выплачивать беженцам пенсии и пособия в соответствии с законодательством республики;
- предоставлять детям беженцев места в дошкольных учреждениях и общеобразовательных школах и т.п.

В статье 10-й закона указывается, что беженец не может быть возвращен против его воли в страну, которую он покинул из обоснованного страха быть преследуемым по признакам расы, национальности, религиозных убеждений, политических взглядов и других обстоятельств, существенно ущемляющих права человека.

Закон определяет порядок подачи ходатайства о предоставлении статуса и порядок его получения. Согласно закону, лицо, прибывшее на территорию Таджикистана, в течение месяца обязано обратиться в ГМС с ходатайством о предоставлении статуса беженца и решении о регистрации. Ходатайство о признании лица беженцем принимается в течение трех дней. Как нам сообщили в ГМС, после регистрации ходатайства лица о предоставлении статуса беженца ему выдается временное удостоверение сроком на два месяца. Закон определяет срок принятия решения не более чем через месяц со дня регистрации ходатайства. После принятия положительного решения главе семьи выдается удостоверение беженца сроком на три года, по прошествии которых дело подлежит пересмотру. В удостоверение вносятся имена всех членов семьи, тоже получающих статус беженца.

Таким образом, беженцы в Таджикистане имеют гарантированные законом широкие права для работы, учебы, социальной защиты и т.п. Однако, как удалось выяснить в ГМС, а также в беседах с афганскими беженцами, правительство республики в силу многих объективных и субъективных причин — не могло оказывать существенную поддержку афганским беженцам. Это касается, например, вопросов предоставления временного жилья, социальных пособий, единовременной финансовой помощи, в частности, так как афганцы

прибывали в Таджикистан преимущественно по паспортам и визам консульских учреждений МИД РТ.

По прибытии в Таджикистан мигранты сами заботились о жилье; обычно они снимали квартиры или покупали их на имя своих родственников, либо знакомых граждан Таджикистана. Затем занимались вопросами трудоустройства. Основная масса афганцев независимо от профессии была занята в сфере торговли и услуг. Они компактно работали на афганских базарах «Иттифок», «Шахмансур», в нескольких крупных торговых центрах (таких как «Садбарг»), арендовали несколько ресторанчиков. Небольшая группа афганцев работала и сейчас продолжает трудиться в сфере техобслуживания автомобилей. Небольшая часть представителей афганской интеллигенции работала в высших учебных заведениях, научно-исследовательских институтах, в системе здравоохранения на условиях неполной занятости. Другая часть преподавала в трех действовавших афганских лицеях. Некоторые сотрудничали с редакциями издающихся в Душанбе афганцами газет и журналов. Есть и беженцы, которые жили за счет помощи своих родственников, находившихся в Европе или США. Немало и таких беженцев, которые после поедания средств, припасенных на родине, жили в нужде.

Культурно-языковая общность позволяла афганцам довольно быстро адаптироваться к местным условиям. У них не возникало проблем с общением, в сфере учебы и т.п. До недавнего времени многие афганские дети обучались в обычных таджикских школах, а после их окончания поступали в высшие учебные заведения республики. Единственная проблема, с которой они сталкивались, — необходимость изучения алфавита, основанного на арабской графике. Ощущалась также необходимость изучения истории, географии, литературы их страны. Поэтому афганцы пытались создавать курсы или центры по изучению персидского языка. Один из таких центров частично финансировался благотворительным фондом «Хорасан» и посольством Ирана в Таджикистане. По сути, этот центр постепенно превратился в школу, но так как лицензия на создание школы отсутствовала ее называли центром. Кроме персидского языка там изучали и другие предметы. Центр действовал с 1997 по 1999 гг., в нем занимались одновременно 320 детей и работало 15 учителей. Позднее по лицензии Министерства народного образования Таджикистана и при поддержке некоторых неправительственных культурно-просветительных организаций афганцев, в Душанбе были созданы три афганские школы. Деятельность этих учебных заведений частично финансировалась правительством

Б. Раббани. Первая школа была открыта 2 сентября 1998 г. по инициативе афганской «Ассоциации защитников арийской культуры» в Душанбе. Первоначально в ней обучалось 150 детей. С 1999-2000 учебного года она приобрела статус лицея с названием «Ориёно». Численность учащихся лицея возросла до 524 человек, работало там 30 афганских учителей.¹ Затраты на содержание лицея в основном лежали на родителях самих учеников. Некоторые благотворительные международные организации тоже оказывали помощь лицей. При нем функционировал и медпункт. На таких же основаниях с 1999 г. функционирует лицей «Эстикляль» («Независимость»). В нем обучалось около 200 детей.

Самое большое учебное заведение афганцев, открытое в Таджикистане, — лицей «Саманиян». Его официальное открытие состоялось 22 марта 2000 г. Основателями лицея стали фонд «Хорасан», «Комитет по делам афганских беженцев», посольство Исламского Государства Афганистан в Душанбе и несколько афганских предпринимателей. По словам председателя фонда «Хорасан» Шах Абдула Ахада Афзали, этот лицей был создан для детей из неимущих слоев афганских мигрантов, которые не имели возможности учиться в платных школах. Содержание лицея полностью взяли на себя его организаторы. По словам директора лицея, в начале 2000 г. в нем обучалось 750 детей. Однако из-за возникших проблем со зданием и поиском другого здания лицей пришлось закрыть на несколько месяцев, часть учеников перешла в другие школы. На начало декабря 2000 г. в лицее осталось 600 афганских детей. 42 учителя (шестеро из которых были таджикские граждане) вели занятия в 24 классах. Учебный процесс был организован по программам таджикских школ. Дополнительно изучались история, география и литература Афганистана и язык фарси.² При лицее «Саманиян» был создан «Комитет по подготовке и переводу учебников», занимавшийся совместно с таджикскими специалистами подготовкой учебников. В частности, были изданы букварь для первоклассников и учебник математики для 6-7 классов. Осуществляется перевод с кириллицы на фарси учебников, изданных для таджикской школы.

Необходимость решения культурных, социальных, правовых и других проблем, отстаивания групповых интересов вызвала к жизни возникновение ряда национальных объединений, культурных

¹ Фарханг-е Ориёно. — Душанбе, 1999. — №№ 7, 8, 9. — С. 176-177.

² Правительство Раббани, хотя его представитель и входил в состав руководства лицея, не вмешивалось в учебный процесс, и предметы религиозного характера в программу включены не были.

ассоциаций, благотворительных фондов. Одной из первых была создана «Анджоман-е посдарон-е фарханг-е Ориёно» («Ассоциация защитников арийской культуры»). Она объединяла представителей передовой афганской интеллигенции: ученых, преподавателей вузов, всех тех, кто был обеспокоен состоянием культуры, уничтожением культурного наследия Афганистана. Ассоциация занималась развитием языка фарси (дари), распространением и пропагандой культурного наследия арийцев. Ассоциация выпускала журнал «Фарханге Ориёно» («Культура Арианы»), открыла (как было сказано выше) лицей «Ориёно» и руководила его деятельностью. В рамках ассоциации был создан (хотя в своей деятельности являлся самостоятельным) «Совет защиты прав женщин и детей беженцев Афганистана», возглавлявшийся госпожой Симин Мушриф. Совет был призван защищать основные права наиболее уязвимой части беженцев — женщин и детей не только в Таджикистане, но и на их родине. Совет устраивал различные семинары, конференции, «круглые столы» в защиту прав женщин и детей.

В Душанбе на правах НПО был зарегистрирован «Союз беженцев Афганистана», а в 1998 г. — «Комитет по делам афганских беженцев в Таджикистане». Состав комитета был избран на общем собрании. Первым председателем комитета стал инженер Мохаммад Азиз — член парчамистского крыла НДПА, занимавший высокие посты в правительстве Кармала и Наджибуллы (бывший мэр Кабула, бывший заместитель председателя Совета Министров Республики Афганистан, бывший губернатор Бадахшанской провинции).

Афганские беженцы в Душанбе создали также «Совет мира и согласия», который пытался содействовать мирному урегулированию афганского конфликта. Председателем совета являлся Исроил Роси, бывший член ЦК НДПА (крыло «Парчам»), бывший министр среднего и технического образования Афганистана. Совет выпускал журнал «Бомдод» («Утро»). Для удовлетворения своих духовных нужд беженцы создали и различные научные центры — такие как «Аль-Беруни», «Нур» («Луч»), «Ассоциация помощи молодежи», где молодежь обучали навыкам знанию компьютерной техники и английскому языку. По инициативе и за счет личных средств Джафара Ранджбара была открыта библиотека имени Х. Халили. Дж. Ранджбар выпускал газету «Армуган-е Балх» («Подарок Балха»).

Афганские иммигранты активизировали свою деятельность и в сфере печати. В Душанбе выходило около десяти газет и журналов, которые отражали взгляды различных политических

сил. В Таджикистане на правах беженцев проживали представители практически всех афганских политических организаций, движений и этнических групп: коммунисты, исламские фундаменталисты, монархисты, участники националистических группировок. Наиболее активную деятельность вели представители ИОА и его панджшерского крыла «Шуро-йе назор», многие газеты и журналы финансировались ими. Большой популярностью среди беженцев пользовалась еженедельная газета «Хамбастаги» («Солидарность»), идентифицировавшая себя как «свободное общественно-культурное издание». Издателем еженедельника являлся бывший первый секретарь посольства ИГА в Таджикистане Мухайеддин Махди.

Джалалиддин Раббани, сын Бурхануддина Раббани, издавал журнал «Собх-е омед» («Утро надежды») и газету «Пайяме мейхан» («Вестник родины»). «Собх-е омед» — это общественно-культурный и воспитательный ежемесячный журнал, который, по мнению издателя, главной своей задачей считал служение афганским семьям и молодежи, и не отождествлял себя с какой-либо из политических группировок. Газета «Пайяме мейхан» называла себя общественно-культурным и информационным изданием, она выходила каждые пятнадцать дней, публиковала на языках дари и пушту материалы о военной и политической ситуации в Афганистане, стихи афганских поэтов, культурные новости.

Отдел культуры аппарата президента ИГА выпускал четырехстраничный еженедельный «Хабарнома» («Бюллетень новостей»).

В конце 1990-х гг. в Душанбе активизировали свою деятельность сторонники Захир-шаха, пытаясь создать здесь своего рода легальный центр для пропаганды «Римской программы» бывшего короля. Мохаммад-шах Сафи, представлявший «Римскую группу», находился под давлением различных антимонархически настроенных афганских сил в Таджикистане, прежде всего — исламистов. Тем не менее, ему удалось выпускать газету «Фардо-йе Афгонистон» («Завтра Афганистана»). Через нее он разъяснял точку зрения сторонников экс-короля относительно афганской проблемы, анализировал существующие различные планы урегулирования афганского конфликта. М. Сафи считал программу урегулирования афганского конфликта, предлагавшуюся Захир-шахом, наиболее оптимальной. О численности его сторонников в Душанбе судить трудно. Вероятно, Сафи опирался, прежде всего, на

немногочисленных представителей халькистского крыла НДПА и некоторых деятелей шахского режима.

На правах беженцев в Душанбе проживали представители Народно-демократической партии Афганистана (НДПА), парчамисты, халькисты и представители других отколовшихся от НДПА группировок. Они были разобщены, не имели единого центра, не выдвигали своей собственной программы урегулирования афганского конфликта. Более того, коммунисты еще делились на сторонников С.А. Кештманда, Б. Кармаля, Наджибуллы и т.д. Наиболее колоритными фигурами среди парчамистов были упоминавшиеся выше Исроил Роси и инженер Мохаммад Азиз. Халькистов было меньше, наиболее видной фигурой среди них являлся генерал Бахтибек.

Немало проживало в Душанбе и сторонников «Созмон-е энкелаби-йе захматкашон-е Афғонистон» («Революционная организация трудящихся Афганистана», РОТА), известная в прошлом как «Ситам-е мелли» («Национальный гнет»), а также отколовшейся от нее еще в 1970-х гг. «Созмон-е фидаиян-е захматкаши Афғонистон» («Организация фидаинов трудящихся Афганистана»). Многие их сторонники были объединены вокруг «Ассоциации защитников арийской культуры» и журнала «Фарханге Ориёно», своего центра они не имели.¹

Научная афганская интеллигенция совместно с Институтом востоковедения и письменного наследия АН РТ издавала журнал «Аму». Журнал имел научный характер, в нем публиковались статьи по истории, археологии, географии, литературе Афганистана, по проблемам философской мысли народов Востока, политологии и т.д.

В свою очередь, Таджикистан предоставлял на своем радио и телевидении эфирное время государственной телерадиокомпании ИГА. В частности, на душанбинском телеканале «Пойтахт» («Столица») выходила раз в неделю часовая телепрограмма «Салом, хамватан» («Здравствуй, соотечественник»). Эфирное время предоставлялось и для радиопрограммы «Садо-йе хамватан» («Голос соотечественника»). В 2001 г. был создан информационный центр ИГА «Ария-пресс».

Существование многочисленных группировок различной политико-идеологической ориентации и их деятельность в Душанбе дают основание говорить о многоликости имиджа афганской общины в Таджикистане. На основе собственных наблюдений автора, можно отметить, что часть афганцев, представляющая разные политические

¹ Руководитель РОТА Махбубулла Кушони живет в Германии, некоторые другие лидеры организации, в частности Зухурулло Зухури и Башир Баглали, — в Голландии.

группировки, ставила тогда под сомнение перспективы правительства Б. Раббани. Особенно велико было недовольство тем, что Раббани и Масуд не смогли создать сколько-нибудь устойчивой системы государственной власти, прекратить всевластие командиров и моджахедов, не обеспечили порядок и безопасность в зонах, даже далеких от боевых действий. Это, по их мнению, подрывало доверие народа к правительству Б. Раббани, который, как они считали, должен был собрать вокруг себя представителей всех политических сил, недовольных режимом талибов. По мнению этой части эмигрантов, Раббани не только их не привлекал, но, наоборот, отталкивал, исходя из их идеологических разногласий. Другая часть беженцев вообще не видели разницы между талибами и правительством Б. Раббани, и считали, что свержение последнего дало бы возможность афганским патриотам сосредоточить усилия на борьбу с талибами. Хотя сравнивать политику президента Бурхануддина Раббани с политикой режима талибов, по меньшей мере, было несправедливо.

Глубина и жесткость афганского противостояния серьезно ощущались среди афганцев, находящихся за пределами родины. Поэтому, несмотря на наличие в Душанбе многочисленного контингента образованной части афганского общества, афганской общине Таджикистана так и не удалось выступить с единой программой по урегулированию конфликта. Все проводимые акции: семинары, круглые столы, встречи и конференции сопровождались взаимными обвинениями, свидетельствующими о неготовности подавляющей части участников принять или понять, хотя бы в общих чертах, иные мирные планы — в частности, предложенные на Кипре или в Риме.

Проблемы афганских беженцев в Таджикистане

Политика правительства Таджикистана в области миграции основана на международных принципах защиты и соблюдения прав беженцев, предоставления им убежища. Однако республика, сталкиваясь с большими трудностями, не могла справиться с лавинообразной миграцией из Афганистана. В Таджикистане отсутствовали резервационные пункты по приему беженцев. Не были созданы лагеря для их проживания, наподобие лагерей в Пакистане (или в Афганистане для таджикских беженцев в начале 1990-х гг.). Помощь от международных организаций на содержание беженцев не поступала. Остро стоял вопрос о нелегальной миграции. По данным правоохранительных органов Таджикистана, многие афганцы были интегрированы в структуры международной наркомафии, действовавшей на территории Таджикистана. Некоторые афганцы

занимались незаконной деятельностью по нелегальной переправке мигрантов, были вовлечены в другие сферы криминального бизнеса.

Таким образом, вокруг афганцев формировался негативный имидж. В сознании таджикского обывателя афганцы ассоциировались не с нищими беженцами, потерявшими на войне все, а с богатыми людьми, работающими в сфере торговли и к тому же занимающимися незаконной деятельностью.

Общественное сознание таджиков не воспринимало их как таких же таджиков, живущих по другую сторону реки, многие из которых иммигрировали с территории Таджикистана в 1920-1930-е гг.

Правительство всеми мерами пыталось ограничить миграцию афганцев. 2 апреля 2001г. был издан Указ президента Республики Таджикистан «Об усилении борьбы против незаконной миграции в Республике Таджикистан». На основе этого указа была усилена деятельность пограничных сил по выявлению незаконных иммигрантов на границе, нередко предпринимались рейды по проверке и перепроверке документов, задержанию и доставке этих людей в органы милиции для выяснения личности. Таким же образом дело обстояло и во взаимоотношениях некоторых чиновников налогового ведомства с беженцами, работающими в сфере торговли.

Ситуация, складывавшаяся вокруг беженцев, очень беспокоила афганцев. По их мнению, определенные круги в Таджикистане специально нагнетали антиафганские настроения. При удобном случае многие, особенно молодежь, уезжали из Таджикистана, другие пытались протестовать.

Особенно беспокоило афганских беженцев постановление правительства РТ № 325 от 26 июля 2000 г. «О перечне населенных пунктов, временное проживание в которых лицам ищущим убежища и беженцам не разрешено». Для обеспечения безопасности и общественного порядка, на основе 7-й статьи закона РТ «О беженцах» и 19-й статьи закона РТ «О правовом положении иностранных граждан в Республике Таджикистан», правительство республики этим постановлением утвердило перечень населенных пунктов, временное проживание в которых лицам ищущих убежища и беженцам не было разрешено. В списке были указаны: вся территория Горно-Бадахшанской автономной области, города Душанбе, Турсунзаде, Рогун, Кафарниган (ныне Вахдат), районы Варзоб, Файзабад, Дарбанд (ныне Нурабад), Гарм (ныне Рашт), Таджикабад, Тавильдара, Джиргаталь, города Курган-тюбе, Сарбанд, Куляб, Нурек, районы Пяндж, Фархар, Москва

(ныне Хамадани), Шурабад, Шахртус, Кабадиян, Джилликуль, Яван, города Ходжент, Канибадам, Табашар, Кайракум, Исфара. Беженцам, согласно этому документу, было дано разрешение жить лишь в трех близлежащих к столице сельских районах — Ленинском (ныне Рудаки), Гиссарском и Шахринауском.

Афганские беженцы были озабочены тем, что, с одной стороны, им очень трудно найти жилье в сельских районах, чтобы жить более или менее компактно. С другой стороны, по их мнению, никто не мог гарантировать там их безопасность. Было еще одно беспокоящее афганцев обстоятельство: подавляющее большинство афганских беженцев работало в сфере торговли в столице. Все существующие школы для детей афганских беженцев находились в Душанбе. Ежедневный проезд из районов в Душанбе и обратно (один конец маршрута составляет более 25-30 км) стал бы проблемой. Проблематичным выглядел и вопрос трудоустройства беженцев, к тому же на какую-либо помощь международных организаций, правительства Таджикистана рассчитывать не приходилось.

Впрочем, несмотря на твердую решимость правительства переселить беженцев из Душанбе в близлежащие сельские районы, ему так и не удалось этого сделать. Учитывая этот факт, ГМС РТ разработала и по согласованию с заинтересованными ведомствами представила в правительство обновленный проект постановления «О перечне населенных пунктов, временное проживание в которых лицам ищущих убежища и беженцам не разрешено», которое и было принято 2 августа 2004 г.

Победа над талибами и создание временной администрации в 2001 г. создали условия для стабилизации ситуации в Афганистане. Началась и репатриация беженцев. Сразу по переходу столицы Афганистана под контроль «Северного альянса» начали возвращаться в Кабул сторонники Б. Раббани и А.Ш. Масуда, проживавшие в Душанбе. Переместились в Кабул и редакции практически всех издававшихся при их содействии в Душанбе газет и журналов.

ГМС РТ при содействии представительства УВКБ ООН в Таджикистане также начала работу по возвращению афганских беженцев на родину. До января месяца 2005 г. было возвращено из Таджикистана в Афганистан 1013 беженцев. В том числе: в 2002 г. - 813 чел., в 2003 г. - 133, в 2004 г. - 66 и в январе 2005 г. - 1 чел. Одновременно по программе УВКБ ООН и МОМ было перемещено в третьи страны 452 афганских беженца, в том числе в 2001 г. - 43, в 2002 г. - 75, в 2003 г.

- 97, в 2004 г. - 116 и за январь 2005 г. - 121 чел. Кроме того, УВКБ ООН планирует до конца 2005 г. переселить в Канаду еще 960 беженцев.

На основании статьи 5-й закона «О беженцах», ГМС совместно с представителями УВКБ ООН в целях определения численности беженцев и изучения уровня их жизни с 23 февраля по 13 марта 2004 г. провела перерегистрацию беженцев. В результате было зарегистрировано 2535 иностранных беженца и лиц, ищущих убежище, в том числе граждан Афганистана - 2525, Ирана - 7, Камеруна - 2 и Китая - 1.

В связи с тем, что различные международные организации в Таджикистане, в том числе Фонд Ага-хана, УВКБ ООН и т.д., занимались перемещением беженцев в третьи страны (Европу, Канаду, США), в Таджикистан и сегодня продолжают прибывать афганцы из Афганистана и даже из Пакистана, записываются и ждут своей очереди. Среди вновь прибывших немало тех, кто были репатриированы из Таджикистана в 2002-2003 гг.

По данным той же ГМС, в начале 2005 г. в Таджикистане было зарегистрировано 458 семей беженцев, общей численностью 1831 человек, что по сравнению с 2000 г. (4563) меньше в 2,5 раза. Беженцы проживают в основном в г. Душанбе — 1644, в Согдийской области — 153, в Хатлонской области — 3, и в районах республиканского подчинения — 31.

Численность афганских беженцев в Таджикистане по-прежнему постоянно меняется. Это, как и прежде, связано с их переселением в другие страны. По данным на конец первого квартала 2005 г., полученным в ГМС РТ, в Таджикистане зарегистрировано 1661 беженца. Из них 1659 являются афганцами и только 2 — иранцы.

Таблица №2. Половозрастной состав беженцев¹

	Всего человек	В том числе в возрасте			
		0-5 лет	6-14 лет	трудоспособном: для мужчин — 15-62 лет, для женщин — 15-57	старше трудоспособного возраста: 63 и старше для мужчин, 58 и старше — для женщин
Оба пола	1661	190	607	846	18
Мужчины	927	100	230	590	7
Женщины	734	90	377	256	11

¹ Источник: ГМС РТ. Здесь и выше мы пользовались данными «Комитета по делам беженцев» относительно уровня образования и профессионального состава только по главам семей афганских беженцев.

Полученные данные в ГМС РТ касаются всех беженцев на конец первого квартала 2005 г. и показывают, что Афганистан покидают не простые афганцы, а много образованных людей, имеющих такие специальности как юристы, инженеры, связисты и т.д.

Таблица №3. Уровень образования беженцев¹

	Человек
Из общей численности лиц в возрасте 15 лет и старше	846
Высшее	171
Незаконченное высшее и среднее специальное	69
Среднее (полное) общее	110
Основное общее	30
Начальное	201
Не имеют образования	

Таблица №4. Профессиональный состав беженцев²

Наименование профессии, специальности	Человек
Юрист	5
Инженер	15
Связист	9
Экономист	7
Учитель	40
Врач	16
Журналист	15
Водитель	13
Офицер	41

Таким образом, число афганских беженцев в Таджикистане сокращается. Часть возвращается на родину, другая часть уезжает в страны Европы и США. Тем не менее, определенное число афганцев все же останется в Таджикистане. Некоторые привыкли здесь жить, другие выросли в Душанбе. Идентичная языковая и культурная среда, близость Афганистана притягивают их. И если афганцы постепенно вытесняются из сферы рыночной торговли, то профессиональный труд афганцев, работающих в сфере техобслуживания автомобилей, востребован в Таджикистане, да и к тому же является высокодоходным.

Приток в Таджикистан новых иммигрантов зависит и от продолжительности программы УВК БООН и других организаций,

¹ Источник: ГМС РТ.

² Источник: ГМС РТ.

занимающихся перемещением афганцев в третьи страны. Если она в скором будущем завершится, то трудно ожидать новых миграционных потоков из Афганистана, конечно за исключением гипотетической ситуации нового серьезного обострения военно-политической обстановки в этой стране.

Борьба советской дипломатии за «афганский коридор» в зону пуштунских племен в 1919-1921 гг. (по архивным материалам)

Ю.Н. Тихонов

В XX в. человечество столкнулось с феноменом активного соперничества великих держав в различных районах Азии и Африки. В течение XX в. процесс глобализации превратил локальные конфликты и различные повстанческие движения в восточных странах в важный составной элемент международных отношений. Наиболее ярко эта тенденция проявилась в стратегически важных регионах нашей планеты. В настоящее время мы являемся свидетелями нового витка «Большой игры» на Среднем Востоке, в эпицентре которой в течение двух столетий находится Афганистан.

С конца XIX в. одной из самых значительных зон повстанческого движения в мире стали районы проживания пуштунских племен. Восточные пуштуны (патаны) оказывали мужественное вооруженное сопротивление всем попыткам Великобритании установить свой военный и административный контроль над их землями. В начале XX в. обстановка на индо-афганской границе из-за постоянных антибританских восстаний восточных пуштунов обострилась настолько, что «независимая» полоса,¹ по меткому выражению комиссара Северо-Западной Пограничной провинции (СЗПП) Гамильтона Гранта, являлась «приграничной раной» Британской Индии. Любой враг Англии стремился нанести удар в эту болевую точку. В годы первой мировой войны Германия попыталась использовать освободительную борьбу пуштунов с целью ослабления Великобритании. Частично это ей удалось.

В годы гражданской войны и иностранной интервенции фактической восприимчивой германских планов нанести удар по британским позициям в Индии через Афганистан стала Советская Россия. Однако именно этот факт долгое время оставался тайной за семью печатями для отечественных востоковедов. В 1990-х гг. снятие грифа секретности с документов, хранящихся в фондах центральных российских архивов, позволило исследователям на основе изучения новых источников приступить к освещению советской политики в отношении Афганистана и Индии. На базе этих материалов в России

¹ Полоса «независимых» племен Британской Индии («независимая» полоса) — горные районы вдоль индо-афганской границы, на которые власть английских колониальных властей не распространялась. Автор статьи употребляет термин «зона пуштунских племен», когда события на индо-афганской границе затрагивают районы СЗПП Британской Индии, Афганистана и части Белуджистана.

был опубликован ряд работ, внесших весомый вклад в дальнейшее изучение данной темы.¹

В этой статье автор стремится продолжить исследования своих коллег и более углубленно осветить роль «пуштунского фактора» в тайной дипломатии Москвы и Кабула в 1919-1921 гг. Указанная проблема, на наш взгляд, пока не получила должного изучения, хотя она и была одной из ключевых в советско-афганских отношениях в указанный период.

В январе 1919 г., как только была восстановлена связь РСФСР с Туркестанской Советской Республикой (ТСР), большевистское руководство решило заключить наступательный союз с Афганистаном против Англии, чтобы обеспечить себе, главным образом, «афганский коридор»² в зону пуштунских племен для организации «революции» в Индии.

Афганский эмир Аманулла-хан, о восшествии которого на престол в Москве долгое время ничего не было известно, также нуждался в союзнике против англичан. Поэтому в начале 1919 г. в Москву эмиром была отправлена первая афганская миссия во главе с М. Баракатуллою, а в Ташкент прибыл первый советский посланник в Кабуле Николай Захарович Бравин.

Бывший царский дипломат, долгое время проработавший в Иране, Н.З. Бравин был знатоком многих восточных языков и хорошо разбирался в политической ситуации на Среднем Востоке. Он прекрасно понимал, что политика Англии в этом регионе определяется главной целью — обезопасить свое господство в Индии от любых вражеских происков. Вероятно, он, как и многие умные люди в начале XX в., предвидел неизбежность войны между Антантой и Тройственным союзом. Ему нетрудно было предугадать также, какие действия предпримет Германия в Иране и Афганистане. Поэтому он из честолюбивых побуждений

¹ Бойко В.С. Советская Россия и афганские леворадикальные группы начала 1920-х годов // *Анналы: ИВ РАН*, 1995. — Вып. II. — С. 74-81; его же: Советский Союз, Коминтерн и Афганистан в конце 1920-х — начале 1930-х годов // *Восток*. — М., 1998. — № 4. — С. 38-52; Гилсенсен В.М. Туркестанское бюро Коминтерна (осень 1920 г. — осень 1921 г.) // *Восток*. — М., 1999. — № 1. — С. 59-77; Панин С.Б. Дипломатическая борьба держав в Афганистане. 1919-1921 гг. // *Страницы истории и историографии Индии и Афганистана. К столетию со дня рождения И.М. Рейснера*. — М., 2000.; его же: Советская Россия и Афганистан. 1919-1929. — М., 1998; его же: «Советская угроза» Британской Индии: афганский плацдарм (20-е годы XX в.) // *Восток*. — М., 2001. — № 6. — С. 24-35.

² В 1920-1921 гг. данный термин довольно часто употреблялся в переписке НКВД. Использовался он и в коминтерновских документах. На наш взгляд, он наиболее точно указывает на цели советского правительства и Коминтерна в Афганистане: получить проход к Британской Индии. Географически «афганский коридор» включал в себя территорию Афганистана, «независимой полосы» пуштунских племен Британской Индии, а также северные районы Белуджистана.

несколько лет настойчиво добивался своего назначения российским вице-консулом в иранскую провинцию Сеистан, граничащую с Афганистаном. Скорее всего, Бравин рассчитывал ускорить свою карьеру, участвуя в «охоте» за секретной немецкой миссией в Кабуле. Когда в августе 1915 г. немцам удалось прорваться в Афганистан, работа в Сеистане потеряла для него былую привлекательность. После октября 1917 г. Бравин был единственным царским дипломатом в Иране, который признал власть нового советского правительства, назначившего его своим полпредом в Тегеране. В 1918 г. он поднял красный флаг над зданием российского посольства в иранской столице, но вскоре из-за английских интриг был вынужден уехать в Москву.¹ В НКВД кандидатуру Бравина в качестве первого советского полпреда в Афганистане утвердил глава НКВД Г.В. Чичерин.

В Ташкенте приезд бывшего царского дипломата был воспринят правительством ТССР крайне негативно. Никто не мог оспорить того факта, что Бравин был профессиональным дипломатом и большим знатоком Востока, но он был, по мнению туркестанского руководства, «идейно чуждым элементом». В связи с этим в Ташкенте было принято решение для контроля над полпредом включить в состав посольства надежных «партийцев»: К.М. Куликова, М.И. Зибарова, Дженабе и А. Аулиани и начальника Главного штаба ТССР Бориса Николаевича Иванова. Последний получил задание «добиться от эмира заключения с ним наступательно-оборонительного договора против англичан».² Кроме этого, Иванову устно приказали убить Бравина, если тот окажется изменником. 1 июля 1919 г. советская военно-дипломатическая миссия пересекла афганскую границу, но прибыла в Кабул лишь в августе, когда Аманулла-хан уже заключил мирный договор с Англией.

По пути в афганскую столицу произошла весьма символическая встреча представителей Советской России с последними немцами, покидавшими Афганистан: то, что не удалось сделать им в годы первой мировой войны, пытались теперь осуществить большевики.

21 августа 1919 г. советское посольство прибыло в Кабул и сразу же оказалось под бдительным контролем афганских властей, которые стремились максимально изолировать вновь прибывших «гостей эмира». Аманулла-хан и его окружение стремились избежать нового

¹ Биографию Н.З. Бравина см. подробнее: Генис В. Вице-консул Введенский. Служба в Персии и Бухарском ханстве (1906-1920 гг.). — М., 2003. — С. 71-83, 159; Доклад тов. Иванова о первом советском посольстве Российской Социалистической Федеративной Советской и Туркестанской республик в Афганистане в 1919 году// Российский государственный военный архив (далее — РГВА). — Ф.25859. Оп. 2, д.110, л.1.

² РГВА. — Ф.25859. Оп. 2, д.110, л.2.

обострения отношений с Великобританией, так как Афганистан не был готов к новой войне с ней. Кроме этого, афганская сторона оправданно опасалась, что члены посольства Советской России попытаются наладить в Афганистане сбор разведсведений, а также будут вести коммунистическую пропаганду.

Бдительность афганцев была оправдана, так как в охране советской миссии было 10 туркестанских коммунистов «для политической работы среди афганцев».¹ В свою очередь, военный атташе Иванов, несмотря на все трудности, активно вел сбор необходимой информации в Кабуле. В его распоряжении была большая сумма золотом и серебром. Впоследствии он вспоминал: «Такое наличие суммы (так в документе. — Ю.Т.) дало мне возможность вести разведку, несмотря на принятые против нас особенные меры изоляции. Солдаты (афганские. — Ю.Т.) дрались, кому из них ехать со мной, потому что конвоиры получали от меня по пятерке, за это они нам позволяли делать все что угодно. Я бывал нелегально у турок, объезжал их посты, разговаривал с офицерами».²

Однако не все шло так гладко, как описывал Иванов. Так, он трижды просил эмира разрешить ему проезд в зону пуштунских племен, но каждый раз получал отказ. В октябре 1919 г. военные советники во главе с Ивановым вынуждены были покинуть Кабул, так и не выполнив своей главной задачи — заключить с Амануллой военный договор против Англии.³ Деятельность Бравина была более успешной и привела к установлению дипломатических отношений между Москвой и Кабулом, что нанесло ощутимый удар по британским позициям на подступах к Индии.

С самого начала отношения между Афганистаном и Советской Россией формировались на антибританской основе. Деятельность представителя Амануллы-хана в Москве М. Баракатулла, который еще в 1915 г. прибыл с германской миссией в Кабул, где вскоре возглавил созданное с немецкой помощью «Временное правительство Индии», является ярким тому подтверждением. По заданию эмира в апреле 1919 г. он прибыл в российскую столицу, чтобы договориться о помощи советского правительства Афганистану и всем антибританским силам в Центральной Азии.

¹ Доклад Б.Н. Иванова Турккомиссии// РГАСПИ. — Ф.495. Оп.154, д.26, л. 148.

² Доклад тов. Иванова о первом советском посольстве Российской Социалистической Федеративной Советской и Туркестанской республик в Афганистане в 1919 году// РГВА. — Ф.25859. Оп. 2, д. 110, л. 8 (об).

³ О первых дипломатических контактах между Советской Россией и Афганистаном см. подробнее: Теплинский Л.Б. История советско-афганских отношений. — М., 1988. — С. 33-42; Панин С.Б. Советская Россия и Афганистан. 1919-1929. — М., 1998. С. 14-32.

22 апреля 1919 г. Баракатулла направил Ленину свою первую докладную записку, в которой предложил «оказать большевистскому правительству ценные услуги в борьбе с общим врагом большевизма и Ислама — Англией».¹ В этом документе также говорилось: «В Афганистане удивительно счастливое стечение обстоятельств чрезвычайно благоприятствует развитию большевизма. Афганцы никогда не любили англичан, но эти последние путем щедрой денежной поддержки сохраняли свое влияние на правителей Афганистана. Последний эмир Хабибулла был англофилом, но, желая быть популярным в народе, играл двойственную роль. Новый эмир Аманулла-хан определенный англофоб (так в документе. — Ю.Т.). Он не за что не вступил бы в сношения с англичанами, если бы можно было этого избежать. Он наш близкий и искренний друг, а это означает, что двери Индии широко открыты для русского правительства, если только оно сумеет немедленно использовать благоприятное стечение обстоятельств».

Баракатулла предлагал советскому правительству заключить с новым афганским эмиром военный союз «против английского господства в Индии» и просил предоставить Кабулу один миллион фунтов стерлингов и вооружение для подготовки к войне с Англией. По его мнению, к Афганистану неизбежно должны были присоединиться приграничные пуштунские племена и «тогда революция в Индии станет неизбежной».

Посланец Аманануллы считал, что Советская Россия должна перейти к обороне на всех фронтах, но продолжать активные военные действия в Туркестане и, в конце концов, осуществить вторжение в Индию. При этом Баракатулла особо подчеркивал, что «в Афганистан должны быть посланы лишь дисциплинированные войска», авангардом которых предстояло стать части, сформированные из мусульман.

Для подготовки населения Туркестана, Афганистана и зоны пуштунских племен к борьбе против Англии Баракатулла просил у большевиков типографское оборудование, английские и персидские шрифты, а также бумагу для издания «книг и памфлетов религиозно-политического характера для привлечения мусульманского населения на сторону прогресса и для борьбы с изуверами-муллами, агентами деспотизма». Одним словом, Ленину предлагался масштабный план объединения мусульман Центральной Азии против Великобритании.

¹ Записка № 1 Баракатуллы «Центральному российскому правительству. О целях и задачах афганской делегации» от 22.04.1919 г. // АВП РФ. — Ф. 090. 1919. Оп. 2, п. 1, д. 1, л. 7-9.

Фундаментом этого альянса должен был стать военный союз Советской России с Афганистаном, а его главной целью изгнание англичан из Индии.

Подобные планы индийских националистов всегда предусматривали организацию антибританского восстания пуштунов. Однако Баракатулла, зная о скором начале англо-афганской войны, видимо, очень спешил при подготовке своей первой докладной записки советскому правительству и уделил вопросу о приграничных племенах недостаточно внимания. Чтобы исправить этот свой недочет, он также отправил в Кремль свою статью, опубликованную еще в 1913 г. в Токио. В ней Баракатулла писал о патанах следующее: «Если соединить в великой государственной дальновидности ту силу и храбрость, которая у них имеется, то их хватит на завоевание мира. В их гражданские дела вмешиваться не нужно, но следует закрепить их сердца в любви к афганскому государству узами братства в исламе. Как Пророк посылал проповедников к арабским племенам, так и нам нужно послать проповедников во все пограничные племена».¹

7 мая 1919 г. Ленин принял неофициального представителя Амануллы-хана. Записи беседы лидера большевиков с Баракатуллой не велось, но не трудно предположить какие вопросы обсуждались на этой встрече. Очевидно, что в условиях гражданской войны Ленин не мог обещать индийцу никакой реальной помощи против Англии. Следует отметить, что оба собеседника еще не знали о начале войны между Великобританией и Афганистаном. Об этом еще не знали даже в Ташкенте. Известия о событиях в Афганистане доходили до Туркестана, не говоря уже о Москве, с большим опозданием.

Недостаток информации и отсутствие точных указаний Баракатулла и Бравин восполняли одинаковым пониманием своей главной задачи — нанести сокрушительный удар по могуществу Англии в Индии. Судя по архивным документам, этим «первопроходцам» советско-афганских отношений удалось встретиться в марте 1919 г. в Ташкенте. Скорее всего, там они обсудили наиболее значимые вопросы. Очевидно, что Баракатулла и Бравин расценивали заключение будущего советско-афганского военного договора как очередной виток «Большой игры» в Центральной Азии. Так, в одном из своих писем в НКВД Бравин писал: «История России дает нам неоспоримые доказательства неумолимой предопределенности тяготения России к Востоку и, в частности, к Средней Азии и Индии. На Индию тянула

¹ АВП РФ. — Ф. 090. 1919. Оп. 2, п. 1, д. 1, л. 22.

роковая судьба царскую Россию, тянет она и Советскую Россию. Именно в Индии должны разрешиться мировые вопросы, а разрешаются они столкновением России с Англией».¹

Известие о начале англо-афганской войны заставило Ленина и его окружение более серьезно относиться к установлению дипломатических отношений с Афганистаном. Большевики не могли упустить благоприятного момента для того, чтобы закрепить на «перекрестке Азии». Союз с Афганистаном открывал для Советской России перспективы мирового масштаба.

Столь ответственное задание Ленин мог поручить только человеку, которому он доверял, то есть проверенному «партийцу». Бравин таковым не являлся, и в Кремле его решили сместить с должности советского полпреда в Кабуле. На этот пост 23 июня 1919 г. был назначен большевик с дореволюционным стажем - Я.З. Суриц. Его верительная грамота была лично отредактирована и подписана Лениным, а также заместителем народного комиссара по иностранным делам РСФСР Л. Караханом.²

Этот документ служит убедительным доказательством того, что уже летом 1919 г. у Ленина зародились планы использовать Афганистан в качестве плацдарма для экспорта революции в Южную Азию. В верительной грамоте Сурица говорилось: «Именем Рабоче-Крестьянского правительства Российской Социалистической Федеративной Советской Республики Совет Народных Комиссаров назначает сим товарища Якова Захаровича Сурица [...] чрезвычайным и полномочным представителем Российской Социалистической Федеративной Советской Республики в Центральной Азии, возлагая на него дипломатические сношения с народами независимого Афганистана, независимыми племенами Белуджистана, Хивы и Бухары и с борющимися за освобождение народами Индии, Кашмира и Тибета. Товарищ Суриц уполномачивается Рабоче-Крестьянским правительством входить в непосредственные сношения с существующими и имеющими образоваться правительствами сих стран и со всеми революционными организациями, преследующими цель освобождения народов Центральной Азии от иностранного владычества; уполномачивается назначать своих представителей и агентов, вступать в переговоры непосредственно или через них и заключать соглашения и договоры от имени Рабоче-Крестьянского правительства и подписывать сии документы по одобрении их Центральным правительством в Москве».³

¹ АВП РФ. — Ф.071. 1919. Оп. 1, п. 101, д. 4, л. 53.

² Теплинский Л.Б. История советско-афганских отношений. — М., 1988. — С.42.

³ Советско-афганские отношения. 1919-1969. — М., 1971. — С. 13-14.

По своему содержанию этот документ больше походил на мандат комиссара, чем на сопроводительную бумагу дипломата. Бросается в глаза, что в грамоте говорится о народах целого региона, а о правительстве Его Величества эмира Амануиллы-хана нет ни одного слова. Однако все становится на свои места, если учесть, что Суриц одновременно был назначен представителем III Коминтерна в Афганистане и сопредельных ему странах. Со стороны большевистского руководства упоминать о восточном монархе при подобных обстоятельствах было, по меньшей мере, нелогично. Следует также отметить, что все преемники Сурица в Кабуле вплоть до 1943 г. совмещали, в той или иной степени, свои дипломатические обязанности с нелегальной работой по заданию Коминтерна.

Грандиозные планы Баракатуллы и других индийских националистов, очевидно, оказали большое влияние на наркома по военным и морским делам Л. Троцкого, предложившего открыть «фронт» мировой революции в Азии. В своем письме в ЦК РКП (б) от 5 августа 1919 г. большевистский лидер утверждал: «Дорога на Индию может оказаться для нас в данный момент более проходимой и более короткой, чем дорога в Советскую Венгрию». По его мнению, «путь на Париж и Лондон лежит через города Афганистана, Пенджаба и Бенгалии». Для достижения этой цели Троцкий полагал необходимым создать революционную базу на Урале и в Туркестане для подготовки наступления через Афганистан на Индию.¹

В сентябре 1919 г. Троцкий еще более настойчиво стал добиваться от ЦК РКП (б) санкции для создания в Туркестане «серьезной военной базы» для «возможного с нашей стороны наступления на юг».² Архивные документы свидетельствуют, что на этот раз нарком по военным делам получил от ЦК разрешение на переброску в Среднюю Азию большого количества вооружения. Уже в сентябре 1919 г. по приказу Троцкого в Туркестан было отправлено 25 тыс. винтовок... для немедленной передачи афганскому правительству.³ К тому времени в Москве уже давно знали, что англо-афганская война закончилась. Однако в Кремле не теряли надежды вновь втянуть Афганистан в военный конфликт с Великобританией.

¹ Письмо Л. Троцкого в ЦК РКП (б) о подготовке элементов «азиатской» ориентации от 5.08.1919 г.// Коминтерн и идея мировой революции. Документы. — М., 1998. — С. 145-149.

² Письмо Л. Троцкого в ЦК РКП (б) от 20.09.1919 г.// Коминтерн и идея мировой революции. Документы. — М., 1998. — С. 149.

³ Письмо Баракатуллы Амануилле-хану от 26.05.1920 г.// АВР РФ. — Ф. 090. Оп. 3, п. 1, д. 3, л. 11(об).

16 октября 1919 г. Ленин направил в Ташкент директиву, в которой руководству ТССР поручалось «в Туркестане спешно создать, хотя маленькую, но самостоятельную базу, делать патроны (станки посылаем), ремонтировать оружие и военное снаряжение, добывать уголь, нефть, железо».¹ Кроме этого, члену Реввоенсовета Туркестанского фронта и председателю Турккомиссии Ш.Элиаве было приказано установить «архиконспиративные» связи с южными странами «через Индию».

Чтобы выполнить последнее указание Ленина, необходимо было создать надежные каналы связи в Индии, создать нелегальную сеть в этой стране и только потом пытаться засылать агентуру в более отдаленные районы мира. Одним словом, даже на подготовительной стадии выполнение подобного приказа было очень трудным и опасным мероприятием. Однако при открытом «афганском коридоре» эти трудности значительно уменьшались.

В октябре 1919 г., когда советское правительство в Москве, несмотря на трудности гражданской войны, готовилось начать экспорт революции в Центральной Азии, руководство ТССР отказалось передавать Афганистану оружие, отправленное Троцким. Советские власти в Ташкенте сами остро нуждались в вооружении для борьбы с басмачами. Кроме этого, туркестанские большевики не доверяли афганскому эмиру. Для них даже Аманулла-хан, ненавидевший англичан, был потенциальным врагом в Туркестане, население которого, по сведениям советской разведки, с готовностью поддержало бы эмира, если бы он вторгся со своей армией в Туркестан.

У советских и партийных властей в Средней Азии были серьезные причины подозревать афганского правителя в подготовке антисоветских акций в Туркестане. В начале своего правления Аманулла-хан мечтал присоединить к Афганистану не только земли восточных пуштунов, но и территорию Бухары, Хивы, Ферганы и оазиса Пенде с крепостью Кушка. В афганских государственных документах Аманулла-хан в то время титуловался «султаном» или «падишахом».²

«Самоуправство» руководства ТССР было с негодованием воспринято в Москве, по выражению Троцкого, сторонниками «азиатской» ориентации. К примеру, начальник отдела Мусульманского

¹ Цит. по: Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. 1919-1943. Документы. — М., 2004. — С. 31.

² Докладная записка уполномоченного НКВД в Туркестане Д. Гопнера «Наши очередные задачи в Средней Азии» от 18.10. 1920 г.// АВП РФ. — Ф. 04. 1920. Оп. 51, п. 327, д. 55030, л.2.

Ближнего Востока НКВД Н. Нариманов считал «афганский вопрос» главным в противоборстве Советской России с Великобританией в Азии. Он активно добивался от Ленина проведения более активной политики в этом регионе. 1 ноября 1919 г. своей обширной докладной записке «К афганскому вопросу» Нариманов писал Ленину: «Если б одна восьмая того, что до сих пор истрчено на Запад с целью пропаганды, истрчена была бы с этой же целью на Восток, [то] теперь Мусульманский Восток был бы под непосредственным нашим влиянием [...] Мы два года только заняты тем, что посредством Радио «приготовляем» общественное мнение на Западе, и это общественное мнение продолжает нас называть разбойниками, Восток же просит, умоляет нас о союзе, о помощи, а мы не только не обращаем внимания, но даже в этом видим контрреволюцию под флагом «Панисламизма»...»¹

Нариманов считал, что ненависть народов Востока, в частности афганцев, к Англии является лучшим залогом того, что врагам Советской России никогда «не удастся склонить афганскую массу к активному действию против нас».² В связи с этим он предлагал ускорить процесс установления «нормальных» отношений, даже ценой территориальных уступок, между Москвой и Кабулом.

Реакция Ленина на предложения Троцкого, Нариманова и др. была двойственной. Ленин не собирался жертвовать без острой необходимости территорией Российской империи, но и не хотел упускать возможность использовать антибританские силы на Востоке против Англии. Видимо, эти соображения стали одной из причин, побудивших большевистское руководство провести в ноябре 1919 г. в Москве II Всероссийский съезд коммунистических организаций народов Востока, на котором было принято решение о «создании восточной интернациональной Красной Армии как части международной Красной Армии».³ В конце 1919 г. Советская Россия и Коминтерн по тактическим соображениям окончательно сделали ставку на открытие «восточного фронта» мировой революции.

14 декабря 1919 г. Суриц прибыл в Кабул. Его сопровождали не только советские сотрудники, но и некоторые лидеры индийских националистов. В афганскую столицу приехали президент «Временного правительства Индии» Махендра Пратап, Абдур Раб и Ачария. Главной их задачей было сплотить и организовать индийских революционеров

¹ РГАСПИ. — Ф.2. Оп. 2, д. 210, л. 7.

² РГАСПИ. — Ф.2. Оп. 2, д. 210, л. 5.

³ Цит. по: Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. 1919-1943. Документы. — М., 2004. — С. 31.

в Афганистане для подрывной деятельности среди пуштунских племен против Великобритании.¹

Советское и афганское правительства в 1919-1921 гг. не имели сил, чтобы начать крупномасштабную войну против Великобритании, поэтому они стремились тайно поддерживать пуштунских повстанцев для изматывания английских войск в Индии. Эта «война с черного хода» устраивала обе стороны. Следует отметить, что для Амануллы-хана и его окружения жизненно важно было не допустить прямых контактов между лидерами приграничных пуштунских племен и представителями РСФСР, чтобы избежать новых конфликтов с Англией. В связи с этим советско-афганские переговоры в Кабуле превратились, фактически, в торг о количестве золота и вооружения, которые хотел получить Афганистан за разрешение транзита советского оружия и агитационной литературы в «независимую» полосу Британской Индии.

Неслучайно конфликт между Сурицем и Бравиным, который упорно не хотел терять свою самостоятельность и переходить под контроль посланца Ленина, перерос в острую дискуссию о дальнейших шагах советской дипломатии в Афганистане и помощи мятежным горцам Британской Индии. Бравин резко, но справедливо, раскритиковал авантюризм и непоследовательность руководства в Москве и Ташкенте в этой стране. Так, в своем письме руководителю Отдела Востока НКВД А.Н. Вознесенскому он писал: «Советская Россия летом [1919 г. — Ю.Т.] не могла, а сейчас не только не может, но еще и не должна оказывать военную помощь Афганистану, если бы даже он просил о ней, так как помогать Афганистану — это значит затевать грандиозное мировой важности совершенно непосильное нам предприятие — «поход на Индию», т.е. демонстративно создавать *casus belli* для Англии и, следовательно, открывать новый и самый губительный для нас фронт».²

Бравин считал, что «ставку на Восток» можно разыграть не в Афганистане, а лишь в зоне пуштунских племен, которые «с оружием в руках создали себе совершенно независимое от англичан и афганцев положение». Для активной работы среди горцев «независимой» полосы он предлагал, чтобы в Кремле наконец-то решили какое количество вооружения, включая самолеты и пулеметы, необходимо срочно переправить повстанцам в горные районы Северо-Западной Индии.

¹ Докладная записка «Революционно-индийская ассоциация» (без подписи)// АПВ РФ. — Ф. 090. 1921. Оп. 4, п. 2, д.4, л. 9.

² АПВ РФ. — Ф. 071. 1919/1920. Оп. 1, п. 101, д.4, л. 56.

Организация мощного антибританского вооруженного восстания пуштунов, по словам Бравина, была «ва-банком» большевиков на Востоке. Чтобы достичь данной цели, Советской России необходимо было добиться от Амануллы-хана:

1. Разрешения на свободный транзит оружия и боеприпасов «воюющим племенам».

2. Открытия советских «консульств» вдоль границы с Индией в Джелалабаде, Кандагаре, Газни и Канигураме.

Полпредство в Кабуле должно было получить из Москвы для подрывной деятельности против англичан 1 млн. рублей золотом, а также 10-15 «умных и серьезных товарищей» для руководства из «консульств» борьбой пуштунских племен. План Бравина, как его потом именовали в некоторых документах НКВД, был единственной (действительно последней) возможностью для большевиков нанести максимальный ущерб Британской империи при относительно небольших затратах.

При содействии Амануллы бравинский проект мог быть реализован, но афганское правительство опасалось, что вооруженные советским оружием племена в будущем смогут выступить не только против англичан, но и против эмира. В Кабуле также отлично понимали, что любая помощь иностранной державы патанам немедленно вызовет ответные контрмеры со стороны Великобритании. Кроме этого, правящую элиту Афганистана пугала реальная опасность распространения «большевизма» среди населения своей страны. Однако хоть какое-нибудь (!) оружие и деньги для укрепления независимости Афганистана, хотя и с трудом, Аманулла-хан мог в тот момент получить только от Советской России. По этой причине, а также движимый ненавистью к англичанам, молодой эмир с готовностью вступил в переговоры с Сурицем о возможных совместных действиях против Британской Индии. Обе договаривающиеся стороны стремились с максимальной для себя выгодой использовать пуштунский фактор.

Одной из многих задач, которые необходимо было решить Сурицу в качестве советского полпреда в Кабуле, было установление контактов с посланцами приграничных племен. Значительную часть работы в этом направлении уже сделал Бравин. Для пользы дела двум советским дипломатам необходимо было тесно сотрудничать между собой, но этого не получилось. Уязвленный в самое сердце своим устранением с поста посланника, Бравин отказался стать заместителем «всеазиатского сверхуполномоченного», как он довольно точно именовал Сурица, и просил НКВД убрать некомпетентного в восточных

делах «коллегу», чтобы тот не навредил делу. Однако все его усилия удалить Сурица из Афганистана оказались бесплодны. В январе 1920 г. Бравин сложил с себя все полномочия, но вернуться на родину отказался. Вскоре он был убит при невыясненных обстоятельствах. В его смерти в равной степени были заинтересованы и афганские власти, и советское посольство, так как первый советский полпред слишком много знал о секретных переговорах между Кабулом и Москвой.¹

Нежелание Бравина сотрудничать с Сурицем, вероятнее всего, затормозило, но не могло помешать установлению контактов «сверхуполномоченного» с представителями приграничных племен. Уже 27 декабря 1919 г. Суриц отправил в Ташкент для дальнейшей передачи в НКВД секретную телеграмму: «Удалось связаться с представителями (сардарами) пограничных племен африди и вазиров. Эти племена с мая находятся в непрерывной борьбе с Англией. При примитивном вооружении они успешно борются с англо-индийской армией. Афганистан, втянувший их в войну поддержки не оказывает, опасаясь Англии. Представители племен в настоящее время надеются лишь на нашу помощь. Предлагают непосредственно связаться военным союзом. Ореол Республики (РСФСР — Ю.Т.) необычайно высок. Весть о союзе, по их словам, поддержит героический дух племен».²

Посланцы мятежных горцев с готовностью соглашались переправить советских эмиссаров в «независимую» полосу, но при этом просили доставить им около 30 тыс. винтовок, пулеметы, горные орудия и военных инструкторов. Разумеется, повстанцы нуждались и в денежной помощи, так как пуштуны бумажные купюры не признавали за деньги, то речь шла о выделении им значительного количества золотых монет.

Суриц считал, что условия афридиев и вазиров приемлемы, и был готов заключить с ними предварительное соглашение против Англии. Его даже не пугал возможный отказ афганского правительства пропустить караваны с советским оружием к границам Индии. В этом случае полпред предлагал установить связь с пуштунскими племенами через Памир.

¹ Существует несколько версий гибели Бравина, каждая из которых имеет свои сильные и слабые стороны. К примеру см.: Панин С.Б. Советская Россия и Афганистан. 1919-1929. — М., 1998. — С. 31-32; Коргун В.Г. История Афганистана. XX век. — М., 2004. — С. 66-67. Необходимо отметить, что многие свидетели событий с советской стороны не обвиняли Бравина в предательстве. Так, бывший военный атташе первой советской миссии в Кабул Б.Н. Иванов, враждебно относившийся к этому бывшему царскому дипломату, даже много лет спустя говорил, что ликвидация Бравина «дело темное», хотя мог бы обвинить покойного, как это часто практиковалось среди туркестанских коммунистов, во всех грехах и шпионаже в пользу Англии.

² АВП РФ. — Ф.071. 1919/1920. Оп.2, п.102, д.2, л. 17.

Вскоре Суриц окончательно убедился, что на военный союз с Советской Россией афганское руководство не пойдет, но оно готово немедленно заключить договор о дружбе и «благоприятствующем нейтралитете». 13 января 1920 г. в течение семи часов между советским дипломатом и афганскими представителями, включая самого эмира, шли переговоры о характере и условиях будущего советско-афганского договора. За вступление в войну против Англии Аманулла-хан запросил фантастическую цену: до 100 тыс. винтовок с 60 патронами на каждую, 250 скорострельных орудий, 1,5 тыс. пулеметов и 50 (!) млн. рублей золотом.¹

Понимая нереальность своих требований, афганская сторона готова была заключить с РСФСР более «скромный» договор о дружбе, согласно которому Афганистан получал города Термез и Керки; 10 млн. рублей золотом в качестве субсидии; оборудование для порохового завода; 12 самолетов, 10 тыс. винтовок, два вооруженных парохода на р. Амударье и т.д.

Изумленному такими запросами Сурицу пришлось резко «сбивать цену»: вопрос о территориальных претензиях Афганистана откладывался на неограниченное время; субсидия понижалась до 1 млн. золотом; вместо 10 тыс. винтовок — 5 тыс. (и лишь при условии, что Афганистан не будет препятствовать доставке сражавшимся с англичанами приграничным племенам 10 тыс. винтовок) и т.д.

Даже эта, обещанная Сурицем помощь Афганистану в условиях гражданской войны и разрухи в России, была огромным бременем для советского правительства. В связи с этим, уже в следующей телеграмме в Турккомиссию он подробно изложил причины, побудившие его, хоть и частично, удовлетворить афганские претензии. Полпред писал в своем донесении: «Никакой военной конвенции Афганистан не подпишет. С другой стороны, не прекращающаяся борьба племен, разрастающееся движение [в] Индии и открывающиеся перспективы из Афганистана расширить наше влияние на Индию, заставили меня идти на жертвы, чтобы путем договора о дружественном нейтралитете закрепить наши отношения с Афганистаном и создать здесь прочную антианглийскую базу. Без немедленной помощи оружием племенам мы ставим все антианглийское движение под роковой удар. Тем более что вся английская печать метрополии и Индии бьет тревогу о прорыве большевизма на Восток, о стремлении Советов отыгаться на Востоке».²

¹ Телеграмма Сурица в Турккомиссию и НКВД от 17.01.1920 г.// АВП РФ. — Ф.071. 1919/1920. Оп.2, п.102, д.2, л. 18.

² АВП РФ. — Ф.071. 1919/1920. Оп.2, п.102, д.2, л. 19.

Вопрос о военных поставках пуштунским племенам был одним из самых острых в ходе советско-афганских переговоров в Кабуле. Обе стороны справедливо не доверяли друг другу. Суриц настаивал на том, чтобы эмир письменно (!) гарантировал РСФСР, что «все назначенное племенам без всяких задержек будет вручено их представителям».¹ Афганцы категорически отказывались составить и подписать подобный секретный документ. Суриц, в свою очередь, не хотел верить честному слову эмира и настаивал на своем. По нормам дворцового этикета любой монархии подобное требование оскорбляло правителя страны.

Вспыльчивый Аманулла-хан смог подавить своей гнев и предложил полпреду компромиссное решение: две трети всего оружия, предназначенного племенам, забирал бы себе Афганистан и по своему разумению распределял бы российское вооружение среди приграничных пуштунов. Видимо, другую часть винтовок и боеприпасов Кабул разрешал советской стороне использовать по своему усмотрению.

Чтобы вынудить Сурица пойти на уступки в данном вопросе, афганцы прибегли к прямой угрозе, заявив, что против их воли «ни одна русская винтовка или патрон не проникнут к племенам».² В этой тупиковой ситуации Суриц гарантировал афганскому правительству передачу 5 тыс. винтовок за пропуск остального вооружения в зону пуштунских племен. Кроме этого, Афганистан пообещал пропустить в Ташкент вождей горцев Британской Индии для получения вооружения. Казалось, что Сурицу удалось добиться главной цели: открыть «афганский коридор». Однако дальнейшие события пошли совсем по другому сценарию.

Пока в Кабуле шли трудные переговоры о военном союзе с Афганистаном, руководство советского внешнеполитического ведомства неожиданно круто изменило свою прежнюю линию в данной проблеме. Чичерин, трезво оценивая международную обстановку в мире и положение РСФСР, видел, что у Советской России появилась удобная возможность утвердиться на «стыке Индии», чтобы иметь эффективный рычаг для оказания давления на британское правительство.

Однако Чичерин в «восточной политике», в первую очередь, видел средство для нормализации отношений с Англией и прорыва международной изоляции Советской России. В связи с этим он выступал против заключения с Афганистаном оборонительного союза, так

¹ «Справка по русско-афганским переговорам», составленная И.М. Рейснером// АВП РФ. — Ф.071. 1920. Оп.2, п.102, д.3, л. 106.

² АВП РФ. — Ф.071. 1920. Оп.2, п.102, д.3, л. 106.

как это могло привести к полномасштабной войне между РСФСР и Великобританией.

Уже в январе 1920 г. в одном из своих писем председателю Турккомиссии ВЦИК Ш.З. Элиаве Г.В. Чичерин критиковал ташкентских товарищей за их «самодеятельность» в отношениях с Кабулом, умело обвиняя их даже в тех ошибках, которые допустили, прежде всего, большевистские лидеры в Кремле. Глава НКВД писал: «Мы никогда не говорили о союзе с Афганистаном, даже оборонительный союз поставит нас в невозможное положение, если помиримся с Англией. Он будет означать, что, если Англия нападет на Афганистан, мы должны будем объявить войну Англии. Между тем, заговорив о союзе, взять обратно — получается скандал. Вы нас поставили в крайне неприятное положение, надо исправить эту оплошность, вместо слова «союз» говорить — соглашение о взаимной помощи».¹ В итоге, Чичерин настоял на том, чтобы первый советско-афганский договор не содержал статей, обязывавших РСФСР выступить на стороне Афганистана в случае агрессии Великобритании. 25 марта 1920 г. Суриц получил эти указания из Москвы.²

Военный союз с Афганистаном больше не входил в планы большевиков, но в Кремле не хотели отказываться от заманчивой возможности использовать пуштунские племена против Великобритании. За «афганский коридор» к Индии Советская Россия все еще была готова щедро заплатить Аманулле-хану, поэтому секретные переговоры в Кабуле продолжались.

С наступлением весны в горах на индо-афганской границе с новой силой должны были возобновиться боевые действия между приграничными племенами и английскими карателями. Неслучайно именно в это время герой третьей англо-афганской войны военный министр Надир-хан совершил инспекционную поездку в зону племен Южного Афганистана. Обстановка там была взрывоопасной: своих сородичей в «независимой» полосе Британской Индии было готово поддержать афганское население. Очевидно, что Аманулла-хан и его ближайшее окружение вынуждены были считаться с настроениями воинственных пуштунов. Надир-хан тайно снабжал вазиров трофейным оружием, посылал части афганской армии вглубь Вазиристана, но этого было недостаточно, чтобы превратить партизанскую войну в горах в затяжную. Афганистан и приграничные племена остро нуждались в крупных партиях оружия для продолжения борьбы против Англии.

¹ РГАСПИ. — Ф.5. Оп. 1, д. 2116, л.4.

² Панин С.Б. Советская Россия и Афганистан. 1919-1929. — М., 1998. — С. 37.

В связи с этим, именно в конце марта 1920 г. афганское руководство предложило Сурицу совместный план наступления на Индию. Как всегда, в подобных афганских проектах пуштунским племенам отводилась главная роль. 27 марта советский полпред был приглашен к эмиру на секретное заседание, на котором афганская сторона фактически хотела выяснить для себя самый главный вопрос: Какова будет советская военная помощь?

Надир-хан, опираясь на сведения, полученные им во время его поездки в зону пуштунских племен, считал, что новая война с Англией неизбежна, поэтому «нужны немедленные действия».¹ Военный министр считал момент для удара по Британской Индии крайне удачным, так как рассчитывал поднять «все племена на немедленную войну». В связи с этим он предлагал, чтобы Красная Армия начала наступление через Хоросан [Иран], а афганские войска поддержали ее в Сеистане и «подняли бы общее восстание племен».

Надир заявил Сурицу, что в скором времени в Индию будет отправлена секретная миссия для поддержки антибританских организаций, ведения разведки и подготовки диверсионных акций в тылу английских войск.

Под давлением военного министра Аманулла-хан против своей воли вновь согласился, чтобы вожди приграничных племен были пропущены в Ташкент для переговоров с советской стороной. Это была серьезная уступка со стороны афганского правительства, которое до этого делало все, чтобы не допустить установления прямых контактов большевиков с мятежными пуштунами.

Объясняя своему руководству столь резкий поворот в политике эмира, Суриц сообщал в Москву: «Давление племен, разрастающееся движение в Индии, опасения за трон, неудачи в переговорах с англичанами настраивают эмира на воинственный лад... Англофобская партия во главе с эмиром в союзе с нами видит единственный выход удержаться и отстоять независимость».² Одновременно он трезво отметил, что без немедленной военной помощи Аманулле ждать выступления Афганистана против Великобритании нельзя.

То, что эта помощь не поспеет вовремя и будет предоставлена не в запрашиваемом афганцами количестве, для советского и афганского руководства, видимо, было ясно. Значит, ожидать в ближайшее время

¹ Телеграмма Сурица в НКВД от 31.03.1920 г. // АВП РФ. — Ф.071. 1919/1920. Оп.2, п.102, д.2, л. 54.

² АВП РФ. — Ф.071. 1919/1920. Оп.2, п.102, д.2, л. 55.

новой войны между Афганистаном и Англией было бессмысленно. Советской дипломатии необходимо было пойти на решительные меры, чтобы сохранить свои позиции в Кабуле, не потерять «афганский коридор» и развернуть «революционную» работу среди пуштунских племен Британской Индии. Однако из Москвы долгое время не приходили четкие директивы об оказании (уже односторонней!) военной помощи Кабулу.

В этой ситуации Аманулла-хан в апреле 1920 г. был вынужден продолжить переговоры с Великобританией с целью заключения «договора о добрососедских отношениях». Одновременно эмир заявил Сурицу, что будет придерживаться политики строгого нейтралитета, чтобы «не превращать Афганистан в арену борьбы» Англии и Советской России.¹ В этом же месяце Аманулла-хан твердо заявил индийским националистам, сотрудничавшим с посольством РСФСР в Кабуле, что запрещает им любые связи с приграничными племенами.

Ослабление советских позиций в афганской столице и гипотетическая угроза отказа афганцев от независимости в обмен на сверхщедрые субсидии Англии заставили Кремль ускорить решение «афганского вопроса». 25 мая 1920 г. А.Н. Вознесенский направил в ЦК РКП (б) докладную записку, в которой обосновал необходимость срочно предоставить Афганистану и пуштунским племенам Британской Индии финансовую и военную помощь.² Вознесенский указывал, что Англия требует от афганского правительства разрыва дипломатических отношений с большевиками. При этом он отмечал: «Переговоры в Муссури (Миссури — Ю.Т.) уже на днях были прерваны в виду наступления пограничных афганских племен на Индию. В английской печати ведется кампания за окончательное покорение пограничных афганских племен на северо-западной границе Индии и присоединение этих территорий к индийским владениям какой угодно ценой. Тов. Суриц указывает на необходимость срочной помощи этим пограничным племенам Махсудам (масудам — Ю.Т.) и Вазирам».

Далее в записке Вознесенского приводился перечень того, что Советская Россия была готова предоставить Афганистану за свободу действий в зоне пуштунских племен. Кремль гарантировал Аманулле-хану:

1. Предоставление 1 млн. рублей золотом.

¹ Панин С.Б. Дипломатическая борьба держав в Афганистане. 1919-1921 гг.// Страницы истории и историографии Индии и Афганистана. К столетию со дня рождения И.М. Рейснера. — М., 2000. — С. 301.

² РГАСПИ. — Ф.495. Оп. 154, д. 26, л. 188-188 (об).

2. Передачу 12 боевых самолетов.
3. Доставку и наладку радиостанции в Кабул.
4. Оборудование в течение трех лет телеграфной линии Кушка — Герат — Кандагар — Кабул.
5. Отправку в Кабул оборудования, инженеров и материалов для создания завода по производству бездымного пороха.
6. Направление в Афганистан военных специалистов.
7. Подарить афганскому правительству 5 тыс. винтовок и 10 тыс. — пуштунским племенам.
8. Учесть афганские интересы при решении вопроса о железной дороге к Термезу.

Взамен Москва хотела получить от эмира:

1. Свободный транзит в «независимую» полосу Британской Индии литературы, «снаряжения» и др. материалов.
2. Беспрепятственного пропуска (очевидно, что всего вышеперечисленного) в Персию через Герат, в Белуджистан — через Кандагар.
3. Разрешение держать консульских агентов «на путях в Индию» — в Кандагаре, Джелалабаде и Дакке.
4. Согласие на открытие в Кабуле типографии, а также право пользоваться афганскими типографиями для печати революционной литературы для Индии.
5. «Права личного снабжения пограничных племен оружием не через посредничество Афганистана, а через посредство наших агентов».
6. «Официальной гарантии, что Афганистан не будет участвовать ни в какой военно-политической комбинации, направленной против нас».¹

10 июня 1920 г. посольство в Кабуле получило из Москвы информацию о размерах предлагаемой Афганистану помощи. Советско-афганские переговоры возобновились, но, ожидая вестей из Миссури афганская сторона тянула время, чем крайне был недоволен Суриц.

¹ Нетрудно заметить, что основные пункты советских требований совпадали с «планом Бравина». В связи с этим, можно с уверенностью предположить, что гибель этого опытного дипломата значительно затормозила реализацию антибританских планов Советской России в Афганистане и Индии.

Полпред должен был спешить, так как в Туркестане полным ходом шла подготовка бутафорской «революции» в Бухаре, что неизбежно должно было осложнить отношения между Москвой и Кабулом.¹ Поэтому Суриц настойчиво добивался включения в договор с Афганистаном пунктов о свободе пропаганды в отношении Индии и прямых поставок оружия пуштунским племенам.

Свержение бухарского эмира не сорвало подписания в сентябре 1920 г. первого советско-афганского договора, но «афганский коридор» для большевиков окончательно закрылся: в документе не было ничего сказано о ведении антибританской пропаганды; пункт о транзите оружия племенам «независимой» полосы Британской Индии был исключен. В дальнейшем при ратификации договора пришлось отказаться и от открытия советских консульств в Восточном Афганистане.

Крах первоначальных планов и отказ Амануллы помогать Советской России в экспорте революции в Индию воспринимались многими в Москве и Ташкенте как временное поражение. Так, представитель НКВД в Средней Азии Д.Ю.Гопнер в октябре 1920 г. писал Чичерину: «Несмотря на враждебность, проявленную афганцами в связи со всеми последними событиями в Средней Азии, и вопреки потерянному нами в заключаемом договоре пункту о пропаганде, мы сумеем при известной настойчивости и предусмотрительной политике в Бухаре возродить себе фактическую возможность индусской работы в Афганистане».²

Подготовка удара по английским позициям в Индии являлась главной задачей советской дипломатии на Среднем Востоке, в особенности в Афганистане. В связи с этим все шаги, предпринятые Бравиным и Сурицем в Кабуле в 1919-1921 гг., были лишь средством для экспорта революции в Индию и сопредельные с ней страны. Даже заключенный с большим трудом между РСФСР и Афганистаном Договор о дружбе был всего лишь одним из средств обеспечения «афганского коридора» к границам Индии и не являлся главной целью большевиков в Центральной Азии. Превратить Афганистан в плацдарм для подрывной работы среди приграничных племен британской Индии на базе межправительственного договора большевикам не удалось, но, как свидетельствуют архивные документы, возможность вести нелегальную антибританскую деятельность в Афганистане для Советской России до 1922 г. все же сохранялась.

¹ См. подробнее: Генис В. «С Бухарой надо кончать...». К истории бутафорских революций. — М., 2001.

² Доклад Д.Ю. Гопнера в НКВД «Наши очередные задачи в Средней Азии» от 18.10.1920 г. // АВП РФ. — Ф. 04. 1920. Оп.51, п.327, д.55030, л. 8.

Афганистан во второй половине 1930-х годов: внутренние и внешние факторы безопасности*

В.С.Бойко

1930-е гг. были коротким, но важным эпизодом в новейшей истории Афганистана. Страна вышла из состояния гражданской войны и утвердилась на международной арене благодаря взвешенному, хотя и не свободному от противоречий курсу нового политического руководства, которое олицетворял клан мусахибов — представителей знатного пуштунского рода мухаммадзаев во главе с Мухаммадом Надир-ханом, ставшим осенью 1929 г. королем. Мусахибы сохранили свои позиции и после убийства Надира в 1933 г., — трон наследовал его сын Мухаммад Захир-шах, а фактическая власть на многие годы перешла к братьям покойного короля — Хашим-хану и Шах Махмуду, последовательно занимавшим пост премьер-министра вплоть до 1953 г.

В то же время, период 1930-х гг. является одним из наименее изученных в мировой афганистике — например, он уступает по насыщенности событий и их динамике предшествующему десятилетию, в течение которого осуществлялся реформаторский эксперимент эмира Аманулла-хана. Период 1930-х гг., в то же время, не может конкурировать по обеспеченности источниками с последующими событиями и процессами, хотя это правило не относится к основному виду исторических — архивных — документов. Именно они¹ составили основу данного сообщения, целью которого является краткая характеристика основных тенденций внутренней и внешней политики Афганистана во второй половине 1930-х гг. Еще одним, до сих пор почти не вводимым в научный оборот источником и одновременно базовым историческим произведением стал труд классика афганской историографии М.Г. М.Губара.²

С середины 1930-х гг. внутривнутриполитическая ситуация в Афганистане постепенно стабилизировалась, хотя это происходило, главным образом, за счет ужесточения политического режима и ущемления прав определенных социальных и национальных групп. Тяготы такой политики в наибольшей степени испытало население Северного Афганистана: весной 1935 г. в Мазар-и-Шарифе губернское собрание под нажимом министра внутренних дел М. Гуль-хана вынесло

* Данное исследование проведено при частичной поддержке Британской академии — SG.

¹ А конкретно — материалы Архива внешней политики Российской Федерации.

² А точнее — второй, лишь недавно опубликованный том его известной книги «Афганистан на пути истории» Ghoobar, M.G.M. *Afghanistan in the Course of History. Volume Two.* — Herndon, 2001.

решение об отводе земель афганцам (пуштунам) в районе Балха и Ахчи.¹ Конфискация хорошо орошаемых земель коренных жителей (узбеков и таджиков) в пользу переселенцев-пуштунов (часть их проживала и ранее в провинции в полукочевом состоянии, другая — пришла из Джелалабада) была откровенным выражением колонизаторской политики правительства Захир-шаха в северных районах страны, проводимой в интересах этнического большинства. Однако пуштуны, не привычные к ведению оседлого хозяйства, вскоре ушли со стадами в горы, бросив доставшиеся им даром земли, что только усилило недовольство среди старожилов.

Власти продолжали уделять особое внимание и укреплению своей главной опоры — армии, но процесс ее формирования оставался слабым местом нового режима. Например, для укрепления дивизии, базировавшейся в Мазар-и-Шарифе, потребовалось набрать 120 человек (80 кавалеристов и 40 пехотинцев) — их можно было выставить или нанять за плату по схеме: 1 пехотинец от 12 домов, 1 кавалерист — от 24 домов. Домовладения, в которых проживали мужчины 18-40 лет, выплачивали за каждого из них 60 афгани в пользу армии — наем пехотинца обходился в 720 афгани, кавалериста — 1440 афгани.²

Международное положение Афганистана в середине — второй половине 1930-х гг. заметно укрепилось, но в структуре внешних связей этой страны были и конфликтные узлы. Одним из таких узлов стали афгано-иранские отношения — их традиционная холодность, укоренившееся в сознании персов чувство их исторического и культурного превосходства над афганцами дополнялись в 1920-е — 1930-е гг. периодическими пограничными конфликтами между этими государствами-соседями.

В конце 1934 — начале 1935 гг. крупный пограничный инцидент произошел в районе Зурабада, на стыке границ Афганистана, Ирана и СССР. Начало ему положил переход 25 белуджских семей, проживавших по иранскую сторону границы, в пределы Афганистана — они последовали за своими сородичами, перебравшимися в Афганистан еще в сентябре 1934 г.³

По версии персов, афганский отряд численностью примерно 500-600 человек, насильственно увел белуджей в Афганистан. Их оппоненты

¹ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). — Ф. Референтура по Афганистану. — Оп. 17, папка 177, кор. 29, л. 72..

² АВП РФ. — Ф. Референтура по Афганистану. — Оп. 17, папка 177, кор. 29, л. Ф. Референтура по Афганистану. — Оп. 17, папка 177, кор. 29, л. 69.

³ АВП РФ. — Ф. Референтура по Афганистану. — Оп. 17, папка 177, кор. 29, лл. 22, 24, 28.

полагали, что все дело в нерешенности племенного вопроса в Персии и, в частности, в противоречиях между белуджами и персидскими властями — в целом реформаторски настроенный режим Реза-шаха Пехлеви не учитывал в достаточной мере интересов национальных меньшинств.

Впрочем, внутривластные составляющие не отменяли существа проблемы в ее межгосударственном измерении — фактическим объектом претензий персов была часть территории (100-километровая полоса), в которой не было ни одного собственно персидского поселения. Вместе с тем, на данной территории пролегли маршруты сезонных афганских кочевков, афганцы же добывали здесь горные породы специального назначения (для производства мельничных жерновов). К концу января 1935 г. «Зурабадский» конфликт был урегулирован в результате переговоров. Персидская сторона потребовала наказать нарушителей, а также выплатить ей значительную материальную компенсацию, но не смогла доказать вины афганцев. Определенную роль в примирении сторон сыграла турецкая арбитражная комиссия.

В середине 1930-х гг. серьезно обострилась обстановка на рубежах Центральной и Восточной Азии: крупномасштабное восстание мусульманских народов китайской провинции Синьцзян грозило превратиться в конфликт с международными последствиями — его вожди ставили вопрос о создании независимого государства. Афганские власти не остались безучастны к событиям в Синьцзяне: они не препятствовали выезду в районы восстания среднеазиатских эмигрантов, конфессионально, а нередко и этнически близких населению северо-западного Китая. Более того, премьер-министр Хашим-хан и лично король Захир-шах принимали представителей восставших в январе 1934 г. Делегация, прибывшая из Кашгара, рассчитывала установить официальные отношения с Афганистаном, а также получить помощь деньгами и оружием. Но в беседах советского посла Л. Старка с Хашим-ханом и сотрудниками афганского МИДа выяснилось, что афганская сторона намерена соблюдать строгий нейтралитет в «кашгарском вопросе». Но, как считал Л. Старк, афганское правительство, формально занимая нейтральную позицию, «с большими симпатиями» относилось к созданию в Синьцзяне независимого от Китая мусульманского государства, предводитель повстанцев Ходжа Нияз пользовался большим авторитетом в Афганистане.¹ Афганская территория использовалась как перевалочная база для многих политических

¹ АВП РФ. — Ф. Референтура по Афганистану. — Оп. 16, папка 171, пор. 6, л. 106.

волонтеров, желающих помочь повстанцам Кашгара — турок, среднеазиатских эмигрантов.¹

Кашгарцы действовали сразу на нескольких направлениях — прибыв в Кабул, они встретились также с германским посланником, другая делегация направилась в Пешавар, где установила связь с руководством «Союза спасения Бухары и Туркестана».² Еще раньше, осенью 1933 г., из Кабула в Кашгар был направлен Мустафа Али, один из турецких эмигрантов, временно осевших в Афганистане. Через него велись переговоры о закупке для повстанцев Синьцзяна большой партии оружия (4 тыс. винтовок). Вовлеченность Афганистана в синьцзянские дела сохранялась и после прекращения восстания 1931-1934 гг. В июне 1935 г. в Кабуле вновь побывали эмиссары из Урумчи, их целью была вербовка среднеазиатских эмигрантов и отправка их в Синьцзян. Представители синьцзянских повстанцев были приняты в афганском МИДе, они также связались с японской миссией в Афганистане. Их хлопоты были небезуспешны — по сведениям Наркомата внутренних дел СССР, в 1937 г. в г. Хотан из Афганистана прибыла группа среднеазиатских эмигрантов, возглавляемая курбаши Камильджаном — выходцем из Узгена.³ Еще раньше в Синьцзян «бежал» другой, гораздо более известный курбаши Файзул (Фузайл) Максум.

В середине 1930-х гг. заметно активизировали свою афганскую политику Германия и Япония, причем германскую сторону привлекал северо-восток (Кунар, Кафиристан, Бадахшан) — фактически закрытые для иностранцев зоны. Именно в Германии для проведения денежной реформы 1935 г. был размещен заказ афганского правительства на печатание бумажных денег, причем этот шаг властей был неодобрительно встречен афганским купечеством.⁴ Японцы проявляли особый интерес к северным районам и Гератской области Афганистана. Помимо этого, сотрудники японской дипломатической миссии в Кабуле выступили с предложением послать в Японию группу афганских студентов на условиях бесплатного обучения и содержания.⁵ Американцев, только что открывших свое представительство в

¹ Так, осенью 1933 г. из Кабула в Кашгар отбыл турок Мустафа Али, он же вел переговоры о закупке для повстанцев Синьцзяна 4 тыс. винтовок. — АВП РФ. — Ф. Референтура по Афганистану. — Оп. 17, папка 177, пор. 29, л. 117

² АВП РФ. — Ф. Референтура по Афганистану. — Оп. 16, папка 171, кор. 6, л. 117.

³ АВП РФ. — Ф. Референтура по Афганистану. — Оп. 19, папка 182, пор. 5, л. 44.

⁴ АВП РФ. — Ф. Референтура по Афганистану. — Оп. 17, папка 177, пор. 29, л. 89. В сохранившемся на механическом заводе (машин-хане) монетном отделе продолжалась чеканка серебряных афгани.

⁵ АВП РФ. — Ф. Референтура по Афганистану. — Оп. 17, папка 177, пор. 29, л. 12, сообщение полпреда Л.Старка зам. зав. 1-м Восточным отделом НКВД А.Виноградовой от 22 сентября 1935 г.

Афганистане, больше занимал вопрос об афганской нефти, а точнее — о наличии ее запасов в Герате и других провинциях запоздало признанной ими страны. Нефтяную тему поставило само афганское правительство — оно добивалось получения американского займа на разработку нефтяных месторождений, но, в конечном счете, отказалось от заключения соответствующего соглашения. Возобладала установка на создание национальных акционерных обществ (ширкетов) без участия иностранного капитала: к концу 1930-х гг. в Афганистане существовало около 50 ширкетов с общим капиталом более 100 млн. афгани¹, при этом активы крупнейшего ширкета «Асхаме-Несаджи» (создан в Кабуле в 1936 г.) составляли 51 млн. афгани. Это акционерное общество успешно торговало каракулем, сахаром, нефтью, оно впервые ввело выдачу дивидендов (частью — деньгами, а частью — новыми акциями).

Такой курс был нацелен, прежде всего, на «выдавливание» индийских купцов, которые не только контролировали товарные потоки из Британской Индии, но и замыкали на себя большую часть финансовых операций, а также выполняли на внешних рынках роль посредников. Одновременно вытеснялись или изменялись на более выгодные, товарные компоненты иностранной экономической активности внутри Афганистана — например, англо-индийская мануфактура заменялась японской и т.д. Все шире практиковались такие формы хозяйствования, как кредитование новых производств из-за границы (Германии, Великобритании), изыскание и разработка полезных ископаемых (силами смешанной афгано-немецкой компании) и т.д.

Весьма характерно выглядела и структура государственного бюджета Афганистана образца второй половины 1930-х гг.: по разделу доходов 45 % давала торговля, 40 % — налоги, 15 % — почта и телеграф. В расходах до 30 % отводилось на военные нужды, а 10 % аккумулировалось в специальный резервный фонд.²

Политическая ситуация того времени не отличалась особой стабильностью, но установленный в стране суровый полицейский режим дал свои результаты — резко ослабела оппозиция, особенно ее амануллистское крыло. Но протестный потенциал Афганистана был достаточно велик — так, правительство не испытывало доверия к населению Афганского Туркестана, а также Кабульской области, населенной преимущественно таджиками-шамали, некогда составившими социальную базу движения Бачаи Сакао. Однако уроки

¹ АВП РФ. — Ф. Референтура по Афганистану. — Оп. 19, папка 182, пор. 2, л. 150.

² АВП РФ. — Ф. Референтура по Афганистану. — Оп. 19, папка 182, пор. 2, л. 142.

«революции» 1929 г. были еще свежи в умах и властей, и оппозиции, а потому перспективы широкого национального движения были слишком неопределенными. Одно из немногих заметных антиправительственных выступлений конца 1930-х гг. было инициировано представителями этнического большинства — пуштунами племени сулейманхель в районе Катаваза. Главной причиной их недовольства стал нейтралитет кабульского режима в борьбе племени вазиров против англо-индийских властей. Восстание племени сулейманхель началось в разгар лета 1937 г., в нем приняли участие порядка 5-8 тыс. человек. Правительство бросило в Катаваз центральный корпус, два полка гвардейской дивизии, бронечасты и 2 самолета. Их поддерживали соединения кандагарской и газнийской дивизий, а также южного корпуса, базировавшегося в Гардесе, общей численностью до 15 тыс. человек. Правительственные силы начали атаки 2-3 августа и быстро обратили повстанцев в бегство. Положение на некоторое время изменили вазирь — 7 августа они неожиданно разгромили целый правительственный полк.¹ Премьер-министр Хашим-хан бросился за помощью в Восточную провинцию, но основная поддержка поступила от англичан — «надира» вновь был спасен, в этот раз — надолго.

Краткий анализ основных тенденций, а также некоторых малоизученных эпизодов внутренней и внешней политики Афганистана второй половины 1930-х гг., воссозданных по впервые введенным в научный оборот архивным документам, показывает, что умеренно-либеральный националистический (пуштунский и пропуштунский) режим клана мусахибов удержал власть, которая ему досталась в результате гражданской войны 1929 г. Разгром политических конкурентов в лице амануллистов и национально-автономистских (сепаратистских) движений в лице вооруженных формирований среднеазиатской эмиграции и ее афганских сторонников позволил режиму маневрировать на внутривнутриполитической арене, постепенно восстанавливая управляемость страны и ее хозяйственно-экономическую среду.

Эти же обстоятельства обусловили относительную самостоятельность и в то же время осторожность внешнеполитического курса режима мусахибов — отдельные панисламистские, фактически тайные акции (контакты с мусульманскими сепаратистами Синьцзяна) сочетались с геополитически выверенной линией в отношениях с СССР, другими соседями, но все более заметным стало взаимодействие с

¹ АВП РФ. — Ф. Референтура по Афганистану. — Оп. 19, папка 182, пор. 2, л. 266, 293-294.

тоталитарно-милитаристскими государствами (Германией, Японией), установились и стали быстро развиваться связи с США. Тем самым правящая афганская элита продемонстрировала свой потенциал управления государством и обществом не только традиционными, но и новыми политическими и экономическими средствами. Кроме того, используя международные факторы, она сумела модифицировать внешнеполитический статус своей страны — все еще выступая «буфером» на новом этапе «Большой игры» в Азии, Афганистан все больше играл самостоятельные и сложные роли в международных отношениях кануна второй мировой войны.

Эмир Аманулла и советская Средняя Азия

К. Абдуллаев

Широко распространено мнение, что на протяжении десятилетия правления Амануллы-хана (1919-1929 гг.) отношения между Афганистаном и Советской Россией представляли собой картину постепенного сближения. В то время как последовавший за ним период Надир-шаха (1929-1933 гг.) справедливо связывают с поражением СССР в борьбе за влияние в Афганистане и постепенным «сползанием» афганской проблемы на периферию советской внешней политики.

С приведенным выше утверждением конечно можно согласиться, но одного его недостаточно для понимания всей совокупности взаимоотношений Афганистана с его северными соседями в 1920-х гг. Они были куда более сложными. Речь идет об отношениях этнически близких народов, проживавших по обе стороны советско-афганской границы, которые развивались довольно интенсивно на протяжении третьего десятилетия XX в., пока в середине 1930-х гг. граница между советской Средней Азией и Афганистаном не была закрыта наглухо, что фактически прекратило всяческие контакты между родственными народами. В частности, отношения между Кабулом и Москвой подверглись серьезным испытаниям после того, как РСФСР, советизируя регион Средней Азии в 1918-1920 гг., на протяжении последующего десятилетия пресекала борьбу населявших его народов за национальное самоопределение. В ответ Кабул и афганские общественные круги делали попытки поддержать мусульман-соседей в их борьбе против Советской власти.

Нельзя сказать, что эта тема не исследовалась. В работах Назифа Шахрани (американца афгано-узбекского происхождения) и российского ученого Владимира Бойко, однако, даются прямо противоположные оценки. Если Шахрани в политике Амануллы в отношении Средней Азии разглядел «искреннюю поддержку и манифестацию исламского сочувствия»,¹ то для Бойко — это недружественный по отношению к России авантюризм, панисламизм и попытка аннексии чужих территорий.²

¹ Shahrani N. Resisting the Taliban and Talibanism in Afghanistan: Legacies of a Century of Internal Colonialism And Cold War Politics In A Buffer State” *Perceptions Journal Of International Affairs*. December 2000-February 2001 Volume V - Number 4 <http://www.mfa.gov.tr/grupa/percept/V-4/shahrani.10.htm>

² Бойко И. С. Внешнеполитический курс Аманулла-хана в Афганистане в начале 1920-х: среднеазиатское направление. — URL: <http://new.hist.asu.ru/vost/12.pdf>

В настоящей статье делается попытка пролить свет на попытки афганского руководителя Амануллы-хана сыграть самостоятельную роль в политическом соревновании Великобритании и России в Средней Азии путем поддержки сопротивления мусульман Ферганы в 1919-1920 гг., и бухарских повстанцев в 1922 г. Статья затрагивает также эпизоды борьбы горцев Афганского Бадахшана, не поддержанных таджикским правительством в 1925-1926 гг. Эти эпизоды приграничной, главным образом таджикско-афганской и узбекско-афганской истории Средней Азии выявили неспособность романтизированной «исламской солидарности» преодолеть целенаправленную политику сверхдержав, державших регион под своим контролем.

Поддержка туркестанцев и бухарцев афганцами в 1920-х гг. имела объективные причины. Афганистан вышел победителем из третьей англо-афганской войны (1919 г.) и его руководитель был полон энтузиазма и стремления прослыть исламским триумфатором. Эмир Афганистана находился под сильным влиянием реформаторских идей младоафганцев, в особенности их видного представителя, журналиста Махмуда Тарзи¹ — тестя Амануллы и ключевой фигуры его окружения. Модернистское движение младоафганцев впитало в себя как идеи светского реформатора Мустафы Кемала Ататюрка, так и Саида Джалалудина Афгани. Последний сформулировал основные постулаты исламского единства, которые не были чужды всем мусульманским лидерам первой трети XX в.

Модернизация, доступ к передовым технологиям, национализм и некоторые другие реформаторские идеи того времени были популярны, главным образом, среди элиты афганского общества. Основная же масса населения была больше подвержена влиянию традиционных компонентов общественного сознания, таких как идея независимости и объединенного сопротивления общему врагу, то есть джихада против противников ислама. Естественно, борьба народов советской Средней Азии не могла не привлечь внимания как простых афганцев, так и их молодого эмира, стремившегося заявить о себе как о защитнике ислама в регионе.

Другая причина сочувственного отношения и помощи единоверцам по другую сторону реки заключалась в общности культа мусульманских святых. Бухара и Самарканд были (и остаются)

¹ Отец Махмуда Тарзи, Гулам Мухамад Хан происходил из потомков Сардар Рахмдил Хана, брата эмира Афганистана Дост Мохаммада. По политическим причинам Рахмдил был вынужден бежать в Сирию. В Сирии, его сын Махмуд Тарзи ознакомился с идеями панисламизма, исламского реформизма и пантюркизма. См.: Katrak, Sobab K. Through Amanulla's Afghanistan. — Karachi: Sind Observer, 1929. — XIII.

святынями для всех мусульман. Значительная часть афганских (суннитских) теологов обучалась в Бухаре. На территории современных Таджикистана, Узбекистана и Туркмении находится много святых мавзолеев (мазаров) и других религиозных культовых памятников, таких как мечеть и мавзолей известного суфия Мавлони Якуби Чархи (Душанбе), мавзолеем Эмира Хамадони (Куляб) и многие другие. Они одинаково почитались по обе стороны границы. В религиозно-феодалной иерархии «русской» Средней Азии и Афганистана особое место занимали мусульманские теологи (уламо) и харизматические религиозные лидеры. Их авторитет был непререкаем как для правителей, так и для рядовых верующих. Центральным мотивом их проповедей была идея мусульманского суверенитета и единства. Среди мусульманских лидеров было немало шайхов и ишанов — наследственных руководителей суфийских братств, — имевших десятки, а то и сотни последователей (мюридов) по обеим сторонам границы. Клерикальные иерархи Афганистана обладали особым престижем из-за той роли, которую они сыграли в англо-афганских войнах. Известно, что во время третьей афганской войны правительство и религиозные авторитеты искали и нашли поддержку «в различных странах, где проживали мусульмане».¹ В их числе была и «русская» Средняя Азия.

Идея объединения разрозненных усилий мусульман во имя восстановления попорченного величия веры захватила воображение Амануллы. Амбициозный эмир не был чужд стремления стать первым после падения Оттоманской империи объединителем мусульманских государств. Примерно об этом писала его мать бухарскому эмиру Алим Хану в 1919 г.: «Наши враги извлекают большую пользу от наших семейных разногласий. Один за другим они свергают мусульманские правительства, и различные мусульманские народы цепенеют, попадая в их железные лапы». **Неизвестно какого рода объединение имел в виду Кабул;** можно только догадываться, что афганская правящая династия видела сильный и независимый Афганистан в центре такого союза.

Если на Аманулла оказывала влияние идея «мусульманского интернационала», то большевики никогда не оставляли идеи интернационала пролетарского. Причем на каком-то промежутке времени, а именно в 1919-920 гг., эти увлечения совпали во времени. В этот период РСФСР, потерпев неудачу в попытках осуществления «мировой революции» на Западе, поспешила отыгаться на Востоке. В то же самое время Аманулла, воспользовавшись окончанием первой

¹ Российский государственный военный архив (далее РГВА). — Ф. 110. Оп. 3, д. 920, л. 56.

мировой войны и ослаблением Англии, пытался добиться большей независимости своей страны, которую он спешил видеть лидирующей в мусульманском мире. Несостоятельность этих идеологизированных и опасных проектов открылась позже, когда революционный порыв пошел на убыль, уступив место государственному прагматизму. Но тогда, в 1919-1920 гг., казалось, что РСФСР объявила войну всем и вся. Неудача похода красных конников Тухачевского в начале 1920 г. на Варшаву ничуть не поколебала уверенности большевиков в необходимости продолжения курса на «мировую революцию». Разрабатывая детали военной операции по захвату Бухары, Михаил Фрунзе в своем докладе главнокомандующему войсками РСФСР в июне 1920 г. предлагал создать «маневренный кулак для перенесения района операций в пределы Афганистана».¹ По освобождении таджикского Гиссара и Куляба предполагалось дать бой Англии на афганском направлении, чтобы, наконец, добиться исполнения давнишней мечты — добраться до вод Бенгальского залива. На случай удачи афганского похода в Ташкенте держалась наготове т. н. «Афганская революционная партия», с задачей, сформулированной заместителем председателя Туркомиссии В. Куйбышевым следующим образом: «уничтожить существующий деспотический строй, восстановить Народную советскую республику».² Напомним, что все это происходило на фоне «дружественных» отношений Ленина и афганского эмира Аманулла-хана.

1919-1920 гг.: Аманулла и ферганцы

В конце 1919 г. афганцы снарядили экспедицию в советскую Среднюю Азию, точнее в Ферганскую долину. Обстоятельства этого важного эпизода мусульманского сопротивления Советской власти долгое время оставались неизвестными. Между тем, материалы архива правительства Британской Индии в Лондоне³ и российских архивов позволили автору собрать разрозненные сведения в более или менее связную картину.

За четыре месяца до этого эпизода афганцы подписали в Равалпинди мирный договор с побежденной ими Англией. Договор закрепил статус Афганистана как «свободного и независимого во внутренних и внешних делах государства». Немедленно после подписания этого договора, афганская миссия во главе с Мухаммад Вали Ханом (таджиком) отправилась в Москву, демонстрируя перед англичанами

¹ РГВА. — Ф. 110. Оп. 3, д. 921, лл. 43-46.

² Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (далее РЦХИДНИ). — Ф. 122. Оп. 1, д. 11, л. 84.

³ India office Library & Records (далее IOR).

независимость во внешних делах. По дороге первый посол независимого Афганистана посетил Бухару, где встретился с эмиром Саидом Алим-ханом. Мухаммад Вали Хан вручил бухарскому эмиру орден и письмо от Амануллы-хана. Видимо афганцы были в курсе стремлений Алим-Хана оказать противодействие Советской России. В письме афганский правитель предостерег Алим-хана от немедленного выступления против большевиков, ссылаясь на то, что Афганистан, поскольку он занят борьбой против Англии, не сможет поддержать Бухару. Как вспоминал позже Алим-хан, в беседах с афганским посланником обсуждались перспективы афгано-бухарского антибольшевистского союза. Стороны согласились, что «весь мусульманский мир ожидает заключения союза между Афганистаном и Бухарой», но дальше разговоров дело не пошло. «Не проявляйте поспешности, пока не выяснится, как окончится предприятие вашего брата [то есть борьба Амануллы против Англии — К.А.]», — говорил Мумаммад Вали Хан. «Поскольку слова посланника были в высшей степени справедливыми, я счел за благо последовать сказанному и, храня в памяти этот совет, не единожды брал к себе в помощники терпение и выдержку», — вспоминал Саид Алим-хан.¹

Чтобы хоть как-то поддержать Алим-хана, Аманулла отправил в Бухару инструкторов для подготовки войск и производства боеприпасов и дар: шесть пушек, два картечных орудия, два горных орудия и две короткоствольных пушки.² Такая холодность отношения афганского эмира к Алим-хану объяснялась слишком уж разительной несхожестью молодого реформатора из Кабула со старомодным проанглийским бухарским тираном.

Если с эмирами Аманулла ничего, кроме риторической «исламской солидарности», не связывало, то басмаческое движение в Фергане определенно вызывало интерес афганского эмира. Наверняка он был и в курсе деятельности т. н. «Туркестанского Комитета», ставшего известным позже как Туркестанское Национальное Объединение (ТНО) во главе с Мустафой Чокаевым, еще в феврале 1919 г. обратившегося (из Тифлиса) ко всем западным державам, собравшимся на Версальскую мирную конференцию, с призывом оккупировать Туркестан и способствовать созданию там независимого государства.³ Как Аманулла, так и его военачальников вроде Надир-

¹ Хотираҳои Амир Олимхон. Таърихи хузн ал-миллали Бухоро. Бо калами Амир Олимхон. Пешгуфтор ва тавзеҳот аз: доктор Аҳрор Мухторов. — Техрон: Маркази мутоъалеоти Ирон. — С. 21.

² Этот афганский отряд в качестве личной охраны будет сопровождать эмира после падения Бухары в сентябре 1920 г. во время бегства в Восточную Бухару и приведет, в конце концов, Алим-хана в кабульскую эмиграцию весной 1921 г.

³ Из истории Российской эмиграции. Письма А.-Заки Валидова и М. Чокаева 1924-1932 гг. — М., 1999. — С. 6.

шаха, приобретших весной и летом 1919 г. опыт мобилизации афганских племен против борьбы с Британской Индией, интересовал, вероятно, военно-политический потенциал туркестанцев, восставших против большевиков.

Итак, в начале декабря 1919 г. миссия из 10 человек во главе с полковником афганской армии Мухаммад Акбар Ханом добралась до расположения ферганского басмаческого лидера Мадамина Ахмадбекова (Мадамин-бек) в селении Горбаба (Горбуа), неподалеку от Коканда.¹ В то время Мадамин-бек заключил союз с т. н. «Крестьянской армией» состоявшей из русских крестьян и белогвардейцев во главе с Монстровым. Этот басмаческо-белогвардейский союз образовал т. н. «Временное правительство Ферганы» в приграничном с Китаем Иркештаме в октябре 1919 г. Возглавил «правительство» Мадамин-бек, он же командовал объединенными вооруженными силами. При помощи Успенского, бывшего царского консула в Кашгаре, а также при тайной поддержке английского консула в Кашгаре, «правительство» пыталось осуществлять контроль над басмаческими лидерами, ликвидировать трения между ними и разработать общий план борьбы против Советской власти. Тогда, в 1917-1919 гг. не исключалась и вероятность прямого вмешательства Англии с целью помощи повстанцам и обеспечения независимости Туркестана. Во всяком случае английский консул в Кашгаре Эссертон был ярым сторонником этого плана.²

Как предполагали большевики, миссия Мухаммад Акбар Хана заключалась в стремлении выяснить «примут ли ферганцы помощь в их борьбе против большевизма от афганцев, или же они предпочтут сотрудничать с англичанами, которые являются врагами мусульман всего мира».³ По информации англичан, афганцы обещали Монстрову, в случае согласия с поставленными условиями, 5000 винтовок, которые, якобы, находились на пути из афганского города Рустак (сам Монстров упоминал 500 винтовок). Мухаммад Акбар Хан, якобы, обещал также послать несколько тысяч солдат (называлась цифра 10000) для борьбы против большевиков в Фергане. По мнению советской разведки, в ответ Мадамин-бек должен был представить афганцам письменную просьбу «взять Туркестан под свое покровительство».⁴ В свою очередь, кабульская делегация от имени правителя Афганистана обещала

¹ IOR: L/P&S/11/182.

² В инструкции Кашгарской миссии рекомендовалось «использовать каждую появившуюся возможность для полезной интервенции в Среднюю Азию, если будет на то получено одобрение правительства Индии». — Glenda Fraser. «Basmachi-I»// *Central Asian Survey* 6. — No.1 (1987), 24.

³ РГВА. — Ф. 110. — Оп. 3, д. 922, л. 33.

⁴ РГВА. — Ф. 110. — Оп. 3, д. 922, л. 33.

предоставить Мадамин-беку право «контролировать Туркестан». Оказавшись у власти, Мадамин-бек должен был провести реформы в управлении, образовании и других отраслях, руководствуясь инструкциями, полученными из Афганистана.¹

Итак, предложение столь желанной помощи из-за границы было получено. Однако оно выглядело явно двусмысленным. Для басмаческо-белогвардейского правительства сотрудничество с афганцами было чревато непредвиденными последствиями, так как предложение исходило от режима, лояльного революционной Москве и только что закончившего войну с Англией. Вдобавок само предложение было выражено не совсем внятно. Мадамин, Монстров и другие ферганские лидеры (киргиз Халходжа, сарты Шер Мухаммад и Сами Максум) собрались на совещание, которое завершилось компромиссным решением. Было решено просить оружие, но воздержаться от немедленного обращения за «покровительством», ссылаясь на необходимость получения предварительного одобрения «Временного правительства». Вполне очевидно, что такая уклончивая резолюция была принята под нажимом белогвардейцев, опасавшихся нарастания национализма и панисламизма. Кроме того, Шер Мухаммад (Куршермат) был явным англофилом, и басмачи и белогвардейцы понимали, что перспектива афгано-туркестанского сближения, основанная на исламском единстве, не устроит англичан. Англичане действительно весьма плотно «работали» с Куршерматом. Консул Перси Эссертон находился с ним в постоянной связи, снабжал инструкциями, и ... вероятно, небольшим количеством оружия.² Эссертон пытался апеллировать к патриотизму своего протеже, с тем, чтобы минимизировать нежелательные для британского владычества панисламистские моменты в антибольшевистском движении. В 1920 г. он предложил Шер Мухаммаду «взять под свой контроль Памир». Тем не менее, несмотря на усилия Эсертонна, план интервенции в «Русский Туркестан» не был одобрен. Несмотря на заверения своего чиновника о благонадежности Куршермата и его полной поддержки населением Ферганы, государственные чины правительства британской Индии отказали, опасаясь, что восстание обернется «джихадом» против Англии.

Вернемся, однако, в конец 1919 г. В тот период «правительство» Мадамина устраивало как Англию, так и белогвардейцев, но

¹ РГВА. — Ф. 110. — Оп. 3, д. 922, л. 33.

² Для оказания какой-либо значительной поддержки необходима была санкция правительства

постольку, поскольку оно сдерживало большевиков и сторонилось панисламизма. В то же время англичане (вернее английский консул в Кашгаре) не торопились с оказанием прямой помощи своим фаворитам (Куршермату, Халходже и Мадамину). Британский консул в Кашгаре Эссертон оказывал, главным образом, моральную помощь. Разумеется, это не совсем устраивало басмаческо-белогвардейский союз, который остро нуждался в помощи, в первую очередь оружием. В этих условиях ферганцы не могли оставить без внимания прямое предложение помощи, поступившее от афганцев. Надо сказать, что для большевиков также не было секретом пребывание афганских делегатов «говоривших по-таджикски» в Фергане. В конце концов, ферганцы решили отправить делегацию в Кабул. Делегаты получили инструкцию: разузнать как можно больше об условиях, предъявляемых афганцами в обмен на помощь. Миссию возглавили Мулла Ахун Карим Бабаев из Шафиркана, Мулла Хашимджан Касымбаев из Маргилана, Ташмат (брат Куршермата) и Амин Каракалпак, представитель курбаши Иргаша. В миссию были включены два русских представителя — граф Мисостов и инженер В.В. Титц¹, но граф, опасаясь непредвиденных последствий такого предприятия и сославшись на болезнь, от поездки в Кабул воздержался. Через два дня он сбежал в Ош, в то время как миссия, в количестве 60 человек, включая 20 ферганских юношей, отобранных для учебы в кабульской военной школе, готовилась к отправке.

Ферганцы отбыли 28 декабря 1919 г. Переправившись через заснеженные перевалы в Афганистан, ни в Рустаке, ни в Ханабаде они не обнаружили обещанного оружия. Десятого февраля наступившего 1920 г. делегация прибыла в Кабул, где несколькими днями позже была принята Махмудом Тарзи и генералом Махмудом Сами. 18 февраля их принял сам эмир Аманулла. На аудиенции присутствовал знатный эмигрант, сын министра последнего правительства Кокандского ханства по имени Махмуд Хан Тура. Во время беседы эмир Афганистана несколько раз подходил к карте, задавал вопросы о том, как проходили военные операции в Фергане и ... этим ограничился, передав вопрос на рассмотрение министру Махмуду Тарзи. Однако, несколькими днями позже, Тарзи, оставив вопрос открытым, отбыл по делам службы в Индию. Ферганцам было предложено погостить месяц в Кабуле. Хотя Титц не был приглашен на аудиенцию к эмиру, он был хорошо информирован о событиях, имевших место во дворце. Спустя несколько

¹ РГВА. — Ф. 110. — Оп. 3, д. 922, л. 33.

месяцев он сбежит, чтобы предстать перед англичанами в приграничном Пешаваре с подробным отчетом о деятельности миссии.¹

Вполне очевидно, что афганцы раздумывали и не торопились принимать решение по «туркестанскому» вопросу. Тем временем события в Фергане развивались своим ходом и не в пользу туркестанцев. По личному распоряжению Ленина, т. н. Татарская военная бригада была переведена из Поволжья в Туркестан. Бойцы бригады сочетали преданность большевизму со знанием местных (тюркских) языков и основ ислама. Татары должны были служить примером для непокорных и упрямых ферганцев. Кроме того, в составе Красной армии была создана кавалерийская бригада, состоявшая из бывших военнопленных первой мировой войны (главным образом австрийцев и чехов), находившихся в Туркестане. Таким образом, база большевиков в Средней Азии значительно усилилась. Руководили военными и пропагандистскими делами опытные большевики В. Куйбышев и М. Фрунзе. Сочетая идеологическую обработку населения с военными операциями и карательными мерами, красные отряды нанесли поражение двум главным предводителям — Иргашу и Шер Мухаммаду (Куршермату). Мадамин-бек был вынужден сдаться и 6 апреля 1920 г. был заключен под стражу. Монстров со своими белогвардейцами сдался еще в марте.

В мае 1920 г. командование Красной Армии попыталось склонить Шер Мухаммада к сдаче. С этой целью Мадамин-бек и красноармейский комиссар Сухов были направлены к басмачам на переговоры. Однако Шер Мухаммад в назначенное место не прибыл. Вместо себя он отправил своих джигитов, наказав им поступить с делегатами «так как они посчитают нужным». 14 мая джигиты Куршермата обезглавили Мадамина и Сухова в урочище Тамаша.²

Известие о страшной смерти Мадамина дошло до Кабула. Ему предшествовал еще более неожиданный слух о том, что Мадамин, глава «Временного правительства Ферганы», чьи делегаты вели переговоры в Кабуле, сдался большевикам. Сам эмир Аманулла сообщил делегатам о гибели Мадамина и о той неблагоприятной роли, которую сыграл в ней Куршермат. Члены делегации, включая Ташмата, брата Куршермата, отказались верить этим слухам (или делали вид, что не верят), убеждая

¹ IOR: L/P&S/11/182. Обычно беженцы из «русского» Туркестана и Бухары обращались в английское представительство в Пешаваре за паспортом и визой, с тем, чтобы следовать далее через Карачи по морю в Европу (или в Турцию, арабские страны). Разумеется, англичане тщательно допрашивали и «фильтровали» беглецов из советской Средней Азии.

² Зевелев А. И., Поляков Ю. А., Чугунов А. И. Басмачество: возникновение, сущность, крах. — М.: Наука, 1981. — С. 69.

окружающих и самих себя, что афганцы просто хотят дискредитировать туркестанцев. В стане ферганцев начались разногласия, делегация раскололась.

Сторонники Мадамин-бека решили вернуться в Фергану. 6 июля они обратились к полпреду Туркестанской Советской автономной республики, ответственному за установление дипломатических отношений РСФСР с Афганистаном, Я.З. Сурицу. Искушенный в восточной политике Суриц еще более запутал картину, утверждая, что Мадамин-бек жив и обещает помощь своим делегатам. Целью его хитроумных маневров было помешать сближению афганцев и ферганцев. Одновременно советский посол «развенчивал» Аманулла, утверждая, что тот ведет двойную игру, обещая с одной стороны помощь мусульманам Средней Азии, но с другой стороны — ведя дружбу с Лениным. Тем не менее, его аргументы были приняты не всеми делегатами. Радикально настроенные сторонники Куршermата, сохранив здоровый скептицизм, не поверили Сурицу и предпочли обратиться к афганцам за помощью для отправки в «Ташкент или Индию».¹

Неизвестно, как далее сложились судьбы тех, кто зимой 1919-1920 года отправился из Ферганы через горные перевалы в Кабул, надеясь получить там признание и поддержку. Вероятно, часть из них вернулась на родину, в то время как другие остались в изгнании. Скорее всего «куршermатовцы» всем составом предпочли не возвращаться в Советскую Россию. Что касается самой миссии, то она закончилась ничем.

Так, попытка афганцев поддержать ферганцев в их освободительной борьбе и сыграть, таким образом, свою отдельную роль в событиях в Средней Азии, обернулась неудачей. Аманулла опять столкнулся с неизбежным выбором между прагматическим интересом строительства афганского национального государства и возвышенной идеей «исламской солидарности». Решив не портить отношения с могущественным соседом, разбившим фактически на его глазах крупную басмаческо-белогвардейскую группировку, он проигнорировал просьбу ферганцев о помощи. В сентябре 1920 г. представители Афганистана и Советской России подписали в Кабуле договор, который был ратифицирован РСФСР в феврале 1921 г. Одним из его пунктов было признание советского господства в Средней Азии. Эта позиция привела к сближению Афганистана с Россией, но встретила сопротивление со стороны консервативных афганских феодалов и духовенства.

¹ IOR: L/P&S/11/182.

1922 гг.: Аманулла и Энвер-паша

Несмотря на договор 1921 г., означавший фактическую изоляцию ферганского басмачества со стороны Афганистана, в 1922 г. Аманулла еще раз испытал желание активно включиться в среднеазиатскую политику. Стремление изгнанного турецкого генерала Энвер-паши поднять восстание против большевиков в Бухаре и Туркестане и образовать затем мусульманское государство, нашло живой отклик в афганской элите, в том числе у Амануллы, продолжавшего представлять Кабул центром гипотетического «халифата».

Надо сказать, что басмачи находились на «самофинансировании» и международной помощью (подобно афганским моджахедам 1980-х гг.) практически не пользовались. Не потому что брезговали, а потому, что никто не предлагал. По данным Туркестанского фронта, основная масса оружия, начиная с 1921 г., приобреталась в Афганистане в обмен на скот и средства, взимавшиеся в виде налогов «на борьбу с неверными» с населения.¹ В Афганистане разрешалась торговля оружием, правда без права вывоза за границу, что, впрочем, не мешало басмачам и их сообщникам запастись при помощи афганцев оружием на левом берегу Амударьи. Некоторые лидеры басмачей открыто щеголяли в английской и афганской униформе, приобретенной в Афганистане. Разумеется, при таком отсталом администрировании, недостатке финансирования и отсутствии руководства и внешней поддержки, речь могла идти лишь о спонтанном локальном «джихаде» разрозненных племенных полувоенных формирований.

Тем не менее, в 1921-1922 гг. восстание восточных бухарцев приняло очень ожесточенный характер. Особое сопротивление оказали повстанцы Куляба и Бальджуана (таджики, узбекские племена, тюрки), потерявшие в боях весной 1921 г., как сообщал Ф. Ходжаев, около 10 тысяч убитыми.² Тогда крупнейший авторитет кулябских повстанцев Давлатмандбий со своим отрядом напал на русский гарнизон в Кулябе. После отступления моджахедов и оставления ими города, красноармейцы жестоко расправились с местным населением. Информационная сводка представителя РСФСР в Душанбе сообщает, что Красная Армия творила при этом немало «безобразий», так, в Кулябе отрядом особого назначения было изнасиловано несколько женщин.³

¹ Кроме того, источником оружия являлись советские города — Карши, Каган, Бухара, Самарканд, Ташкент, где оружие скупалось или похищалось у военнослужащих Красной Армии. — РГВА. — Ф. 110. 0 Оп. 3, д.1158, л.112.

² Архив Коммунистической партии Таджикистана (далее АКПТ). — Ф. 4511. — Оп. 16, д.135, л.158.

³ РЦХИДНИ. — Ф. 122. — Оп. 1, д.83, л.10.

Разумеется, вести из Куляба проникали и в Афганистан. Ранней весной 1922 г., когда вся Восточная Бухара была охвачена восстанием, а русский гарнизон под натиском восставших был вынужден покинуть Душанбе, большое количество афганских войск было сконцентрировано на приграничной территории северного Афганистана. Разведка Красной Армии сообщала тогда: «Наблюдается большой наплыв афганских войск на афганской границе, насчитывающий 16 палтанов (600-700 солдат в каждом) пехоты, 10000 кавалерии, 10 орудий. Седьмого февраля 1922 г. министр обороны сипахсалар Надир-хан¹ прибывает в Ханабад (провинция Каттаган). Немногим позже он встречается с Осман Ходжаевым (Осман Ходжа), экс-президентом БНСР, бежавшим в Афганистан после неудавшегося мятежа в декабре 1921 г. в Душанбе.² Вероятно, Осман Ходжа рассказал ему, что независимость Бухарской республики — миф, и что Российская Федерация пытается подчинить внутренние и внешние дела Бухреспублики своим интересам. Это видно из документа озаглавленного «Меморандум Министерству иностранных дел божественного Государства Афганистан, признавшего независимость Бухары», составленного Осман Ходжой 29 апреля 1922 г. В «Меморандуме» в частности, говорилось: «Люди, входящие в бухарское правительство, находятся под нажимом вторгшейся русской армии. Их жизни угрожает опасность. Подобно рабам, они соглашаются на любое требование русских. Из всего вышесказанного становится ясно, что бухарское правительство не является свободным и независимым. Даже экономически оно не свободно... Целью продолжающейся национальной борьбы является вывод русских военных из бухарской земли и признание свободы и независимости Бухары российским правительством. Народ полон решимости бороться, пока не добьется своего». Себя Осман Ходжа назвал при этом «Президентом Бухары и Главнокомандующим сил, отстаивающим независимость».³ Осман Ходжа, так же как немногим позже другие деятели ТНО, пытался убедить афганцев в том, что бухарские джаиды, примкнувшие к Энверу, держат ситуацию под своим контролем, и что они нуждаются в срочной военной поддержке. Видимо, афганский сипахсалар Надир соглашается помочь повстанцам. С этой целью он вступает в переписку с Энвером

¹ Имеется в виду Надир-шах, будущий король Афганистана.

² Джаиды Осман Ходжа (Усман Ходжаев, 1878-1968), его брат Ата Ходжаев и их двоюродный брат Файзулла Ходжаев вошли в высшее руководство молодой Бухарской Советской республики. После неудачной попытки разоружить русский гарнизон Душанбе в конце 1921 г., О. Ходжа бежит в Афганистан, преследуемый отрядами локайца Ибрагим-бека. Басмачи считали джаидов виновными в падении Бухары.

³ Timur Kocaogly. *Osman Khoja (Kocaogly) between Reform Movements and Revolutions// Reform Movements and Revolutions in Turkistan: 1900-1924*. Ed. Timur Kocaogly. — Haarlem: SOTA, 2001. — P. 43-44.

и снабжает его оружием и боеприпасами.¹ «Мой брат, я получил твое письмо и 300000 рупий для снабжения 1200 солдат и 50 офицеров обмундированием», — писал Надир Энверу.²

Аманулла же, как руководитель страны, не спешил помогать Энвер-паше в его борьбе против РСФСР, не имея гарантий со стороны Англии. В марте 1922 г. он попросил английского посла в Кабуле Хэмфри сообщить в Лондон о том, что Афганистан будет приветствовать признание Англией независимости Бухары и Хивы. Уместно напомнить в этой связи, что по советско-афганскому договору 1921 г., советская сторона обязалась не нарушать независимости Бухары и Хивы, то есть сохранить Бухарскую и Хорезмскую республики. После ознакомления с реальной ситуацией в Восточной Бухаре у афганцев появились подозрения, что российская сторона, нарушив договор, склонна подчинить себе не только Туркестан, но и Бухару вместе с Хивой. Таким образом, Аманулла имел определенные основания для того, чтобы прислушиваться к требованиям беглых бухарцев. Поддержка англичан придала бы ему сил в его намерении добиваться вывода большевистских войск из Средней Азии.³ Однако, Англия, не будучи уверена в истинных намерениях Энвер-паши, отказала. Минительные англичане считали Энвера агентом Германии. Соответственно, они не доверяли и самим бухарским джадидам, вчерашним большевистским союзникам, бежавшим в Кабул.

Негативная реакция англичан, опасавшихся установления прогерманского пантюркистского государства на границах своей «жемчужины», Индии, стала главной причиной нерешительности Амануллы. Англию не устраивала как перспектива исламского халифата, так и тюркской конфедерации в Средней Азии. Еще накануне Версальской конференции 1919 г. чиновники Британской Индии определили для себя будущее Средней Азии. Они стремились сохранить колониальную зависимость региона от России, но не единой как раньше, а разделенной и ослабленной. Имелось в виду две России: «европейская» с центром в Петрограде, и «азиатская» с центром в Омске. Хотя расколоть Россию в ходе гражданской войны и иностранной интервенции в 1918-1920 гг. и не удалось, эта политика поддержания российского доминирования в регионе с одновременным ослаблением СССР продолжалась и в последующие десятилетия.

¹ РГВА. — Ф. 110. — Оп. 3, д. 1102, л. 56.

² РГВА. — Ф. 110. — Оп. 3, д. 1102, л. 265.

³ Володарский М. И. Советы и их южные соседи Иран и Афганистан. — Лондон, 1985. — С. 177.

Разумеется, афганцы не обладали достаточным ресурсом для того, чтобы сыграть свою роль в большой политике. Им пришлось смириться. Но непоследовательная позиция афганского правительства в отношении событий в Бухаре не устраивала большую часть населения и духовенства Афганистана, бывшего в оппозиции к режиму Амануллы. Не дождавшись официальной санкции своего правительства, афганские добровольцы, возглавляемые мусульманскими лидерами, такими как Мавлави Абулхайр из Панджшера, были переправлены на советскую территорию. По сведениям командующего войсками Бухарской группы Н.Е. Какурина, в начале 1922 г. из Афганистана на помощь Энверу отправились два отряда добровольцев численностью в 140 человек, вооруженных ружьями английского образца.¹ Лидер восточнобухарских басмачей Ибрагим-бек, бежавший в Афганистан в 1926 г., также вспоминал, что в начале 1922 г. афганцы послали Энверу две группы общей численностью в 300 человек, во главе с неким Анварджаном.² По некоторым сведениям в этом отряде был сам Бачаи Сакао — будущий эмир Афганистана.³

Победа Красной Армии над войсками Энвер-паши в Западной и Восточной Бухаре (в Байсуне и Кабодиёне) в марте-апреле 1922 г. и нежелание Англии помочь бухарцам заставили Аманулла принять решение, которое оказалось критическим для моджахедов-басмачей. Афганское правительство решило вывести всех афганских подданных с бухарской территории. Весной 1922 г. Аманулла приказал всем афганцам вернуться в 20-дневный срок.⁴ Затем сам Аманулла отправился верхом из Кабула на север. На перевале Ховак он встретился со своим военным министром Надир-ханом и приказал немедленно отвести все войска от границы. Он также в решительной форме запретил Надиру (которого всегда подозревал в англофильстве) вмешиваться в бухарские дела.⁵ Как утверждают некоторые афганские источники, Надир-хан именно за его несанкционированное сотрудничество с Энвером был смещен с поста военного министра и назначен послом в Париж, что означало

¹ РГВА. — Ф. 110. — Оп. 3, д. 1102, л. 209-210.

² Ибрагим-бек и его соратники были пленены (сдались?) в Таджикистане 23 июня 1931 г. и на следующий же день были отправлены самолетом в Ташкент, в особый (4-й) отдел Среднеазиатского Военного Округа, где было проведено дознание. Материалы следствия сохранились в Архиве комитета государственной безопасности Узбекистана. — Уголовное дело No. 123469 по обвинению Ибрагим-бека в преступлениях, предусмотренных 58 и 60 статьями Уголовного кодекса Узбекской ССР (58-2, 58-4 УК РСФСР). — Т.1. — С. 170

³ Халилulloх-и Халили. Айер-е аз Хуросон. Амир Хабибуллох ходим-и дин-и расул-уллох. Чопи дуввум, Дехли-и чаид. — 1981. — С. 75.

⁴ РГВА. — Ф. 110. — Оп. 3, д. 1106, л. 57.

⁵ Fazal-Ur-Rahim Khan Marwat. The Basmachi Movement in Soviet Central Asia. — Peshawar: Emjay Books International, 1985. — P. 164.

фактическую ссылку. Мавлави Абулхайр, который в Бухаре за его заслуги в борьбе против «неверных» был удостоен Энвером звания «шайх-улисом» по возвращении в Афганистан был арестован и заключен на некоторое время в ханабадскую тюрьму.¹ Не выдержав назойливых преследований российских шпионов, в сентябре 1923 г. Осман Ходжа покидает Кабул «по просьбе афганского правительства».²

Середина 1920-х гг.: Амануллы и эмигранты

Падение эмирата и последующее поражение Энвер-паши вызвали массовое бегство населения приграничной Бухары. Около четверти миллиона бухарцев эмигрировали в Афганистан в первой половине 1920-х. Приняв беженцев и оказав им, таким образом, моральную и материальную поддержку, афганский правящий режим, тем не менее, отказал бухарцам в политической помощи в их борьбе против Советской власти. Это произошло, прежде всего, по принципиальным причинам. Бухарское восстание было лишено какой-либо позитивной программы и возглавлялось преимущественно сторонниками свергнутого эмира Алим-хана. Беглые джаиды, которые еще могли стать идеологами и руководителями национального движения, влиянием в басмаческой среде не пользовались. Восстановление консервативного, проанглийского эмирского режима в Бухаре не отвечало стратегическим интересам реформатора Амануллы. Лишенное надлежащей организации и руководства, мусульманское движение сопротивления в Средней Азии (басмачество) в случае его поддержки могло выйти из-под контроля, перейти на левый берег Амударьи, дестабилизировать обстановку и привести к непредсказуемым последствиям, нежелательным для Афганистана. Но самое главное, помощь басмачам неминуемо испортила бы отношения с Советской Россией и лишила бы правительство Амануллы материальной и военной помощи.

¹ Fazal-Ur-Rahim Khan Marwat. The Basmachi Movement in Soviet Central Asia. — Peshawar: Emjay Books International, 1985. — P. 164. Однако Абулхайр не теряет связь с Советским Таджикистаном. Весной 1927 г. он появляется в Каратегине, где ведет антисоветскую пропаганду. — АКРТ. — Ф. 1. — Оп. 1, д. 719, л. 35.

² Он поселяется в Турции, где становится одним из руководителей туркестанской эмиграции и при финансовой помощи польского правительства издает журнал «Ёни Туркестан». Однако, турецкое правительство под нажимом Москвы вынуждает его покинуть и Турцию. После скитаний в Иране и Польше в 1939-1945 гг., Осман Ходжа возвращается в Стамбул, но опять ненадолго. В 1951 г. он отправляется в Пакистан, в 1957 г. вновь возвращается в Стамбул, в этот раз навсегда. В оставшиеся годы своей жизни, вплоть до кончины, наступившей 28 июля 1968 г., он занимается исключительно культурной деятельностью. — Timur Kocaogly. Osman Khoja (Kocaogly) between Reform Movements and Revolutions// Reform Movements and Revolutions in Turkistan: 1900-1924. Ed. Timur Kocaogly. — Haarlem: SOTA, 2001. — P. 45.

Как уже отмечалось, позиция невмешательства в события в Средней Азии, которая фактически означала международную изоляцию басмачества, вызывала недовольство части населения и духовенства, оппозиционного режиму Амануллы. Очевидец тех событий, афганский писатель и поэт Халилулло Халили (1905-1978), автор комплиментарной книги о Бачаи Сакао, писал: «Народ считал, что правительство Афганистана, обманутое декларациями Советского государства, позабыло свою религиозную и политическую обязанность — защищать братьев-мусульман из соседних стран. Вопреки интересам исламского мира, оно безудержно укрепляло свои связи с Советской страной... Противодействие России оно считало противодействием независимости Афганистана. Оно представляло Россию единственным другом Афганистана и Востока, а угнетателей Лондона — единственным их врагом».¹

Конец весны 1922 г. можно считать концом более-менее организованного басмачества. Оно завершилось полной победой советской стороны, разгромившей Энвер-пашу в августе 1922 г. Нарастающее сближение между Москвой и Кабулом лишило басмачество шансов на успех, блокировало развитие среднеазиатской эмиграции и выталкивало ее все дальше на периферию политической и общественной жизни. Реакцией эмиграции стали прогрессирующий антисоветизм, уход в религию, сопровождающиеся нарастающим недовольством действиями афганского правительства.

Тем временем, российская сторона параллельно с ликвидацией остатков басмачества, делала все возможное, чтобы обезопасить свои южные рубежи, не останавливаясь при этом перед прямым вторжением на территорию соседнего Афганистана. Ответственный секретарь ЦК Компартии Таджикистана Толпыго, (подмосковный рабочий, большевик с 1918 г), известный своими жестокими методами подавления басмачей и их сообщников, предлагал ташкентским властям в июне 1926 г. одобрить суровые репрессии, включая физическое устранение эмигрантских лидеров: «Я считаю, я убежден, что карательная политика и внесудебная расправа особенно, есть основной (метод). В настоящее время, мы должны, безусловно, уничтожить значительную часть влиятельных врагов-пособников до тех пор, пока окончательно не разрушим систему снабжения, комплектования, влияния, агитации, связи и управления... Мы не переборщили, а не доделали,² наша карательная

¹ Халилуллох-и Халили. *Айер-е аз Хуросон. Амир Хабибуллох ходим-и дин-и расул-уллох*. Чопи дуввум, Дехли-и чадид, — 1981. — С. 92.

² В то время Толпыго подвергался критике со стороны таджикских руководителей за чрезмерную жестокость в борьбе с басмачами и в отношении мирного населения.

политика должна последовательно проводиться не ограничиваясь третьим изъятием [единовременной карательной кампанией — К. А.], а четвертым, пятым... Вопрос о курбахах: нужно всерьез поставить дело персонального их уничтожения за рубежом [группа Тагай-бека и руководители родов и племен в эмиграции].¹ Пора стимулировать материальную заинтересованность персональной оценкой [определения суммы, в качестве премии за голову убитого — К.А.] и пойти на выделение специальных средств на это. Нелишне провести организацию за рубежом наших шаек для действия здесь, а может быть и красных партизан за рубежом, как контрмеры против действия Афганского правительства и пограничных властей (английских агентов) по примеру союзов крестьянской самозащиты на Западном фронте».²

После разгрома Энвер-паши басмачество Бухары резко пошло на убыль. Часть джадидов и басмачей отказалась от борьбы и пошла на сотрудничество с большевиками. Отойдя от военного сопротивления, они надеялись на какую-либо форму приемлемого сотрудничества с Советской властью в рамках набирающего силу национализма, модернизации и культурной автономии. Другие повстанцы продолжали джихад, но лишённые культурного руководства и должной организации стали опускаться до экстремизма, разбоя, террора и грабежа мирного населения. Это способствовало их дегероизации, изоляции и окончательному поражению.

Бросив клич к объединению мусульман всего мира, Энвер-паша дал Советам повод усилить свою интервенцию в Бухару и окончательно захватив ее, выступить «защитниками» Запада от «фанатиков-мусульман». Видимо, поэтому большевики «простили» Афганистану некоторое «сочувствие» Энверу. Официальная точка зрения Москвы заключалась в том, что «взаимоотношения между Советской Россией и Афганистаном на протяжении 1921-1922 годов в общем и целом представляли картину прогрессирующего сближения».³

1925-1926 гг.: Восстание на Памире

В 1920-х гг. таджики (а также узбеки, туркмены, киргизы) Афганистана были тесно связаны с «пори дарё» (то есть, заречьем)

¹ Речь шла о Саидбеке Инак Калоне, известном как Тагай-бек (умер в 1926 г.) — дяде по матери бывшего эмира Саид Алим-хана, проживавшего в северных провинциях Афганистана и слывшего представителем эмира Алим-хана в северных провинциях.

² Имеются в виду организованные ГПУ крестьянские отряды на территории Польши, действовавшие против «буржуазного» правительства. — АКПТ. — Ф. 1. Оп. 1, д. 80, л. 146-148.

³ Майский И. Внешняя политика РСФСР. 1917-1922. — М.: Красная Новь, 1927. — С. 146.

тысячами невидимых нитей. Каждое важное событие в Советском Туркестане находило свой немедленный отклик на противоположном берегу Амударьи. После ликвидации басмачества и бегства Ибрагимбека в 1926 г., Советы укрепили свою власть в регионе повсеместно. Поначалу установление военных и гражданских коммуникаций, охрана китайской, персидской и афганских границ выглядели просто как продолжение колониальной политики и укрепление российской власти в регионе. Однако, последовавшие затем масштабные социальные, экономические и культурные преобразования Советской власти имели куда большие прямые последствия для жителей Средней Азии, и косвенные для соседей из Афганистана и Западного Китая. В частности, национальное размежевание, проведенное в 1924 г., и образование пяти национальных республик вызвали рост национальных настроений и открыли новые перспективы развития для мусульман всего региона.

В связи с этим уместно обратить внимание на восстания горцев афганского Рушана и Шугнана, направленные против кабульского правительства. Эти восстания были вызваны произволом властей, тяжелыми дополнительными налогами, открытием женских школ и другими новациями, насильно вводившимися правительством. С точки зрения афганской истории, это была лишь малая часть из многочисленных восстаний, беспокоивших официальный Кабул на протяжении всех 1920-х гг. Но с позиций национальной таджикской истории, это были знаменательные события. Будет правильным сказать, что восстания таджиков афганского Бадахшана могли завершиться знаменательным событием для таджиков и Таджикистана. Дело в том, что в афганском Бадахшане, имело место непрекращающееся притеснение таджиков пуштунским меньшинством по национальному признаку. Естественно, таджики Афганистана имели все основания рассчитывать на понимание, если не на помощь, со стороны вновь образованного правительства Таджикистана. Во время подавления антипуштунского и антиправительственного восстания летом 1925 г. восемь тысяч таджиков афганского Бадахшана решили укрыться в недавно образованной Таджикской республике. Они обратились к властям в таджикском Калай-Хумбе. Лидер повстанцев Махрамбек от имени населения попросил разрешения поселиться на территории Таджикской АССР. В случае отказа он просил дать оружие для восставших. Ситуация напоминала 1922 г., когда бухарцы просили помощи у афганцев в борьбе против большевиков, но наоборот: на сей раз афганцы просили таджиков помочь им в борьбе против Амануллы.

Как же ответили советские власти на просьбу таджиков афганского Бадахшана? После непродолжительных консультаций с Москвой, дело было передано в Ташкент.¹ Как всегда, власти (будь-то советские или англичане) усмотрели в народном восстании злой умысел какой-то третьей стороны. Советы почему-то посчитали, что восстание спровоцировано англичанами, а именно мехтаром (правителем) Читрала при посредничестве Ага Хана III. По этому поводу, тогдашний руководитель компартии Таджикистана, уже упоминавшийся Толпыго, наставлял председателя таджикского правительства Шириншо Шотемура следующим образом: «Теперь по поводу восстания. Вопрос очень серьезен. Он напоминает аналогичное положение в иомудском восстании, организованном англичанами в Персии.² Аманулла-хан — прогрессивный человек, новатор, и как таковой нам полезен. Политика Англии направлена к замене его англофилом. Ему трудно, ибо кабинет (его) англофильский. Вопросы взаимоотношений с Афганистаном осложняются и ухудшаются, а на революцию надеяться пока нельзя. Вот почему мы не должны поддержать восстание в Афганском Бадахшане, направленное против существующей власти, то есть нашего союзника. Это основная задача английских колонизаторов».³

Сегодня невозможно выяснить, поддерживали ли на самом деле англичане и их сторонник-Ага Хан восставших памирцев. Вряд ли, хотя обстановка, созданная властями британской Индии на своих приграничных территориях позволяла кому угодно без особых проблем запастись легким оружием. Не секрет также, что афганские (в том числе таджикские) региональные лидеры не особенно поддерживали центральную власть и, стремясь укрепить свои позиции, предлагали «услуги» правительствам сопредельных стран. Таким образом, правительству Душанбе представлялся удобный случай распространить свое влияние среди таджиков Афганистана, подобно тому, как иранцы поддерживали своих клиентов в западных провинциях Афганистана. Разумеется, такой поворот событий был совершенно недопустим для Советской власти, не собиравшейся упускать монополию внешней политики. Нежелание укреплять

¹ Центральный Государственный архив Таджикистана (ЦГАТ). — Ф.1. Оп.1, д.60, л.21.

² Имелось в виду национальное восстание туркмен Ирана в 1925 г., провозгласивших даже независимую «Туркменскую республику», но также не поддержанных Советской властью.

³ ЦГАТ. — Ф.1. Оп.1, д.81, л.34.

межтаджикскую солидарность, а не опасения «обидеть» Аманулла, было решающим доводом в отказе помощи афганцам. Ведь когда дело касалось борьбы против бухарских беженцев в Каттагане, тот же Толпыго не стеснялся настаивать на организации «партизанских отрядов» ГПУ на территории сопредельной страны. Укрепление приграничных отношений с родственными народами Средней Азии, конечно же, не входило в число государственных интересов СССР. В результате, шанс молодой таджикской республики поддержать свой международный статус хотя бы на региональном уровне, был упущен. Беженцы, разочарованные отказом таджикских властей, вернулись в Афганистан. На афганской стороне их ожидал специальный отряд индусов, посланный Кабулом для подавления восстания.¹ Больше с подобными просьбами к правительству Душанбе афганские таджики не обращались.²

Заключение

Период, последовавший непосредственно после первой мировой войны, вызвавшей распад Османской, Австро-Венгерской и Российской империй, был важным в истории Средней Азии. На карте мира образовался целый ряд новых национальных государств: от России сравнительно легко отделились Польша и Финляндия, в Восточной Европе, как результат Версальской конференции, в спешном порядке были созданы Югославия, Чехословакия. Трансильвания была разделена между Румынией и Венгрией. Была создана Молдавия, содержащая в своем составе целый регион, компактно заселенный русским населением. Был создан антибольшевистский пояс в Прибалтике. Это все были искусственные, непрочные образования, обреченные на развал в случае падения советского строя, их задачей было служить «прослойкой» между Советами и остальным миром. Закавказье и Средняя Азия оказались слишком сложными регионами для «государственного конструирования» и национального самоопределения. Фактически Средней Азии в деколонизации было отказано. Косвенная поддержка большевикам в их противостоянии с

¹ ЦГАТ. — Ф.1. Оп.1, д.81, л.115.

² В позднесоветский период историками делались попытки критического осмысления совокупной национальной истории, начал проявляться интерес к соплеменникам, проживающим «в заречье». В Таджикистане, в частности, начала подвергаться мощной критике традиционная «пуштуноцентристская» историография Афганистана. Большая заслуга в этой работе принадлежит таджикским афганцам Х. Назарову (См.: Назаров Х. Социальные движения 20-х годов XX в. в Афганистане. — Душанбе: Дониш, 1989), и Саиданвару Шохумову.

мусульманами выразилась в отказе Запада от поддержки закавказского национализма и антибольшевистского (басмаческого) движения, выступавшего под панисламистскими и пантюркистскими лозунгами в Фергане и Бухаре. Вся правобережная Средняя Азия была оставлена за Россией — не царской, а уже Советской. Причем объективно, позиции России в этом регионе не только не пострадали, но даже усилились, так как с советизацией Бухары и Хивы (которые формально считались независимыми с 1860-х до 1920 г.), край перешел под исключительный русский контроль.

Победители первой мировой войны сочли, что право наций на самоопределение дано не всем. Лига Наций оказалось глухой к отчаянным призывам бывшего эмира Саида Алим-хана, ратовавшего за восстановление эмирата, и Османа Ходжи, призывавшего к поддержке «борьбы народов Туркестана». Интересы защиты государственных суверенитетов Российской Федерации и Афганистана были оценены выше прав на самоопределение ферганцев (в 1919-1920 гг.), бухарцев (в 1922 г.) и памирцев (в 1925-1926 гг.). Во всех рассмотренных случаях внешний фактор, выразившийся в поведении ведущих игроков — России и Англии — оказался решающим.

Главными мотивом отказа в самоопределении были опасения того, что из-за слабости национализма, развитие и мобилизация Средней Азии пойдет по линии укрепления панисламизма и пантюркизма. Причем последнее понималось англичанами не как «пантюркизм», а как «пантуркизм», то есть распространение прогерманской, англофобской гегемонии Турции. Наряду с этим, англичане опасались религиозного единства среднеазиатов, их исламского «фанатизма»: «Более серьезная [по сравнению с большевизмом. — К.А.] опасность заключается в возможности общего мусульманского восстания против большевиков и попытке создать ряд независимых мусульманских государств», — отмечалось в меморандуме, подготовленном Индийским Офисом.¹

Что касается попыток Афганистана сыграть свою самостоятельную партию в региональной политике, то она ни к чему хорошему не привела. В целом, национальное и мусульманское движения Средней Азии 1920-х гг. сыграли дестабилизирующую роль для режима Амануллы. Борьба ферганцев и бухарцев против Советской власти, не поддержанная Амануллой, привела к углублению

¹ IOR: L/P&S/11/142.

противоречий между его неокрепшим режимом и консервативным оппозиционным духовенством. И справедливо, например, Халили считает, что этот «бухарский фактор» стал одной из причин, приведших, в конце концов, к поражению Амануллы.¹

¹ См.: Халидуллох-и Халили. Айер-е аз Хуросон. Амир Хабибуллох ходим-и дин-и расулуллох. Чопи дуввум, Дехли-и чаид, — 1981. — С. 96-100.

Война с басмачеством на юге Киргизии (1920-1930-е гг.) и ее региональные особенности (по материалам Ошского областного архива¹)

А.И. Пылев

Современные социально-политические процессы, экономические связи и стратегические ориентиры государств Средней Азии не могут не интересовать ученых и политиков. Понять же и дать верную оценку событиям сегодняшней социально-политической, экономической, культурной и конфессиональной жизни этих государств может помочь изучение событий относительно недавнего прошлого — в частности, процессов установления советской власти в среднеазиатском регионе (что, безусловно, стало переломным этапом в исторических судьбах среднеазиатских народов) и ее вооруженной борьбы с так называемым «басмачеством».

«Басмаческий фронт» проходил по территории трех современных среднеазиатских республик — Узбекистана, Таджикистана и Киргизстана. Так называемое «басмаческое движение» — сложное и многоплановое явление в истории Средней Азии. Оно получило весьма различные оценки в советской, западной и современной среднеазиатской исследовательской литературе. Но большинство авторов сходятся в том, что басмаческое движение в Средней Азии в региональном плане имело несколько очагов, каждый из которых имел свои особенности.² Как правило, исследователи выделяют четыре очага басмаческого движения в Средней Азии, среди которых — ферганский, бухарский, хорезмский (хивинский) и самаркандский. Южный Киргизстан занимает восточную часть Ферганской долины, и таким образом, как географически, так и по своим региональным, этническим особенностям, составу участников и основным персонажам движения, относится к ферганскому очагу басмачества. С военно-географической и геополитической точки зрения значение региона южной Киргизии всегда было велико. Регион находится на стыке границ 4-х крупных азиатских государств — Китая, Индии, Афганистана и Бухары. Город Ош, важнейший экономический, торговый и культурно-религиозный центр Ферганской долины, являлся также важнейшим центром пересечения коммуникаций. Русские

¹ Ошский областной архив политической документации. Фонд активных участников революционного движения, войны и труда.

² Подробнее об этом см., напр.: Котенев А.А. О разгроме басмаческих банд в Средней Азии// Военно-исторический журнал. — М., 1987. — № 2. — С. 59-64; Olcott M. *The Bas-machi or freemen's revolt in Turkestan. 1918-1924// Soviet studies.* —Glasgow University Press, 1981. — Vol. XXXIII, № 3. — P.352-369. Ражабов К.К. *Мустакил Туркистон фикри учун муждалалар (1917-1935 йиллар).* — Тошкент, 2000. — С. 5-28. (на узб. яз.).

ученые-географы (в частности В.Ф. Новицкий), изучавшие регион и как возможный театр военных действий, еще в конце XIX в. установили, что из г. Ош через перевалы Памиро-Алайского хребта можно было попасть в Индию и Китай. Кроме того, Ош — это своеобразный узел путей, ведущих из Семиречья в Ферганскую долину и Ташкент.¹

Обращаясь к вопросу об истоках и региональных особенностях басмачества в южной Киргизии, следует сказать, что «советизация» области происходила, в отличие от районов северной Киргизии, весьма трудно. Юг Киргизии имел несколько иную историю. Будучи изначально подданными Кокандского ханства, часть южно-киргизских племен, из которых в значительной степени состояла армия хана, оказала упорное сопротивление русским войскам, покорявшим Среднюю Азию, еще во второй половине XIX в.² Значительно большее распространение, нежели на севере, среди южно-киргизских племен получил ислам, мощный объединяющий потенциал которого стремились использовать антирусски настроенные внешние и внутрирегиональные силы. В этой связи вновь следует подчеркнуть значение г. Ош как важнейшего религиозного центра региона. Об Оше как важном духовном центре региона говорит обилие культовых сооружений, мусульманских учебных заведений (мектебов и медресе), большая часть которых была построена как раз во второй половине XIX — нач. XX в.³ В начальный период установления советской власти работа ошских большевиков осложнялась и тем, что город Ош, являясь одним из крупнейших городских поселений (его население составляло около 50 тыс. чел.), не был промышленным центром, здесь преобладали кустари, обладавшие или каким-то образом связанные с частной собственностью. Большую роль в общественной жизни города традиционно играл базар.

Ош оказался единственным крупным городом Ферганской долины, который смогли захватить в 1919 г. басмачи в союзе с так называемой «русской Крестьянской армией» под командованием полковника Монстрова. Захватив 8 сентября 1919 г. Ош, басмачи и «Крестьянская армия» сформировали т.н. «народное правительство». Наряду с административными мероприятиями (восстановление прав частной собственности на земельные участки, хлопкоочистительные предприятия и т.д.), новая власть проводит активную агитационную

¹ Захарова А.Е. Историко-архитектурное наследие города Ош (конец XIX — нач. XX вв.). — Ош, 1997. — С. 17, 21.

² Бартольд В.В. Киргизы. Исторический очерк// Бартольд В.В. Сочинения. Т.2, Ч.1. — М., 1963. — С. 529-537.

³ Захарова А.Е. Историко-архитектурное наследие города Ош (конец XIX — нач. XX вв.). — Ош, 1997. — С. 41, 136-137

работу, координируя усилия с духовенством. Духовные лица г. Ош призывают киргизское и узбекское население города к «священной войне» против большевиков.¹ Однако новая власть просуществовала недолго. Уже 28-30 сентября Красная Армия освободила гг. Ош и Джалал-Абад. Но и впоследствии, уже в течение 1920-21 гг., ввиду важного географического и стратегического положения г. Ош, басмаческие лидеры Ферганы неоднократно предпринимали попытки захватить город.²

С другой стороны, г. Ош являлся важным центром советской власти в Ферганской долине и организационным центром по борьбе с басмачеством. Масса неопубликованных материалов по басмачеству и борьбе с ним в регионе хранится в областном архиве политической документации в г. Ош. Автору удалось познакомиться с некоторыми документами Фонда «активных участников революционного движения, войны и труда в городе и области», в значительной степени затрагивающими интересующую нас тему. Среди авторов документов — участники комсомольского и партийного актива г. Ош, служащие городской милиции и ЧК, пограничной службы и т.д., все те, кто принимал самое непосредственное участие в борьбе с басмачеством. Данные материалы являются ценным источником по истории басмачества не только Ошской области, но и всего юга Киргизии. Воспоминания участников содержат важные свидетельства и о т.н. «горном басмачестве» (басмаческом движении в Алайской долине и горах Памиро-Алайского хребта, в региональном плане также относящемся к ферганскому очагу басмачества). Басмаческие лидеры Ферганы часто переносили свои базы в Алайскую долину, отделенную от советских центров Ферганы труднопроходимыми горными хребтами. Памиро-Алай имел для басмачей и иное значение: он был связан с другим важным региональным центром Средней Азии — Бухарой, а также с колониальной Индией и Кашгаром, откуда английская разведка и дипломатические представительства ряда стран нелегально оказывали басмачам помощь оружием и боеприпасами. Избрав Алай своей базой, басмачи сгоняли туда скот кочевых киргизов, свозили фураж и продовольствие.³ Но самое ценное в данных архивных материалах — это свидетельства, позволяющие получить некоторое представление о таких малоизученных, но не менее важных и актуальных аспектах проблемы, как социальная сущность басмачества, его политико-идеологическая

¹ Никишов П.П. Борьба с басмачеством на юге Киргизии. Фрунзе, 1957. — С. 63-66

² Никишов П.П. Борьба с басмачеством на юге Киргизии. Фрунзе, 1957. — С. 102.

³ Никишов П.П. Борьба с басмачеством на юге Киргизии. Фрунзе, 1957. — С. 93-94.

направленность, взаимоотношения басмачей и коренного населения, тактика действий басмаческих отрядов и др.

Так, в одном из документов сообщается, что активной движущей силой басмачества уже в поздний период (начало 1930-х гг.) стал т.н. «байманапский элемент», выступивший против мероприятий советской власти, связанных с коллективизацией, которая в конечном итоге приводила к отчуждению экономической базы традиционной киргизской аристократии. В данном случае важно то, что манапы являлись не просто представителями киргизской традиционной аристократии. По свидетельству крупнейшего исследователя по истории Средней Азии, академика В.В.Бартольда, манапами у киргизов становились «люди, выделявшиеся храбростью и мудростью... во время внешних нашествий во главе народа становились те, кто выделялся среди прочих манапов; их не выбирали, но если бы стали выбирать, то выбрали бы их».¹ Это следует иметь в виду, когда мы говорим о манапах, ставших во главе сопротивления советской власти в регионе.

Помимо манапов, в идеологическом обеспечении басмачества играло важную роль и мусульманское духовенство. По свидетельству одного из участников борьбы с басмачеством, крупный предводитель движения в южной Киргизии во второй половине 20-х годов, Джанибек-казы, неоднократно направлял послания бухарским улемам, в которых призывал их «дать ему благословение на борьбу за всех мусульман». Басмаческие лидеры, призывая народ восстать против советской власти во имя борьбы за религию, часто прибегали к помощи духовенства — мулл, улемов, ишанов (представителей «неформального» мусульманского духовенства). Так, в январе 1927 г. некий ишан Осман Джумабаев на совещании басмачей «обосновывал с точки зрения шариата закономерность борьбы против советской власти».

Интересно проследить по материалам Фонда характер взаимоотношений басмачей и коренного населения. Участники борьбы с басмачеством часто говорят в документах о «двойственном» отношении к басмачам местного населения. С одной стороны, население, заинтересованное в мирном труде, организует при посредничестве Красной армии добровольческие дружины, и с помощью таких отрядов было ликвидировано множество басмаческих формирований. С другой стороны, значительная часть населения продолжала воспринимать прежнюю традиционную киргизскую аристократию как законную власть (из числа тех же манапов и биев). К примеру, последние, являясь

¹ Бартольд В.В. Киргизы. Исторический очерк// Бартольд В.В. Сочинения. Т.2, Ч.1. — М., 1963. — С. 531-532.

предводителями басмаческих отрядов, обязывали трудовое население поставлять им лошадей, продовольствие. Известно, что местное население часто помогало отрядам Красной Армии сведениями о передвижении басмаческих отрядов. Однако нередко такую же помощь от местного населения получали и басмачи.

Особого внимания заслуживает также вопрос тактики действий басмаческих отрядов. Так, по свидетельству одного из сотрудников ЧК Ошской области, принимавшего непосредственное участие в борьбе с басмачами, среди важнейших вопросов для басмачей был вопрос об огнестрельном оружии. Его не хватало, и 25-30% басмачей состояли «кандидатами на винтовку убитого или раненого басмача». В связи с этим, оружие басмачами на поле боя никогда не оставлялось, они «старались захватить его при любых обстоятельствах». Отмечались также случаи перехода предводителей басмачей во главе своих формирований на сторону советской власти с единственной целью — получить передышку, выиграть время, и, пользуясь новым служебным положением (часто перешедшие на сторону Советов полевые командиры получали различные начальственные должности — в милиции, службе охраны, таможне), подготовиться к новому этапу борьбы с советской властью.

Встречаются среди документов и портретные характеристики самих лидеров басмачества в южной Киргизии. Так, один из авторов дает описание фотографии одного из басмаческих лидеров региона — Курширмата: «Курширмат — известный басмач, руководитель всеми басмаческими бандами на территории бывшей Ферганской области. Курширмат весьма типичен как бандит (на фотографии), с винтовкой, маузером и кривым ножом, в тюбетейке и в темных очках. В 1922 г. его банды после разгрома Красной Армией бежали в Афганистан. На следующей фотографии он снят в форме английского офицера при погонах, оружии, портупее и даже перчатках».¹

Все вышеперечисленные факты и особенности борьбы с басмачами имеют большое значение как материал для т.н. «практического востоковедения». В данной связи уместно вспомнить слова известного российского советского военного деятеля, ученого-востоковеда, профессора генерала А.Е.Снесарева (1865-1937) о том, что военное изучение той или иной страны, региона невозможно без элементов практического востоковедения.² Опыт борьбы с басмачеством

¹ Его полное имя — Шер-Мухаммед-бек. См.: Chokaev M. The Basmachi movement in Turkestan// The Asiatic review. — 1928. — Vol. XXIV. — P. 281.

² Снесарев А.Е. Афганистан. М., 2002. — С. 15,16.

теоретически обобщался и активно изучался на т.н. «Среднеазиатских курсах востоковедения», организованных при штабе Среднеазиатского военного округа Красной Армии. В частности, читался теоретический курс «Особенности ведения войны и боя в условиях малокультурного горного театра».¹

Как представляется, данные традиции не потеряли своего значения и актуальности и могли бы быть востребованы и сегодня. Подобно среднеазиатскому басмачеству 1920-1930-х гг., деятельность различных радикальных группировок в современных среднеазиатских республиках является дестабилизирующим фактором в регионе, что могут использовать в своих интересах различные внешние силы. Должное внимание к опыту прошлого и его связи с современными процессами, таким образом, важно для любого политического режима, заинтересованного в стабильном развитии региона юга Киргизстана, как, впрочем и любого другого региона Средней Азии, в котором и сегодня играют важную роль традиционные социальные отношения, клановость, межэтнические противоречия и т.д.

¹ Российский государственный военный архив (РГВА). — Фонд 25895. Управление Среднеазиатского военного округа. — Д.30, 702.

Становление и организация охраны среднеазиатских границ Российской империи в конце XIX — начале XX вв.

Л.И. Сумароков

Со второй половины XIX в. российская внешняя политика определялась стремлением сохранить позиции России как великой державы в двух направлениях: восстановлением положения в Европе после крымского поражения и неукоснительным расширением своего присутствия на Востоке.

Это время было ознаменовано вхождением в состав Российской империи новых территорий не только в Западной Сибири, на Дальнем Востоке, но и в Средней Азии, где разыгралось соперничество двух величайших империй — Российской и Британской. Главным призом в этой «большой игре» была возможность контроля над обширнейшими рынками сбыта и источниками сырья в глубинных районах евразийского континента. Памир в силу своей географической неизученности и политической неосвоенности оказался пунктом, в котором сфокусировались противоречия держав. Здесь разыгралась известная в истории «Схватка на Крыше мира» — кульминационная стадия «Большой игры». В эту «игру» в качестве объектов были вовлечены страны Ближнего Востока, Центральной и Южной Азии, Дальнего Востока.

15 октября 1901 г. в журнале «Разведчик» А.Е. Снесарев писал: «...Иная судьба ожидала Памиры в более близкое к нам время; их географическое положение в точке схождения трех великих держав Азии — России, Китая и Англии, и их соседство с Афганистаном, в связи с некоторыми историческими условиями, из которых особенное значение имеет почти столетняя борьба России и Англии за господство в Азии, обратили внимание людей на эту пустыню, которая, по выражению туземцев, является «самым высоким и самым бедным местом в мире». В настоящую пору Памиры представляют собой одну из интереснейших проблем нашего времени...».¹

¹ Снесарев А.Е. Группа офицеров Памирского отряда// Разведчик. — 1901. — № 574. — С.931. См. также: Снесарев А.Е. Памиры. Военно-географическое описание. — Ташкент, 1903; его же: Северо-Индийский театр (военно-географическое описание). Ч. I-II. — Ташкент, 1903; его же: Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе. — СПб, 1906. Вообще, данная тема уже в конце XIX — начале XX вв. стала предметом особого интереса большого ряда исследователей. См., например: Венюков М.И. Опыт военного обозрения русских границ в Азии. Вып. 1-2. — СПб, 1873-1876; его же: Туземные племена в пределах влияния России и Англии в Азии// Русская мысль. — 1885. — № 5; Грулев М.В. Соперничество России и Англии в Средней Азии. — СПб, 1909; Лагофет Д.Н.

Именно отсюда, с Памира, от пика Повало-Швейковского простиралась самая протяженная сухопутная граница Российской империи с Китаем. Отсюда же начиналась афганская граница — рубеж, за которым спустя век обоснуется главная угроза человечества XXI века — терроризм. Именно на этих участках границы Российской империи оказалась сфокусированной наиболее яркая гамма межгосударственных отношений.

Успехи России в Средней Азии к началу 60-х годов XIX в. вызывали крайнюю озабоченность в Лондоне.

После установления российского протектората над Бухарой в 1868 г. начались долгие и трудные русско-английские переговоры о границе между Бухарским ханством (сфера влияния России) и Афганистаном (сфера влияния Великобритании). Соглашение было достигнуто только в конце 1872 начале 1873 г. и оформлено в виде обмена нотами между внешнеполитическими ведомствами России и Великобритании. Границей между Бухарским ханством и Афганистаном стороны условились считать реки Амударью, Пяндж, Памир от истока в озеро Зоркуль на Памире до поста Ходжа-Салех, где Амударья резко поворачивает на северо-запад. Крайним афганским владением на левом берегу Амударьи признавался округ Андхой, далее простиралось пространство, принадлежавшее «независимым туркменским племенам». Достигнутые договоренности повсеместно нарушались. Бухарский эмир удерживал территорию на левобережье Пянджа в районе Дарваза. Афганцы, поощряемые англичанами, в 1883 г. заняли правобережье Пянджа на Памире. Одновременно британские дипломаты и военные активизировали свою деятельность в северном Кашмире.

18 марта 1885 г. под Кушкой русские войска под командованием полковника Комарова были разбиты наголову, а английские офицеры,

По Афганской границе (путевые очерки по Средней Азии)// Военный сборник. — 1904. — № 2; Аристов Н.А. Англо-Индийский «Кавказ». Столкновения Англии с афганскими пограничными племенами (этико-исторический и политический этюд). — СПб, 1900; Мартенс Ф.Ф. Россия и Англия в Средней Азии. — СПб, 1880; Семенов А.А. По границам Бухары и Афганистана. Путевые очерки 1898 г.// Исторический вестник. — 1902. — № 3-4. См. также: Искандаров Б.И. Восточная Бухара и Памир в период присоединения Средней Азии к России. — Сталинабад, 1960; Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. Вторая половина XVIII—80-е годы XIX в. — М., 1984; Колесников А.А., Харатишвили Г.С. Русские путешественники в Афганистане (XIX век). — Душанбе: Дониш, 1988; Колесников А.А. Русские военные исследователи Азии. — Душанбе: Дониш, 1997; Лужецкая Н.Л. Очерк истории Восточного Гиндукуша во второй половине XIX в. — М., 1986; Харюков Л.Н. Англо-русское соперничество в Центральной Азии и исмаилизм. — М., 1995; Hopkirk Peter. *The Great Game. On Secret Service in High Asia*. — Oxford: Oxford University Press, 1991; Fraser-Tytler W.K. *Afghanistan. A Study of Political Development in Central and Southern Asia*. — London, 1957; Warikoo K. *Central Asia and Kashmir. A study in the context of Anglo-Russian rivalry*. — New-Delhi: GIAN Publishing House, 1989; и др.

руководившие ими, бежали в русский лагерь, боясь мести афганцев за поражение. 26 марта Комаров докладывал военному министру: «Нахальство афганцев вынудило меня для поддержания чести и достоинства России атаковать 18 марта сильно укрепленные позиции их на обоих берегах реки Кушки... Английские офицеры, руководившие действиями афганцев, но не принимавшие участия в бою, просили после поражения последних, нашего покровительства, но посланный в распоряжение их конвой не мог догнать их ... Афганцы сражались храбро, энергично и упорно...»¹

Потерпев неудачу и продолжая испытывать терпение снисходительной России, Англия выслала на Памир капитана Югунсбенда с большим отрядом, который и занял Канджут и восстановил крепость Шахидулла-Хаджа, таким образом выдвинув свою пограничную линию далеко на север и нарушая этим все договоры, какие только были между нею и Россией.

Территория Памира, включенная в состав Российской империи, до 1891 г. не имела своего правления. Пользуясь тем, что Россия занималась своим утверждением в Туркмении и не обращала внимания на малонаселенные и труднодоступные горные районы, на Восточный Памир периодически совершали набеги отряды Якуб-бека и цинских феодалов из Кашгара.

Когда в Афганистане вспыхнуло восстание Исхак-хана, брата Абдурахмана, укравшегося после подавления восстания в российских владениях, Абдурахман мало-помалу начал вести враждебные действия против России, в том числе и на Памирском направлении.² Вдобавок, поступавшая информация о решимости британских властей осуществить раздел Памира между Китаем и Афганистаном принудили военное руководство России предпринять шаги для выяснения истинного положения дел на Памире и обеспечения геополитических интересов империи в этом районе.

Чтобы воспрепятствовать превращению Памира в зону английского влияния началась подготовка специальной военно-рекогносцировочной экспедиции на Памир, которая выступила в июле 1891 г. под руководством полковника М.Е. Ионова. В ходе экспедиции отряд Ионова выдворил из района озера Яшиль-куль английских

¹ Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией. 1872-1885. Издание министерства иностранных дел. — СПб., 1886. — С.215.

² См.: Галкин А. Исхак-хан и афганская смута в 1888 г.// Военный сборник. — 1889. — № 4.

офицеров¹, а также вынудил китайские пикеты покинуть пределы Памира. Тогда английская пресса написала о насильственных действиях русских в отношении англичан и китайцев, о том, что они препятствуют мирным научным исследованиям Азии. В ней же движение маленького рекогносцировочного отряда по Памиру называлось прямо «походом на Индию».

«Афганцы, подкупленные Англией, перешли наши границы и выставили далеко за пределы ее свои военные посты, насилующие кочевое население. Русское правительство было возмущено подобной бесцеремонностью Англии и Афганистана и решило раз и навсегда восстановить полный покой на восточных границах России. Решено было принять репрессивные меры».² В июне 1892 г. с 330 казаками, 1 батареей из 4 орудий, полковник Ионов вновь выступил на Памир. При появлении отряда китайские подразделения, стоявшие около озера Рангкуль, спешно ушли за Сарыкольский хребет, а в районе озера Яшилкуль русский отряд уничтожил афганские посты.

Весьма красочно описывает этот пограничный инцидент Борис Тагеев: «С обрыва было видно, как перебегали из одной юрты в другую афганцы, как на пути запоясывались они и закладывали патроны в ружья. И вот целая вереница красных мундиров во главе со своим начальником стала подниматься на яр и скоро построилась развернутым фронтом перед нами. Их лица горели негодованием и решимостью.

Капитан сделал честь полковнику Ионову, приложив руку к головному убору. Полковник ответил ему по-русски под козырек. Начались переговоры через переводчика.

— На каком основании вы выставили свой пост на нашей территории? — спросил полковник.

— Потому что земля эта наша, — возразил афганец и, скрестив на груди руки, принял вызывающую позу. — Мы владеем ею по договору с Англией с 1873 года, — прибавил он.

— Нам нет дела до ваших договоров о наших владениях, — возразил полковник, — и я, исполняя возложенные на меня обязанности, прошу вас положить оружие и уйти отсюда прочь.

¹ Рекогносцировочный отряд под начальством полковника Иопова дошел до Сархада и задержал на Большом Памире около могилы Базая (Базай-и-Гумбез) капитана королевской гвардии Югунсбенда. Англичанин написал расписку начальнику отряда, в которой давал слово офицера, что никогда более не посетит Памира, и еще неохотнее, в сопровождении казаков, направился к кашгарской пограничной линии. На Яшил-Куле был задержан второй офицер, лейтенант Дависсон, занимавшийся съемкой русской территории. Все работы английских офицеров оказались в руках полковника Иопова, а мистеру Дависсону пришлось совершить путешествие в Великобританию через всю Россию.

² Майер А.А., Тагеев Б.Л. Полуденные экспедиции. Очерки. — М.: Воениздат, 1998. — С. 171.

Капитан вспыхнул.

— Я рабом не был и не буду, — сказал он, — а если вам угодно наше оружие, то перебейте нас и возьмите его — афганцы не сдаются, — заключил он свою речь.

— Так вы не оставите этого места и не отодвинетесь за границу Афганистана? — спросил полковник. — Я вас спрашиваю в последний раз.

— Я сказал все! — ответил афганец.

Видя, что путем переговоров ничего не поделаться с афганцами и избегая кровопролития, полковник хотел неожиданно перехватить их, не дав им опомниться.

— Хватай их, братцы! — вполголоса передал он приказание казакам.

Но не тут-то было. Не успели наши сделать и шага вперед, как афганцы дали дружный залп, и двое из наших грохнулись на землю. Раздался глухой, раздирающий душу стон.

— Бей их! — крикнул полковник, и все ринулось вперед.

Полковник Ионов спокойно сидел на лошади, наблюдая за дерущимися; в пяти шагах от него стоял афганский капитан, который прехладнокровно стрелял из револьвера и вдруг, рванувшись вперед, подбежал к лошади полковника.

Блеснул огонек — и выстрел прогремел над самым ухом начальника отряда. Как-то инстинктивно полковник подался на шею лошади, и пуля прожужжала мимо. Капитана окружили казаки. Но афганец уже успел выхватить из ножен свою кривую саблю и, как тигр, бросился на них. Вот упал уже один казак под ударом кривого клинка капитанской шашки. Вот снова она, то поднимаясь, то опускаясь, наносит удары направо и налево.

В нескольких шагах стоит хорунжий Каргин и смотрит на эту картину, пули свистят вокруг него, а он стоит, как будто не действительность, а какая-то фантастическая феерия разыгрывается перед ним.

— Хорунжий, да убейте же его, наконец! — раздается роковой приговор полковника, и вот, вместо того, чтобы схватить свой револьвер или шашку, хорунжий, не отдавая себе отчета, хватает валяющуюся на земле винтовку раненого казака и прицеливается. Он даже не справляется, заряжено ли ружье, и спускает ударник. Выстрел теряется среди общей трескотни и шума, и только легкий дымок на мгновение

скрывает от глаз фигуру капитана. Как-то странно вытянулся вдруг афганец, взмахнув одной рукой, другой схватился за чалму, на которой заалело кровавое пятно, и стремглав полетел с яра...

На одного ефрейтора наскочили двое афганцев, завязалась борьба. Ефрейтор неистово ругался, желая освободиться от наседавшего на него неприятеля, но в это время подоспел казак.

— Не плошай! — кричал он издали отбивавшемуся ефрейтору, и с этими словами шашка его опустилась на окутанную чалмою голову афганца. Вот и другой уже на земле с проколотою грудью. Страшно хрипит он, издавая звуки, как бы прополаскивая себе горло собственной кровью, и, несмотря на это, силится подняться и зарядить ружье, но силы изменяют ему, кровь хлынула горлом, и он склонил свою голову.

Недалеко от места стычки, под большим камнем, доктор Добросмыслов перевязывает раненых, из которых один с совершенно перебитою голенью неистово стонет.

— Ничего, ничего, потерпи, голубчик, — успокаивает его доктор. — Уж мы тебе ножку твою вылечим. Давай корпии, — кричит он фельдшеру, который мечется с трясущеюся нижнею челюстью от одного к другому из раненых.

— Ой, больно, ваше высокоблагородие! — стонет раненый, пока доктор вынимает висящие снаружи осколки раздробленной кости.

Выстрелы все еще продолжают, потому что засевшие в юртах афганцы все еще продолжают стрелять. Наконец раздался резкий звук трубы, игравшей отбой, и пальба мало-помалу утихла. Из юрт выползли раненые афганцы.

Тяжелое зрелище представлял собою весь скат и зеленая площадка берега Аличура. Везде валялись убитые или корчились раненые; последние, силясь подняться на руки, молили о помощи.

Подошел резерв, и все сгруппировались около места, где лишь несколько минут тому назад стояли перед нами полные жизни люди и где теперь валялись одни лишь обезображенные трупы.

Тихо между солдатами, нет ни веселого говора, ни песен; у каждого на уме, что, быть может, и его постигнет такая же участь, как и этих афганцев.

— Саперы — вперед! — раздается команда. — Рой могилу.

Дружно принялись солдаты за работу, и через четверть часа яма была уже готова. Одного за другим стащили афганцев и положили в яму,

а поверх всех был положен капитан Гулям-Хайдар-хан; пуля пробила ему голову, ударив в левый висок.

— Ишь ты, тоже сражался, — сказал один из солдат.

— Известно, сражался, а то как же? — заметил другой. — Тоже, ведь офицер!

Мерно падала земля с лопаток на тела убитых, покрывая их одного за другим своим холодным слоем и поглощая навеки павших героев».¹

В связи с имевшим место пограничным конфликтом Александр III начертал на докладе военного министра: «Совершенно одобряю действия Ионова».

Таким образом, в 1892-1895 гг. в пограничных стычках с афганцами войска Памирского отряда, возглавлявшиеся последовательно полковником Ионовым, подполковником Юденичем, капитанами Скерским и Серебряковым закрепили за Россией Памир, поставив окончательную точку в завоевании Средней Азии и становлении среднеазиатского участка российской границы.

«Два хороших боевых урока побудили англичан и на Памире прибегнуть к разграничительной комиссии, которая в 1896 году и установила существующую ныне пограничную линию. Памирской разграничительной комиссией и кончается второй период, в течение которого Англия всеми способами хотела приостановить наше наступление и положить ему предел, а Россия, дипломатически оправдываясь и обороняясь, шла неудержимо вперед, применяя вооруженную силу».²

В 1895 г. путем обмена нот между Россией и Великобританией было заключено соглашение о разделе владений на Памире к востоку от озера Зоркуль до границы с Китаем. Южная граница России проводилась в основном по параллели озера Зоркуль. Британское правительство обязалось оставить полосу между этой границей и хребтом Гиндукуша (так называемый Ваханский коридор) во власти афганского эмира, не присоединяя ее к Британской Индии и не возводя здесь укреплений. Подтверждались условия соглашения 1872-1873 гг. о принадлежности правого берега Пянджа Бухарскому ханству, а левого — Афганистану. Зафиксированная в русско-английских соглашениях 1872-1873, 1885 и

¹ Майер А.А., Тагеев Б.Л. Полуденные экспедиции. Очерки. — М.: Воениздат, 1998. — С. 230-231.

² Афганские уроки: Выводы для будущего в свете идейного наследия А.Е. Снесарева. Российский военный сборник. Вып. 20. — М.: Военный университет, Русский путь, 2003. — С. 620-621.

1895 гг. линия границы Российской империи и Бухарского ханства с Афганистаном не изменялась до 1917 г.

Весной 1896 г. результаты делимитации и демаркации границы России с Афганистаном на Памире были ратифицированы в Великобритании и России.

Новые российские владения в регионе — такие административно-территориальные образования, как Семиреченская область с ее Иссык-Кульским (позднее именуемым Пржевальским) уездом и Ферганская область с ее Ошским уездом в составе Туркестанского генерал-губернаторства (с 1867 по 1886 гг., затем Туркестанского края) — уже непосредственно граничили с Синьцзяном.

«Более чем столетний опыт убеждал, что обладание киргизской степью, необходимое для спокойствия пограничных губерний и Сибири, недостижимо до полного умирения и подчинения соседних ханств, в особенности коканского, в котором выходцы из степи и недовольные всегда находили поддержку, и которое само имело притязания на господство над всю степью. Весьма медленное и периодическое, но неизменное передвижение наших границ степи на юг и восток было поэтому, как теперь общепризнано, историческим результатом требований нашего положения в Азии. Река Чу не могла служить для нас окончательной границей, как показывали не прекращавшиеся набегии за-чуйских кара-киргизов и самих коканцев в 1860 году. Разрушение Токмака и Пишпека в 1860 году повело лишь, в том же году, к нашествию значительных коканских полчищ, угрожавшему уничтожением наших едва возникавших в Заилийском крае поселений, и к возобновлению затем коканского укрепления в Пишпеке».¹

2 ноября 1860 г. между Россией и Китаем был подписан «дополнительный» к Тяньцзинскому Пекинский договор о русско-китайской границе.² Заключением договоров правительство России стремилось закрепить освоенные территории и прохождение границы, создать наиболее благоприятные условия для своих купцов и промышленников. Что было крайне важно для экономического и

¹ Аристов Н.А. Усуни и кыргызы или кара-кыргызы. Очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии. — Бишкек: Илим, 2001. — С. 500.

² В договоре об общих принципах взаимоотношений между двумя странами, подписанному в Тяньцзине 1 июня 1858 г., стороны условились немедленно исследовать неопределенные участки границы и зафиксировать итоги разграничения в специальном дополнении к Тяньцзинскому трактату, а также сделать подробные описания и карты, «которые и послужат обоим правительствам на будущее время бесспорными документами о границах». — Сборник договоров России с другими государствами. 1856-1917 гг. — М., 1952. — № 8.

политического развития этого региона. Не меньшее значение имело и усиление присутствия здесь русской армии и казачьих войск. Последние рассматривались правительством, прежде всего как созидательная сила в преобразовании края и «как охранитель государственных границ».¹

25 сентября 1864 г. уполномоченные России и Китая по разграничению подписали Чугучакский протокол, в котором были установлены важнейшие географические ориентиры русско-китайской границы — вершины гор, реки и тому подобное от Западных Саян до соединения горных систем Тянь-Шаня и Куьнлуэ, откуда начинались кокандские владения.²

На основании Чугучакского протокола 1864 г. началось составление описаний границы, карт, установка пограничных знаков по отдельным участкам. Протоколом устанавливались пограничная служба и консульские отношения. Регламентировалась торговля на казахско-киргизской части границы. Эта работа была прервана в начале 1870-х гг. в связи с событиями в пограничном с Россией Кашгаре. Здесь в 1862-1863 гг. и в 1876-1877 гг. происходили антикитайские восстания местных уйгур-мусульман, которые под руководством Якуб-бека свергли китайскую власть и провозгласили образование собственного мусульманского государства Йеттишар. Выходец из Ферганы, Якуб-бек сразу признал себя вассалом турецкого султана, в Синьцзяне появились турецкие военные советники. Вообще, эта идея «независимого Туркестана» имела самое прямое отношение к доктрине пантюркизма. С того времени контакты между мусульманами Китая и Турции через Центральную Азию постоянно подпитывали сепаратизм в Синьцзяне, из Коканда в Синьцзян шел поток проповедников и хожей. Большой вес приобрели при дворе Якуб-бека британские офицеры и дипломаты. Более того, Якуб-бек захватил несколько стратегических перевалов на Тянь-Шане и начал вести открытую борьбу за контроль над рынками Кокандского ханства.³ В этой ситуации пекинское правительство обратилось к России с просьбой о помощи, и Россия не отказала. В Кашгар (Илийский край с центром в Кульдже) были введены части регулярной армии и казаки, которые разгромили силы Якуб-бека. Правда, в целом русско-китайские отношения рубежа 70-80-х гг. XIX в. балансировали на грани войны. Несмотря на очевидную легкость занятия, а точнее сохранения за собой

¹ Российский государственный военно-исторический архив. — Ф. 1582, оп. 2, д. 110, л. 79а.

² Русско-китайские отношения. 1689-1916. — М., 1958. — № 14.

³ Князев А.А. Влияние афганского кризиса на безопасность Центральной Азии (1990-е — начало 2000-х гг.): дисс. докт. ист. наук. — Бишкек, 2004. — С. 45. См. также: Warikoo K. Ethnic religious resurgence in Xinjiang// Eurasian studies. — 1995-1996. — Winter, Vol. 2, № 4.

Кашгарской провинции, Россия вскоре передала ее Китаю согласно Петербургскому договору 1881 г. Хотя и после вывода войск Россию беспокоило положение в Кашгаре, поскольку, наряду с Памиром, этот район в 1880-х гг. был важным центром противоборства Британской и Российской империй за стратегическое доминирование в Центральной Азии. Для России во второй половине XIX в. Кашгария являлась и важной сферой экономических интересов.

Работы по подробному разграничению во исполнение Пекинского (1860) договора были продолжены, но теперь, в связи с ликвидацией Кокандского ханства, они охватывали район вплоть до Памира.

В горах Тянь-Шаня и Памира граница во многих случаях устанавливалась только по карте. Без работ на местности и постановки пограничных знаков. Кашгарский протокол от 25 ноября 1882 г. определял участок границы России с Китаем от верховьев р. Нарынкол до перевала Бедель (около 200 верст), из-за труднопроходимых горных условий обозначенных одним пограничным знаком. Не имея точных сведений о бывших кокандских владениях на Восточном Памире, российская сторона согласилась в Новомаргеланском протоколе 22 мая 1884 г. на формулировку, ограничивающую ее свободу действий на Памире. Согласно этому Протоколу, были установлены 28 пограничных знаков на месте установленной границы от перевала Бедель до пункта Иркештам, далее знаки отсутствовали.

В 1894 г. российские и китайские дипломаты обменялись нотами, согласно которым Сарыкольский хребет признавался границей «впредь до окончательного соглашения по вопросу разграничения». При этом китайская сторона подчеркнула, что не отказывается от претензий на Восточный Памир, ссылаясь на Новомаргеланский протокол 1884 г. Этот участок границы — от перевала Узбель до пика Повало-Швейковского и перевала Беик (около 285 верст) — был единственным не закрепленным международными соглашениями участком сухопутной границы Российской империи с другим государством.¹

В 1885 г. было проведено разграничение между Россией, Афганистаном и Китаем на Памире. Россия получила право содержать свои военные гарнизоны на Западном Памире (Горном Бадахшане).

После покорения Россией Кокандского и Бухарского ханств охрана границ приобретенных земель туркестанского края с 1870 г. осуществлялась в основном пехотными полками и казаками.

¹ Боярский В.И. На страже границ Отечества. История пограничной службы. Краткий очерк. — Москва: Граница, 1998. — С. 206.

В 1867 г. в Туркестанском генерал-губернаторстве была учреждена таможня как государственная структура, которая спустя год была упразднена, тем самым граница была открыта для беспошлинной торговли английскими товарами на среднеазиатском рынке. В 1881 г. исполняющий делаами Туркестанского генерал-губернатора генерал-лейтенант Колпаковский учредил «Положение о таможенном надзоре». В 1882 г. таможенный надзор в Средней Азии был сформирован из таможенных постов, в том числе в Амударьинской отделе — 3 поста, в Зерафшанском округе — 5 постов, в Сырдарьинской области — 19 постов. В 1894 г. все посты таможенного надзора организационно вошли в Закаспийский и Туркестанский таможенные округа. Одновременно в 1882-1886 гг. начался процесс организации пограничной стражи на участке бухаро-афганской границы.

В 1886 г. для охраны бухаро-афганской границы был сформирован гарнизон в Керки.

В тот период в России совершенствование охраны границы шло по нескольким направлениям. В первую очередь, совершенствовались пограничная стража, регулярные и казачьи войска, несшие службу в Средней Азии.

2 мая 1886 г. таможенная часть Туркестанского генерал-губернаторства передается в ведение Министерства финансов, в управлении Туркестанского края вводится должность чиновника особых поручений по таможенным делам, на которого возложено руководство действиями местных таможенников по взиманию сборов, а также предупреждение и пресечение контрабанды, надзор за действиями погранстражи. Однако таможенный округ в Туркестане оказался больше любого из таможенных округов европейской части России. Поэтому 12 июня 1890 г. был разделен на два округа: Туркестанский и Семипалатинский.

В сентябре 1892 г. в местечке Шаджан на Восточном Памире был сформирован первый пост.

15 октября 1893 г. Александр III подписал Указ правительствующему Сенату, по которому из состава Департамента таможенных сборов был выделен Отдельный корпус пограничной стражи (ОКПС), оставленный в составе Министерства финансов. Создание ОКПС завершило переход от таможенной стражи к войскам, что приравнивало его к военному ведомству.

Регулярные войска, главным образом, пехота и казаки продолжали охранять в Средней Азии границу Туркестанского края до 1894 г.

При проведении реорганизации погранстражи было учтено мнение генерал-лейтенанта Н.А.Усова о нецелесообразности установления пограничного надзора по всей линии границы от Красноводска до Памира на 3000 верстах, что потребовало бы больших средств на содержание стражи. Он считал, что товар из-за границы направляется в Бухару по старой Пешеварско-Кабульской дороге, ввиду отсутствия пограничного надзора. Для пограничного надзора Усов предложил в составе Закаспийского таможенного округа учредить 5 дистанций из 30 постов, в Туркестанском округе — 4 дистанции из 26 постов, с общим штатами: старших постов — 55, их помощников — 110, джигитов — 546.

В 1894 г. Государственный совет, рассмотрев представление Минфина от 13 апреля 1894 г. об обустройстве пограничного надзора в Средней Азии, решил учредить его в Закаспийской области и на правом берегу рек Пяндж и Амударья.

6 июня 1894 г. Николай II утвердил это решение, подписав закон «Об обустройстве пограничного надзора в Средней Азии». 9 декабря 1896 г. Николай II утвердил мнение Госсовета о преобразовании в течение трех лет, начиная с 1897 г., пограничного надзора в Средней Азии в две бригады. В этом же году была сформирована 31-я Амударьинская пограничная бригада со штатом 915 человек.

Штаб бригады располагался в Патта-Гиссаре (Новый Термез), на расстоянии 1,2 км от берега Аму-Дарьи. На участке в 11 гектаров, отведенном эмиром бухарским Саидом Абдулахадом под строительство штаба бригады, раскинулся целый военный городок. В нем был разбит большой парк, среди плодовых и декоративных деревьев высаживали павлины, в искусственном пруде плавали лебеди. Здесь же была выстроена первая на участке Амударьинской бригады церковь. 30 офицерских домиков, бригадный лазарет, офицерское собрание, баня, а также большие казармы в двух километрах, отличались оригинальностью архитектуры. Все это было построено под руководством первого командира бригады полковника М.М. Костевича в течение четырех лет.

Существовавшие до этого дистанции, протяженностью от 150 до 400 верст, были реорганизованы в отделы.

Амударьинская бригада делилась на четыре отдела: штаб 1-го отдела располагался в Чарджуе, 2-го — в Патта-Гиссаре, 3-го отдела — в Сарае (нынешнее месторасположение Пянджского пограничного отряда), 4-го — в Йоле). В них имелся 51 пост, в том числе — 15 обер-

офицерских. Каждый обер-офицер командовал 3-4 унтер-офицерскими постами. Посты, находящиеся под командованием, составляли отряд. 3-4 отряда под командованием штаб-офицера составляли отдел. Посты располагались на расстоянии 10-15 км друг от друга. В 1900 г. в Калай-Хумбе пост был снят ввиду труднодоступности района для подвоза продовольствия, фуража и вещевого имущества. При бригадах, как и прежде, до 1910 г. несли службу джигиты из местного населения.

Бухаро-афганская граница проходила по песчаной пустыне, большим высотам Садар-Джагры к Тахта-Базару, на реке было много островов, где контрабандисты легко скрывали товары, а затем переправляли на российскую территорию. Посты пограничной стражи располагались в тех местах, где наиболее вероятны были акции совершения контрабандных сделок — около пристаней, на мелководье, на пересечениях главных дорог. Частично посты были снабжены шлюпками.¹ Большую работу по закладке постов проводили инженеры, которые с учетом рельефа местности, умело и рационально возводили фортификационные сооружения. В зависимости от места расположения постов сооружения воздвигались из сырцового кирпича или из камня, без деревянного пола. Дерево завозилось из Сибири, поэтому стоило дорого.

Пограничная дорога, проложенная русскими инженерами от Термеза до Шагона, а затем и до Калай-Хумба, представляла собой цепь труднопроходимых препятствий. В камышовых зарослях вдоль берега Пянджа пограничников подстерегали дикие животные — бенгальские тигры, барсы, камышовые рысы, кабаны. Опасность представляли змеи, скорпионы, фаланги, каракурты. Вследствие этого, в целях безопасности на участках Сарайского и Йольского отделов, создавались охотничьи команды по отстрелу хищников.

Служба и бытовые условия жизни пограничников Амударьинской бригады были крайне тяжелыми. Ощущалась оторванность от внешнего мира, отсутствие культурных учреждений, отчужденность коренного населения, эпидемиологическая обстановка. В летнее время удельный вес больных малярией доходил до 50%. Самыми благоприятными считались посты Йольского отдела. Сюда стремились попасть служить большинство офицеров и нижних чинов.

Как свидетельствует статистика, пограничники Амударьинской бригады проявляли образцы служебного рвения. В 1907 г. в

¹ Боярский В.И. На страже границ Отечества. История пограничной службы. Краткий очерк. — Москва: Граница, 1998. — С. 124-125.

Туркестанском таможенном округе было задержано контрабанды на 12,5 тысяч рублей, тогда как в Батумском — на 2,4 тысяч, Бакинском — на 6,4 тысячи.

Высочайшим императорским приказом от 7 мая 1899 г. в числе других пограничных округов был создан 7-й пограничный округ со штабом в г. Ташкенте, в состав которого вошли Закаспийская и Амударьинская пограничные бригады, первым начальником округа стал генерал-майор А. Куницкий. В состав 7-го пограничного округа вошла вся территория тогдашнего Туркестанского края, включая и участки границы Китая с территорией современного Киргизстана. В Закаспийской области и на правом берегу рек Пяндж и Амударья (бухаро-афганская граница) на смену войскового прикрытия границы пришел пограничный надзор Закаспийской со штатом 1390 солдат, подчиненная начальнику Закаспийского таможенного округа, и Амударьинской бригад ОКПС со штатом 915 солдат, подчиненная начальнику Туркестанского таможенного округа. Несмотря на принятые меры, бригады испытывали большие трудности, прежде всего из-за недостатка личного состава. В ходе организации службы помогали армейские части.

В последующие годы принимались меры по усилению среднеазиатской границы. В 1899 г. в штаты бригад были добавлены ряд офицерских должностей, а также должности нижних чинов. С января 1896 г. ежегодно ассигнуется 4130 рублей для выдачи пособий джигитам (до 70 рублей) и возмещение расходов на содержание лошадей и 4500 рублей — на выдачу наград «за усердную и полезную службу». На бухаро-афганском участке границы (766 верст) трудности в охране границы объяснялись не только малочисленностью постов по отношению к протяженности границы, но и отсутствием надежных плавсредств. В 1913 г. охрану границы с Афганистаном усилили за счет перераспределения сил ОКПС. Был упразднен Репидский отряд 22-й Измайловской бригады и сформирован новый, Богоракский отряд Амударьинской бригады.¹

Главной обязанностью ОКПС являлось «отвращение тайного провоза товаров по сухопутной и морским границам европейской части России и Закавказья, по границам Великого княжества Финляндского и Закаспийской области, на правом берегу рек Пяндж и Аму-Дарьи».²

¹ Центральный музей пограничных войск, научный фонд (далее — ЦМПВ, НФ). — Д. 444.

² Плеханов А.М. Отдельный корпус пограничной стражи. Краткий исторический очерк. — Москва: Граница, 1993 г. — С. 31.

Из Афганистана переправлялись не только контрабандисты, но и разбойничьи шайки, которые занимались грабежом местного населения, захватом заложников, уводили скот, оказывавших сопротивление убивали. Пограничники, своевременно оповещенные об этих акциях, решительно пресекали эти действия.

На корпус также был возложен карантинный надзор на границе, надзор в политическом и полицейском отношениях в интересах МВД.

Таким образом, в первую очередь, среди задач, стоявших перед ОКПС, выступала борьба с контрабандой. Причем ранее и даже после создания корпуса, лица, задержанные в пограничной полосе, направлялись не в полицейский участок, а в таможенные учреждения, что свидетельствовало о превалировании экономических интересов над политическими. Появилась и новая задача — охрана пограничной черты, то есть границы, о чем в прежних документах даже не упоминалось. Данная задача по важности была поставлена на третье место, но через несколько лет она выдвинется в службе пограничников чуть ли не на первый план. В то же время, пограничникам не возбранялось пересечение границы при преследовании бандитских группировок, вооруженных контрабандистов «в случае крайней к тому необходимости».¹

С учетом специфических условий охраны границы, пограничникам, служившим в Средней Азии разрешалось даже за пределами 7-верстной от границы черты применять холодное и огнестрельное оружие в случаях, когда они подвергались нападению или встречали сопротивление со стороны вооруженных контрабандистов или других злоумышленников, и даже в тех случаях, когда контрабандисты или иные лица не были вооружены, но с их стороны обнаруживалось «хотя бы одно намерение причинить чинам стражи побои или иные насилия». Запрещались лишь стрельба в горах и селениях «во избежание несчастных случаев».²

На участке Амударьинской бригады для облегчения торговых связей с Афганистаном был установлен особый режим. Купцов через посты пограничной стражи пропускали помимо таможенных учреждений, однако при соблюдении условия: никто не пропускается в Афганистан и обратно без паспортных видов или записок, заверенных чинами русской администрации.

Охрану границы подразделения ОКПС осуществляли посредством несения сторожевой и разведывательной службы. Сторожевая

¹ ЦМПВ, НФ. — Д. 727. — Л. 178.

² Пособие командирам отрядов, вахмистрам и старшим постов Отдельного корпуса пограничной стражи для ведения на кордонах занятий нижними чинами. — Спб., 1906. — С. 177.

служба возлагалась на отряды и осуществлялась круглосуточно. Участок отряда назывался дистанцией. Глубина дистанции отряда составляла 7 верст на Европейской границе и до 21 версты на Азиатской границе. Среднесуточная нагрузка на человека по несению службы составляла 9 часов. Продолжительность единовременного несения службы в наряде не превышала 6 часов. Несмотря на высокую продолжительность службы нарядов, плотность охраны в Амударьинской бригаде составляла — 0,7, в Закаспийской — 0,6.

Проверку несения службы осуществляют разъезды. Более того, усиление контрабандного промысла и низкая эффективность действий по пресечению контрабанды заставили структуры пограничной охраны создать собственную разведывательную службу. Разведывательная служба организовывалась начальниками округов и велась в пограничной зоне в тесном контакте с представителями отдельного корпуса жандармов. Руководил разведкой командир бригады, а непосредственно ее вели командиры отделов, отрядов, старшие вахмистры и помощники начальников постов. Разведывательной службой должны были заниматься все командиры и начальствующие лица ОКПС. Основной упор в разведывательной службе делался на агентурную сеть.

Циркулярами отмечалось, что «безуспешность действий чинов в преследовании контрабанды объясняется между прочим неумением отличать правильные доносы от доносов, сделанных для отвода глаз... На приобретение хороших благонадежных доносителей труды и даже денежные средства никогда не пропадут даром и при достаточной энергии всегда вознаграждаются с избытком».¹

Для материального стимулирования агентов правительство выделяло немалые денежные средства. Задачами разведывательной службы являлось дать сведения: о значении местности в контрабандном отношении; о направлении движения и характере контрабанды; о лицах, занимающихся контрабандным промыслом. На ведение агентурной работы в ОКПС правительство выделяло немалые средства. Так, расходы в 1912 г. в 7-м округе составили 223 руб. 91 копейка. В то же время, к охране границы еще не привлекается достаточно широко местное население, которому, в силу пребывания в составе империи, пока высказывается определенное недоверие: «Хотя вольнонаемные джигиты неоднократно признавались весьма полезными и даже необходимыми, тем не менее,

¹ ЦМПВ, НФ. — Д. 474. — Л. 7.

предоставление им самостоятельности не должно допускаться, так как легко могут последовать серьезные недоразумения».¹⁴⁹

Характер товаров, доставляемых в Россию, зависел от участка границы. В Средней Азии завозились преимущественно наркотики. По происхождению эти наркотики были различны: задерживался опиум китайского, индийского, афганского и, особенно, персидского происхождения.¹ Здесь же чаще происходили нарушения границы, причем нередко с применением оружия.

Те не менее даже к первой мировой войне этот участок был по-прежнему слабо защищен в войсковом отношении.

В 1912 г. командир ОКПС генерал от инфантерии Николай Аполлонович Пыхачев (занимал пост в период 1908—1917 гг.) проинспектировал части 7-го пограничного округа, в ходе которого проверил состояние пограничного надзора, удовлетворение религиозных потребностей пограничников, делопроизводство, строевое и стрелковое дело, денежные отчеты. Инспекцией был сделан вывод: «Охрана границы во всем округе отличается до сего времени крайней слабостью и вся деятельность постов проходит главным образом в самообслуживании. Руководства со стороны начальников делом охраны границы на местах нет».²

С 1883 г. на «Посту Памирском» (ныне Мургаб) располагался штаб Памирского пограничного отряда, позднее перенесенный в Хорог, который охранял и южные границы Киргизии. Памирский отряд имел целью, как отмечалось в документах: «охранение наших киргизских кочевников и вообще наших интересов в Памирском крае и обеспечение спокойствия и безопасности юго-восточных пределов Ферганской области».³

Кстати, здесь в 1916 г. на высоте 2600 метров над уровнем моря завершилось строительство русской православной церкви, длившееся пять лет. Освящение храма совпало с 25-летием создания Памирского погранотряда, что подчеркивало важность этого бастиона духа для воинов-порубежников на одном из самых сложных участков российской границы.

¹ Пособие командирам отрядов, вахмистрам и старшим постов Отдельного корпуса пограничной стражи для ведения на кордонах занятий нижними чинами. — Спб., 1906. — С. 134.

² См.: Князев А.А. К истории и современному состоянию производства наркотиков в Афганистане и их распространения в Центральной Азии. — Бишкек: Илим, 2003. — С. 9.

³ Плеханов А.М. Отдельный корпус пограничной стражи. Краткий исторический очерк. — Москва: Граница, 1993 г. С.118.

В состав Памирского отряда входили: батальон пехоты, 3 казацки сотни и 4 орудия. Казаки составляли ядро подобных частей. Они размещались по постам на значительной территории, население которой фактически находилось в ведении начальника отряда, пользующегося правами начальника уезда и подчиненного по исполнению своих административных обязанностей военному губернатору Ферганской области. Осенью 1895 г. в Рушане, в кишлаке Калаи-Вамар, в Шугнани, в кишлаке Хорог, а весной 1896 г., в кишлаке Зунг были организованы русские пограничные посты.

На территории соседней Киргизии в Суфи-Кургани, Ак-Босого, Сары-Таше и Бордобо имелись маленькие пограничные пикеты, главной задачей которых было поддержание связи с Хорогом. С этой целью на каждом пикете круглосуточно дежурил один казак с поседланным конем для передачи почты эстафетой.

После Ионовы русскими войсками на Памире последовательно командовали капитаны Зайцов, Скерский, Сулоцкий, Эгерт, Кивекс, Снесарев (с июля 1902 г. по июль 1903 г.).

Снесарев так описывал службу пограничников: «Деятельность чинов Памирского отряда по своему разнообразию и оригинальности является в такой мере интересной, что тяготы и лишения, неизбежные при суровой и бедной природе Памиров, в значительной степени облегчаются приподнятым настроением работников и сознанием плодотворности результатов трудов».¹

О характере деятельности Памирского отряда, об отношениях коренного населения с пограничниками позволяют судить письма Снесарева сестре: «Два дня назад возвратился... и застал значительное смятение: бухарцы в мое отсутствие начали грабить народ... Написал резкое письмо беку, выругал бухарского чиновника... Жду ответа от бека, народ успокоился... Словом, неделя или более выпала тревожная; особенно боялся, что придется по своему решению переходить границу с военными целями; страшно было не идти против 300 англичан (как я думал) с 50 человек своих, а начинать это дело по своему почину, без разрешения. ... кроме своих людей (до 300), у меня будет свыше 2 тыс. кара-киргизов и до 15 тысяч таджиков, хотя подвластных Бухаре, но весьма зависящих от меня. Кроме того, граница Памира теперь крайне тревожна: наступают из Индии мои друзья-англичане... Среди волнений и невроза моим утешением является отношение ко мне

¹ Ярков А.П. Казаки в Киргизстане. — Бишкек: КРСУ, 2002. — С. 40.

² Снесарев А.Е. Группа офицеров Памирского отряда// Разведчик. — 1901. — № 574. — С. 931.

народа... Я чувствую, что если я вылечу отсюда, то именно за этот забитый, несчастный народ, за который я уже грызся с беком, ругал его чиновников и за который я буду стоять, чего бы это мне ни стоило».¹

Командир Шанджского поста штабс-капитан Кузнецов докладывал о несении службы в 1892-1893 гг.: «Дабы, с одной стороны, быть готовыми каждую минуту выполнить назначение отряда, а с другой стороны, по возможности развлекаться и не скучать, с чинами отряда велись все те строевые занятия, которые предписано вести как в мирной обстановке, так равно и при военной. К числу последних, так сказать, вызванных обстановкой, нужно отнести: разведывательную и охранительную службу, дневные и ночные тревоги и маневрирования. В первое время, когда чины отряда еще не освоились с климатическими условиями Памира, приходилось давать весьма частые отдыхи, чтобы не утомить людей, и, несмотря на это, были довольно часто приступы горной болезни, а ночные тревоги способствовали развитию заболеваний дыхательных путей, главным образом, воспалению гортани... Попав в новый для них суровый климат, солдаты и офицеры сумели быстро приспособиться к этим условиям и с успехом выполняли поставленную задачу. А против тоски по Родине устраивались во дворе игры в мяч, городки, крокет, и.п., пение, танцы и игры на гармошках, а во время больших праздников — спектакли».²

Шведский путешественник Свен Гедин, побывавший на Памире в 1894 г. оставил описание Памирского поста: «На путешественника-иностранца Памирский пост производит самое отрадное впечатление. После долгого утомительного пути по необитаемым, диким горным областям попадаешь вдруг на этот маленький клочок великой России, где кружок милейших и гостеприимнейших офицеров принимает вас как земляка, как старого знакомого. В общем Памирский пост живо напоминает военное судно. Все люди отличались образцовой молодецкой выправкой, долгая холодная Памирская зима, которую гарнизон проводит в этой пустыне, почти в таких же условиях, как и полярные мореплаватели в замерзших во льду судах, нисколько не отражались на них — ни следа вялости, апатии, равнодушия».

Благодаря непосредственному участнику многих из описываемых событий Борису Тагееву, до нас дошло описание процесса строительства и укрепления Памирского поста: «Работа кипела

¹ Гаврилюк А.А., Ярошенко В.А. Памир: Фотолбом. — М.: Планета, 1987. — С.101-102. Письма цитируются по архиву Е.А. Снесаревой — дочери А.Е. Снесарева.

² Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. — СПб: Генеральный штаб, 1893.

дружно, и сердце радовалось при виде этих сотен людей, сооружающих на «крыше мира» уголок, в котором придется им провести суровую зиму и откуда русский флаг, как доказательство могущества России, будет виден всему свету. Из дня в день кипела работа, и укрепление незаметно вырастало. К 25 августа фасы были готовы, ров очищен, устроены барбеты для пулеметов. По типу своему укрепление это представляло редут усиленной полевой профили, почти квадратной формы, с барбетами в двух передних углах для пулеметов и орудий. Впоследствии вместо улиток военным инженером Серебренниковым с помощью только небольшого гарнизона Памирского поста были сооружены полууглубленные землянки, каждая на полуроту, удобно приспособленные для помещения нижних чинов гарнизона и сложенные из сырцового кирпича с достаточным количеством света. Над землею они возвышаются немного менее двух аршин и благодаря великолепно устроенным печам и крыше вполне защищают живущих в них от холода и сырости, о чем вполне свидетельствует хорошее состояние здоровья чинов памирского гарнизона.

Лазарет и кухня находятся в двух отдельных зданиях, поставленных над землею также из сырцового кирпича. Кроме этих зданий там же поставлен флигель (над землею), служащий жилищем для офицеров, имеющих в нем каждый по отдельной комнате, за исключением начальника отряда, которому отведено их две. Офицерская столовая, заменяющая собрание, дополняла комфорт памирского жилища. Склад вещей, пороховой погреб и метеорологическая будка находятся также в укреплении, а вне его построена только баня. Все здания и само укрепление капитально выстроены, как я уже сказал выше, по проекту и под руководством военного инженера Серебренникова, имя которого останется памятным в истории присоединения Памира; он при невероятно тяжелых условиях построил первое русское укрепление на «крыше мира», которое явилось на Памире истинным чудом. Шведский путешественник Свен-Гедин, долго работавший на Памире, неоднократно посещал наше укрепление и следующим образом отзывался о нем в своих корреспонденциях в «Туркестанских ведомостях». «Крепость, — говорит он, — выстроена удивительно хорошо и практично и делает честь офицерам, которым принадлежит инициатива в этом деле. Я уверен, что пришлось преодолеть громадные затруднения, чтобы достичь до этого великолепного конца, который свидетельствует, что значит энергия и предприимчивость...»

Начальник инженеров Туркестанского военного округа генерал-майор Клименко в августе 1894 г. осматривал постройки памирского

укрепления и нашел, что «все выполненные войсками работы по возведению укрепленного поста, с зимними бараками и землянками, вполне удовлетворительны и заслуживают величайшей похвалы, особенно за выполнение таких работ в самый короткий срок, с 23 июля по 31 октября 1893 года,¹ при весьма ограниченном числе рабочих рук». В настоящее время около укрепления раскинулся небольшой базарчик, где продаются привезенные из Ферганы необходимые жизненные продукты. Здесь же в небольшой чайхане собирались местные киргизы и постовые джигиты поделиться новостями и, затягиваясь крепким кальяном, попить горячий кок-чай, и солдатики частенько заходили к гостеприимному мама-джану, хозяину чайханы, у которого к их услугам имелось все в запасе: и гвозди для сапог, и туземный сахар-леденец и сушеные фрукты к чаю».²

Генерал-майор М.Дж. Герард, руководивший в 1895 г. Британской частью Пограничной Комиссии, проходя по Памиру убедился, что русские укрепились в этом регионе вполне основательно. На Мургабском Памирском посту члены русской делегации и генерал Герард застали отряд, состоявший из 80 пехотинцев, 12 казаков (с двумя пулеметами) и 14 музыкантов. Основная часть этого отряда в дальнейшем сопровождала британского комиссара до Оша, причем русские солдаты, и особенно казаки, вызывали у него нескрываемое восхищение: «Жизнерадостность и незаменимость казаков в течение всего перехода были вне всяких похвал. Когда мы выступали по утрам, вахмистр затягивал какую-нибудь песню, которую весь отряд подхватывал хором, и хотя пение, возможно, и не обладало самым высшим качеством, но среди этой пустынной глуши оно имело какое-то необычное, сверхъестественное очарование, которое было весьма привлекательным. Стоило лишь спешиться, снять плащ или начать охотиться на каком-нибудь близлежащем озере, как кто-то из них всегда, без какого-либо призыва, оказывался рядом с вами для того, чтобы поддержать вашего коня, принести шубу или ружье и вообще помочь; а каждой ночью вне зависимости от того, насколько жестокой была метель, они все выстраивались с непокрытыми головами перед своими юртами и пели вечернюю молитву. Их рационом, не считая хлеба и чая, был главным образом суп — великолепный наваристый горячий борщ, которым мы часто угощались сами, а они могли доливать его себе «a discretion». Немногие наказания, которые применялись на марше, обычно за упущения в уходе за лошадьми или в выправке,

¹ Военный инженер капитан Серебrenников производил постройки на Памире в конце 1892 года и в 1893 и в 1894 гг.

² Майер А.А., Тагеев Б.Л. Полуденные экспедиции. Очерки. — М.: Воениздат, 1998. — С. 282-283.

были в какой-то мере комичными. Казак в полной походной выкладке, с седлом, привязанным на спине, должен был стоять с саблей наголо в течение часа или более перед палаткой своего капитана».¹

Генерал-майор Герард отметил, что в те немногие годы, которые прошли со времени присоединения Памира к России, русские военные и строители значительно усовершенствовали существовавшие ранее караванные тропы и построили новые дороги в этой суровой горной стране, в частности, созданный под руководством полковника Б.Л. Громбчевского² в 1893 г. исключительно трудный участок дороги, обеспечивающий спуск с перевала Талдык посредством 34 серпантинов. Его также поразили вопросы организации управления российскими среднеазиатскими областями и отношения русских властей к местному населению. Власти, по сути дела, совершенно не вмешивались в традиционный образ жизни местного населения. Единственными ограничениями, наложенными русскими, были запрещение ношения оружия и вынесения приговора о смертной казни жителями среднеазиатских владений Российской империи. Истинное восхищение британского генерала вызвало великолепное состояние личного состава российских войск.

В противовес Памирскому посту Афганистан выставил гарнизон, включающий около 500 всадников и 500 пехотинцев; деньги на содержание этих войск по требованию эмира Афганистана были выделены англичанами.

В 1898 г. царское правительство утвердило временный пост в Ташкургане Сарыкольском, а в 1901 г. этот пост с согласия китайской стороны был сделан постоянным.³ В одном из кашгарских писем прикомандированный к Генеральному консульству России в Кашгарии в качестве военного наблюдателя выпускник Академии Генерального штаба штабс-капитан Л.Г. Корнилов писал: «Хуже всего, если пост в Ташкургане уберут; это будет позорное отступление».⁴

Начиная от Восточного Памира, российско-китайская граница практически на всем своем протяжении, в этот период времени охраняется

¹ Постников А.В. Схватка на «Крыше мира. — М.: Памятники исторической мысли, 2001. — С. 324-325.

² См.: Громбчевский Б.Л. Наши интересы на Памире (доклад подполковника Б.Л. Громбчевского, читанный в Николаевской Академии Генерального штаба 14 марта 1891). — СПб, 1891.

³ Постников А.В. Схватка на «Крыше мира. — М.: Памятники исторической мысли, 2001. — С. 331.

⁴ Цит. по: Белоголовый Б. Кашгарские письма Лавра Корнилова// Московский журнал. — 1995. — № 11. — С. 5. О деятельности Л.Г. Корнилова в Афганистане и Восточном Туркестане см.: Басханов М.К. Генерал Лавр Корнилов. — London: Skiff Press, 2000.

не войсками ОКПС, а казачьими войсками, а кое-где армейскими подразделениями. Например, в Караколе была дислоцирована рота. В докладной записке Николаю II главноуправляющего землеустройством и земледелием князя Б.А. Васильчикова отмечалось, что «безлюдье» в восточных районах представляет опасность для русского государства: «Китай не дремлет и предпринимает целый ряд шагов для быстрого заселения пограничных с Россией пространств. Нельзя дремать и нам».¹ Император напротив этих слов написал: «Вполне согласен». Снесарев в свою очередь писал: «Надо смирять Китай не языком дипломатов. А планомерной экономической системой, неустанной работой по укреплению и заселению окраины».²

Семиреченское войско стало искусственным барьером между китайскими землями и кочевниками Средней Азии, в неспокойном мире которой царской власти нужна была постоянная опора для стабилизации положения и охраны внешних рубежей. Крестьян для переселения в столь далекий край было трудно организовать из-за отсутствия железных дорог. Выход виделся в казачьей колонизации, основой которой должны были стать сибирцы, уже бывшие в этих краях, знающие язык и традиции коренного населения. Планы заселения казаками предусматривались и для территории Киргизии — в 1860 г. предполагалось поселить в Пишпекке 50 семей, в Токмаке — 25, а линию казачьих поселений продлить до Иссык-Куля и Нарынского края.³

В конце XIX в. казачество представляло собой хорошо отлаженный организм, которым умело управляло царское правительство. Его мероприятия были направлены на то, чтобы ввести большее единообразие в казачьи войска и регулярные армейские части, продолжить стирание межсословных различий казачьего и остального населения страны.

Характерной особенностью казачьих войск в эти годы было продолжающееся реформирование, обусловленное спецификой каждого войска, новым вооружением, менявшейся тактикой борьбы и другими причинами. Решаемые войсками задачи налагали отпечаток на их организационные структуры, порядок комплектования, прохождения службы. На их деятельность оказывали влияние также административное

¹ Островский И.В. Столыпин П.А. и его время. — Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1992. — С. 92-93.

² Афганские уроки: Выводы для будущего в свете идейного наследия А.Е. Снесарева. Российский военный сборник. Вып. 20. — М.: Военный университет, Русский путь, 2003. — С. 109.

³ Ярков А.П. Казаки в Киргизстане. — Бишкек: КРСУ, 2002. — С. 25.

устройство регионов, правительственная политика в данном районе. Положение в сопредельных государствах.

Как и прежде, порядок прохождения службы казаков определялся не только Законом о прохождении службы, но и императорскими указами, решениями Военного совета, специальными положениями, утвержденными императором. Они были направлены на четкое определение прав и обязанностей казаков.

К 1893 г. были утверждены новые положения о Семиреченском казачьем войске. В 1910 г., в связи с упразднением Главного управления казачьих войск, руководство казачьими войсками перешло в Главный штаб. Численность Семиреченской казачьей войсковой части в начале XIX века составляла 26 тыс. человек.

Военное и гражданское управление, несение службы войск было организовано на основаниях, общих для всех казачьих войск, но с учетом особенностей каждого из них. Семиреченское войско подчинялось туркестанскому генерал-губернатору как командующему войсками туркестанского военного округа. Непосредственное командование было вверено наказному атаману, звание которого было присвоено военному губернатору и командующему войсками Семиреченской области. В станицах казаки возглавлялись станичными атаманами, подчиненными наказному атаману.

Ежегодно в смете Военного министерства по Главному управлению казачьих войск были предусмотрены дополнительные средства для нужд казачьих войск. Как правило, они имели целевое назначение.

На территории Киргизии казачьи поселения появились к концу XIX в. Очевидец событий 1875-76 гг. на Памиро-Алае рассказывал, что «народ повсеместно ликует, узнав о присоединении к России. По дороге жители кишлаков встречали российские войска радостно, везде достархан. Командование казачьих подразделений, шедших в авангарде российских войск к намеченным новым границам, было кровно заинтересовано в хороших отношениях с местными жителями».¹ Казаки несли сторожевую службу на границе в пределах казачьих войск наряду с таможенной стражей. Главной задачей казачьих формирований была защита территории и населения приграничных районов от вторжений бандитских групп из-за рубежа. Казачьи полки выставлялись из расчета один на 150 верст. Каждый полк из числа своих 10 сотен пять выставлял непосредственно на охрану границы.

¹ Ярков А.П. Казаки в Киргизстане. — Бишкек: КРСУ, 2002. — С. 23.

В становлении новых российских границ участвовали и киргизские добровольцы, заинтересованные в стабильном положении в крае, северные киргизские джигиты под командованием Шабдана Джантаева участвовали и в присоединении к российским владениям Южной Киргизии.

Весной 1876 г. более 600 кибиток киргизских кибиток обосновались вблизи казачьего крепостного укрепления Гульча. В 1885 г. на правом берегу реки Кызыл-Суу возводится пограничное укрепление Иркештам, в котором, сменяясь, всегда находился взвод казаков. Это был обширный прямоугольник, обнесенный высокой стеной с бойницами и редутом в виде широкой башни, где располагались и казармы для казаков. Иркештам запирал ущелье, прикрывая расположенный ниже таможенный пост № 399, который успешно боролся с контрабандой. Казаки располагались также походными лагерями. В 1881-1882 гг. в Гульче, а в Иркештаме — в 1889-1917 гг. казаки вели метеорологические наблюдения.

Областное начальство пыталось на примере выселка Занарынского (Куланак), расположенного в глубине Тянь-Шаня, в 400 км от Пишпека, распространять специфический опыт казачьих поселений. Это стратегически важное поселение перекрывало дорогу контрабандистам и заодно обеспечивало безопасность кочующим скотоводам. Казаки (здесь проживало около 100 семей) были надежны, выносливы, хорошо знали местные горы, язык и традиции киргизов. В то же время, отличаясь особой добросовестностью по несению пограничной службы, казаки порой упускали из виду свое хозяйство. Посетивший казачьи поселения наказной атаман М.А. Фольбаум был недоволен тем, что: «сельское хозяйство казаков, несмотря на все благоприятные условия для его процветания, повсюду в области на низком сравнительном уровне».¹

В Семиреченском войске существовал территориальный принцип формирования и пополнения казачьих частей: по признаку совместной службы родственников или близких соседей и станичников, что создавало товарищескую спайку в мирное и военное время и уверенность во взаимопомощи, а также служило контролем на местах по принципу семей патриархальности.

Свои задачи казачьи войска решали во взаимодействии с министерствами финансов, внутренних дел, военным ведомством и другими государственными структурами. Наиболее тесным было

¹ Ярков А.П. Казаки в Киргизстане. — Бишкек: КРСУ, 2002. — С. 30.

сотрудничество с гарнизонами пограничных и армейских частей, расположенными вдоль границы. Казачьи войска активно привлекались для исполнения обязанностей карантинной стражи, преследования вооруженных нарушителей и противодействовали прорыву банд.

Несмотря на оговорки и уточнения, которыми сопровождалась служебные инструкции различных ведомств, стремящихся отстоять свои интересы, во многих документах прямо подчеркивалось, что в 7-верстной пограничной полосе «право распоряжаться всеми действиями принадлежит пограничной страже».

Помимо централизованного войскового наряда на службу назначался наряд приказами по округам и станицам. На службу были «задействованы» все казаки вплоть до ополченцев. При этом значительная часть казаков несла службу вне войска в строевых частях, вдали от своих станиц. На границе, по наезженной тропе, через определенные промежутки времени, сменяя друг друга, проезжали конные казачьи разъезды. А в сумерках, в туман в особо опасных местах устраивали засады (2-3 казака).

Многое в борьбе с контрабандистами зависело от смекалки и находчивости казаков. И он преуспели в этом важном деле, прекрасно ориентируясь на местности, отлично владея оружием, зная повадки и ухищрения нарушителей. Хорошим подспорьем в охране границы было высокогорье.

Наиболее действенными мерами против них были упреждающие действия казаков и хорошо поставленная разведывательная служба. Посылка разведывательных разъездов дала «возможность меньше отвлекать казаков от полевых работ и не вводить казну в излишние расходы». Каждый казачий разъезд представлял рапорт, отчет, а иногда и дневник о проведении разведки. Добротные сведения позволяли более рационально распорядиться имевшимися силами и средствами.

Режим границы в это время был достаточно либеральным, подданным России и Китая не было необходимости иметь какие-либо документы для прохода через кордоны и посты пограничной охраны. Долгое время отношения казаков с коренными жителями были прекрасными. Они строились на взаимовыгодном сотрудничестве. В то же время, со времени первого использования казаков в подавлении антиправительственных выступлений — сразу же после присоединения Киргизии к России, станичники не переставали выполнять и внутренние охранительные, а то и просто полицейские функции. Государство использовало казаков в качестве главной карательной силы.

С началом первой мировой войны казачьи станицы обезлюдели.

Из 45 тыс. населения Семиреченского войска (обоего пола, включая детей и стариков) мужчины призывного возраста (3,5 тыс.) были призваны на фронт — в Персию и на Кавказский фронт, где составили три полка и несколько отдельных сотен. Несколько сотен, как и до войны, находились в Кульдже, Чугучаке и Кашгаре при российских консулах. В 1915 г. было собрано в Семиречье и отправлено на фронт 7500 винтовок. Из Пржевальского и Пишпекского уездов было призвано на фронт 4700 человек. Фактически, как отмечал генерал-губернатор Туркестана, население, имеющее до 2000 русских, охранялось пятнадцатью нижними чинами. Об охране границы в полном объеме и речи быть не могло.

О состоянии пограничных отношений на тот момент на среднеазиатском участке российско-китайской границы можно судить по высказыванию Л.Г. Корнилова. Будущий белогвардейский генерал в начале прошлого века отмечал: «Пока еще наиболее солидной гарантией внутреннего спокойствия в Кашгарии и неприкосновенности ее границ является соседство могучей России и миролюбие ее, доказанное всей историей наших отношений с Китаем».¹

Заложенные Россией на Востоке в XIX в. основы охраны государственной границы в последующем сослужили добрую славу в обеспечении пограничной безопасности региона. Обращаясь к наследию А.Е. Снесарева, следует отметить, что «охранение Россией востока и юго-востока Европы ... является большой услугой на алтаре грядущих судеб Европы и мира».²

К концу XX в. абсолютно верным оказалось предвидение А.Е. Снесарева, указавшего на то, что именно «под южным солнцем Афганистана» зреют «события крупного масштаба», которые «в скором будущем отзовутся на берегах Невы и Темзы». Снесарев, признанный знаток Средней Азии, обращался к потомкам, как бы предугадывая снятие Россией своих часовых с центральноазиатских границ: «Наш взор слишком часто поворачивается на Запад, но я, как азиат, люблю его повернуть на восход солнца; оттуда идут роковые загадки и не менее роковые решения. И когда я смотрю на восток, то прежде всего думаю о киргизах, которых лично люблю и ценю, но которые не находят еще себе должной оценки у других; и думаю я в эти минуты: а что, если на нас вправду навалится желтая рать, будут ли тогда киргизы ее авангардом, как в годы налета Чингиса, или они составят наш первый оплот против

¹ Корнилов Л.Г. Кашгария или Восточный Туркестан. Опыт военно-статистического описания. — Ташкент, 1903. — С. 425-426.

² Снесарев А.Е. Философия войны. — М.: ВАГШ, 2002. — С.195.

грозного врага с Востока. Думать об этом, во всяком случае, нужно».¹

Актуальным является сегодня и еще одно высказывание Снесарева: «Экономические завоевания идут теперь впереди военных. Не та нация сильна, которая завалила всю страну штыками, а та, которая держит в своих руках сети экономических завоеваний!».² Спустя век, подтверждая правоту Снесарева, другой российский генерал Андрей Николаев³ пишет: «Одной из приоритетных геополитических задач России является сохранение необходимой степени влияния на территориях, некогда входивших в состав Российской империи и Советского Союза. В сущности, в этой мысли нет ничего нового. Поддержание мирных добрососедских отношений и взаимовыгодных многосторонних контактов с пограничными государствами — важнейшая внешнеполитическая задача для любой мировой державы. Поэтому внешнеполитическая цель России в странах ближнего зарубежья — уйдя остаться. Если Россия хочет сохранить свое присутствие на этих территориях, она должна прежде всего опираться не на военную силу, а на культурные и экономические возможности».⁴

¹ «Голос Правды». — 1909. — № 1287.

² Афганские уроки: Выводы для будущего в свете идейного наследия А.Е. Снесарева. Российский военный сборник. Вып. 20. — М.: Военный университет, Русский путь, 2003. — С.102.

³ Андрей Иванович Николаев родился 21 апреля 1949 г. в Москве. Окончил Московское высшее командное училище имени Верховного Совета РСФСР, военные академии имени М.Фрунзе и Генерального штаба. Прошел все ступени военной карьеры в Сухопутных войсках — от командира взвода до первого заместителя начальника Генерального штаба Вооруженных Сил. С 1993 г. — заместитель министра безопасности РФ — командующий Пограничными войсками России, затем — директор Федеральной пограничной службы — главнокомандующий Пограничными войсками Российской Федерации. В общей сложности, руководил пограничным ведомством России четыре года.

⁴ Николаев А. Рубежи России. Раздумья о важном. — Москва: Граница, 1998. — С. 213, 216, также см.: Рябцев. И. Рубеж безопасности// Литературная Россия. — Москва, 1997. — июль.

Политические партии и движения Афганистана накануне парламентских выборов 2005 г.

К. Искандаров

Процесс формирования новых и реформирования старых партий де-факто начался сразу после создания временной администрации Афганистана в 2001 г., не дожидаясь принятия закона о политических партиях и конституции страны. Лидеры новоявленных партий при этом основывались на положении конституции 1964 г., которая разрешала создание политических партий и общественных движений.¹

После свержения режима движения «Талибан» продолжали легально действовать «старые» политические партии — «Исламское общество Афганистана» (ИОА), во главе с экс-президентом Б. Раббани, «Национальный исламский фронт Афганистана» (НИФА) С. А. Гилани, «Национальный фронт спасения Афганистана» (НФСА) С. Моджадади, «Исламский союз за освобождение Афганистана» (ИСОА) А.Р. Сайяфа, «Партия исламского единства Афганистана» (ПИЕА), состоявшая из двух крыльев, возглавляемыми К. Халили и М. Акбари, «Исламское движение Афганистана» М. Асифи, а также «Национальное исламское движение Афганистана» А.Р. Достума.

Наиболее крупная политическая партия — «Исламская партия Афганистана» Г. Хекматиара вместе с движением «Талибан» оказалась в оппозиции и заявила о полной решимости бороться против иностранного военного присутствия в Афганистане.

Две другие исламские политические партии из числа участников «Пешаварской семерки» — «Исламская партия Афганистана» Юнуса Халеса и «Движение исламской революции Афганистана» (ДИРА) Мохаммада Наби Мохаммади — после их перехода к талибам и смерти двух лидеров практически расформировались, никаких известий относительно их деятельности нет.²

26 января 2004 г. вступила в силу новая конституция Афганистана.

В соответствии со статьей 35-й нового основного закона, «поданные Афганистана имеют право создать политические партии, если:

¹ Как известно, согласно Боннским соглашениям конституция 1964 г. была признана временно действующей, за исключением статей, относящихся к королевской власти.

² Во всяком случае, до конца апреля 2005 г. партии под такими названиями не были зарегистрированы в Министерстве юстиции Исламской Республики Афганистан.

1. Программа и устав партии не противоречат принципам священной религии и ценностям, содержащимся в настоящей конституции.
2. Структура и финансовые источники [партии] открыты.
3. [У партии] не имеется воинских подразделений и военных целей.
4. [Партия] не зависит от зарубежных политических партий и других внешних сил.

Создание партий на этнических, региональных, языковых и религиозных принципах не разрешается¹.

Закон о политических партиях указывает, что основополагающими принципами государственной системы Афганистана являются демократия и многопартийность.

После принятия конституции и закона о политических партиях процесс формирования и регистрации политических партий заметно ускорился. Если на начало марта 2004 г. было официально зарегистрированы только две политические партии, то уже к июню 2005 г. число партий, получивших официальное разрешение на деятельность, перевалило за восемьдесят.

Между тем, в течение трех с лишним года после свержения «Талибана» произошли серьезные изменения в расстановке политических сил в Афганистане, что, естественно, самым непосредственным образом отразилось на деятельности политических партий и партийном строительстве. В большинстве ранее действовавших партий произошли организационные расколы, которые стали результатами не только старых разногласий и амбиций лидеров, но и следствием умелых закулисных интриг окружения Х. Карзая и его иностранных покровителей, принявших на вооружении старый и испытанный принцип «разделяй и властвуй».

Безусловно, самой крупной и влиятельной партией в эти годы продолжало оставаться «Исламское общество Афганистана», которое летом 2005 года прошло регистрацию согласно новому закону о политических партиях. Следует отметить, что многие исламистские партии вообще отказывались проходить регистрацию, так как, по мнению их руководства, все они — не новые партии, а организации, в результате вооруженной борьбы которых Афганистан был освобожден от советских

¹ Кануни асаси-йе тавшешода-йе Афганистан // Рості — 1382 (2004). — №2. — С.50.

войск. Регистрацию, по их мнению, должны были пройти новые партии. Тем не менее, в основном все ныне действующие исламские партии уже зарегистрированы в Министерстве юстиции ИРА.

ИОА берет свое начало из первой исламистской политической организации, которая начала формироваться в конце 1950-х — начале 1960-х гг. Ее основателем был декан богословского факультета Кабульского университета Гулам Мохаммад Ниязи. Партия тогда не имела конкретного названия. С конца 1960-х гг. наиболее активно действовало довольно известное студенческое крыло партии — «Джаванан-е мусульман» («Мусульманская молодежь»). Только в 1973 г. партия получила название «Исламское общество» и возглавил ее профессор теологии Кабульского университета Бурхануддин Раббани.¹

Бурхануддин Раббани — наиболее умеренный политик среди лидеров фундаменталистских партий Афганистана. Его партия имеет многочисленных сторонников и партийные ячейки не только среди таджиков, но и среди пуштунов, узбеков и других этнических групп практически по всему Афганистану. Представители ИОА возглавляют администрации нескольких провинций и уездов, у партии немало сторонников в силовых структурах. Понятно, что ИОА стремится обеспечить избрание наибольшего числа своих сторонников в парламент, чтобы возглавить его. На президентских выборах 2004 г. большая часть ИОА поддержала Х. Карзая, на пост первого вице-президента вместе с Карзаем баллотировался зять Бурханутдина Раббани и брат Ахмад Шах Масуда Ахмад Зия Масуд.

Впрочем, уже после Боннской конференции был официально оформлен раскол в партии Раббани: сторонники Ахмад Шаха Масуда вышли из ИОА и уже в 2002 г. создали новую партию под названием

¹ Бурхануддин Раббани родился в 1941 г. в г. Файзабаде (Бадахшан), таджик. В 1956 г. поступил в Кабульский теологический лицей «Абу Ханифа» (тогда он назывался «Дар-ал-улум шарья»). В 1960 г. поступил на теологический факультет Кабульского университета, после окончания которого стал преподавателем факультета. В 1965 г. Раббани для продолжения учебы в Каирском университете «Аль-Азхар» выехал в Египет, где защитил докторскую диссертацию. После возвращения в Кабул продолжил преподавательскую и политическую деятельность. Раббани возглавляет ИОА с весны 1973 г. за исключением короткого периода, когда в 1975 г. в Пакистане, пользуясь его отсутствием (он находился в Саудовской Аравии) активисты молодежного крыла, сместив его, поставили во главе партии Гульбетдина Хекматияра, и приняли решение о начале вооруженного выступления против режима Мохаммада Дауда, закончившегося полным провалом. После неудачного восстания, нанесшего серьезный ущерб партии, в ее рядах произошел раскол. Хекматияр и его сторонники создали «Исламскую партию Афганистана» (ИПА), а Раббани вновь возглавил ИОА. В годы борьбы с советской экспансией ИОА входило в «Исламский союз моджахедов Афганистана» (ИСМА-7), известный как «Пешаварский Альянс» или «Пешаварская семерка». Вооруженные отряды ИОА во главе

«Национальное движение Афганистана» (НДА) — («Нахзат-е мелли-йе Афганистан»).

Вообще-то, история создания этой партии относится к началу 1980-х гг. В 1983 г. в рамках ИОА была создана структура под названием «Наблюдательный совет» («Шура-йе наззар»), который возглавил Ахмад Шах Масуд. Задача «Шура-йе наззар», по словам самого Масуда, заключалась в том, чтобы создать принципиально новую систему управления и командования вооруженными отрядами ИОА. Масуд решил тогда объединить отряды ИОА на севере, за пределами Панджшера, под своим началом. В задачи «Шура-йе наззар» входили не только координация военных операций и управление ими, но и решение сугубо гражданских задач: управление территориями, подконтрольными силам Масуда.

Постепенно «Шура-йе наззар» превратился практически в самостоятельную организацию внутри ИОА — со своими сторонниками, своими взглядами на политическое устройство страны, своим печатным органом и т. д. Анализируя непростую биографию Ахмад Шаха Масуда, можно понять, что он всегда стремился быть самостоятельным, независимым от кого бы то ни было. В Панджшере он добился этого, в том числе — созданием «Шура-йе наззар», но всегда подчеркивал, что это — не политическая партия. Вместе с тем, по воспоминаниям его брата Ахмада Вали, он был недоволен деятельностью всех исламских политических партий и движений (надо полагать, в том числе и ИОА) и вынашивал планы создания собственной политической партии.

В годы войны против талибов часто распространялись слухи о наличии серьезных разногласий между «Наблюдательным советом» Масуда и ИОА, но, в любом случае, общие цели и общий враг объединяли их. Первые симптомы скорого раскола в партии обнаружились на Боннской конференции, когда ближайший сподвижник Масуда Юнус Кануни, возглавлявший делегацию «Северного альянса», отказался принять во внимание рекомендации Раббани относительно принципов

с Ахмад Шахом Масудом в Панджшере, Забеуллахом в Балхе, Исмаил Ханом в Герате и другими отрядами внесли большой вклад в борьбу против просоветского режима в Кабуле и советских войск. Согласно пешаварским договоренностям, в конце июня 1992 г. Раббани возглавил Переходное правительство Афганистана сроком на 4 месяца, продленных затем до 6 месяцев, а в конце декабря того же года на «Совете уполномоченных» был избран президентом Исламского государства Афганистан сроком на 2 года (сокращенных на переговорах в Исламабаде до 18 месяцев). После окончания его президентских полномочий должны были пройти новые президентские выборы, однако этого не произошло в связи с отсутствием условий для проведения выборов. После захвата талибами столицы продолжал исполнять обязанности президента ИГА, находясь, в основном, на северо-востоке страны. 22 декабря 2001 г. официально в торжественной обстановке передал власть главе временной администрации Хамиду Карзаю.

формирования будущего правительства. Раббани рекомендовал главе делегации обсудить только общие принципы формирования правительства и повестку дня переговоров. Все другие вопросы должны были, по его мнению, решаться в самом Афганистане с широким участием представителей афганского народа. Хотя следует отметить, что видимо Кануни было непросто действовать согласно рекомендациям Раббани, находясь в Бонне под жестким международным давлением.

Таким образом, практически в течение нескольких месяцев была сформирована новая партия. Ее основатели поставили перед собой цель консолидации всех национальных, прогрессивных и патриотических сил, создания устойчивой политической организации, свободной от узконациональных, политических, языковых и религиозных предрассудков, в программе которой все слои общества могли бы найти отражение своих интересов.¹

Панджшерская элита, занявшая после Бонна ключевые посты во всех силовых министерствах, находилась в определенной эйфории. Ее представители всерьез думали, что надолго останутся опорой власти Х. Карзая. Мохамад Касим Фахим, считавший себя преемником Масуда, Кануни и братья Масуда были действительно в тот период преданы Карзаю. Многие аналитики полагают, что предоставление всех ключевых постов силового блока во временной администрации панджшерцам было вынужденной и временной мерой. Во-первых, «Северный альянс» контролировал столицу, а войска «Шура-йе назар» составляли основу и самую боеспособную часть военных сил альянса. Во-вторых, в борьбе против радикальной части «Талибана» и «Аль-Кайды» Карзай и его американские покровители могли рассчитывать только на них. Боб Вудворд в своей книге «Буш на войне», изданной в США, пишет, что «надеждой Дж. Буша на войне против террористов в Афганистане после 11 сентября 2001 г. был Фахим. В тот чувствительный момент ради борьбы с талибскими террористами президент Джордж Буш называл лидеров «Северного альянса» «друзьями» («Our friends»)². В-третьих, силы панджшерцев были необходимы для разоружения многочисленных вооруженных группировок.

Однако по мере упрочения власти Карзая план отстранения панджшерцев вырисовывался более четко. Реванша жаждали многие, не только «талибы в галстуках» в правительстве Карзая, но и его зарубежные покровители, особенно пакистанцы. Фахим и другие лидеры

¹ Маромнама-йе Нахзате мелли-йе Афганистан. — Кабул, 2002.

² Цит. по: Харун Амирзада. Фахим дз дегаргон-е та сарнагон-е. — По URL: <http://www.ariaye.com>.

НДА не понимали, что Карзай лишь заигрывает с ними. Панджшерцы видимо забыли, что Карзай был одним из основателей движения «Талибан» и если стечение обстоятельств привело к свержению режима талибов, это еще не означает, что Карзай станет враждебно относиться ко всем талибам. По некоторым данным, Карзай твердо обещал «рассчитаться с панджшерцами, взорвать их изнутри». Панджшерцы же не воспринимали всерьез даже заявления Карзая о том, что талибы являются «истинными патриотами и мусульманами», и что он готов пригласить их к сотрудничеству, «кроме 150 человек из них»¹.

Талибы вели вооруженную борьбу против государства в южных районах, а разоружение проводилось на севере. Это объяснимо тем, что опасность для своей власти Карзай испытывал не со стороны талибов, а именно со стороны «Северного альянса», и для их разоружения использовал силы Фахима, который первым делом провел разоружение в Панджшере, а затем и в других регионах. Фахим и другие лидеры «панджшерской» партии не верили, что Карзай и его окружение (Анвар уль-Хак Ахади, Али Ахмад Джалали, Ханиф Атмар и другие) при активной роли посла США в Афганистане Залмая Халилзада разрабатывали вполне конкретный план отстранения всех панджшерцев от власти. «Взорвать изнутри» в планах Карзая означало расколоть лидеров панджшерцев, противопоставить их друг другу, настроить общественное мнение против них.

Неожиданное выдвижение Хамидом Карзаем в июле 2004 г. Ахмада Зия Масуда кандидатом на пост первого вице-президента на предстоящих президентских выборах, означало политическое отстранение от дел первого заместителя главы переходного правительства и министра обороны маршала Фахима, и окончательно раскололо панджшерцев. Фахим и многие его сторонники были в недоумении, так как доверяли Карзаю и поначалу намеревались превратить «Национальное движение Афганистана» — мечту Ахмад Шах Масуда, в партию власти, предложив Карзаю возглавить ее. Именно поэтому долгое время они не могли решить вопрос о руководителе партии. Летом 2003 г. в ходе встречи в Кабуле с младшим братом Ахмад Шаха Масуда, послом Афганистана в Лондоне Ахмадом Вали Масудом, который возглавлял «Международный фонд Ахмад Шаха Масуда», Фахим попросил его взять на себя руководство НДА. Видимо, тогда им уже было ясно, что с Карзаем им дальше будет «не по пути». Хотя Ахмад Вали тогда

¹ Цит. по: Харун Амирзада. Фахим дз дегаргон-е та сарнагон-е. — По URL: <http://www.ariaye.com>.

внешне выразил несогласие возглавить партию, он говорил о желании «заниматься работой «Фонда Масуда», но, тем не менее, позднее партию возглавил.

После отстранения Фахима Кануни неожиданно заявил о своем решении баллотироваться на пост президента Афганистана. Перед лидером НДА опять встала дилемма, кого поддержать — своего брата Зия Масуда или Юнуса Кануни. В конце концов, лидер партии и часть партийцев поддержали Хамида Карзая.

Кануни считал себя кандидатом от НДА, но было ясно, что раскол в партии неминуем. После президентских выборов, на которых Кануни получил 16,3 % голосов избирателей, он вышел из состава НДА и создал партию «Новый Афганистан» («Афганистан-е навин»).¹

Юнуса Кануни можно охарактеризовать как гибкого и прагматичного политика, вполне соответствующего своему призванию. После президентских выборов, где он выступил основным соперником Карзая, Канун возглавил не только собственную оппозиционную партию, но и созданный с несколькими другими проигравшими выборы политиками, такими как Абдул Латиф Педром, Ходжи Мухаммад Мохаккик и другими, оппозиционный блок «Фронт Национального согласия» (Шура-йетафахом-е мелли). Фронт на парламентских выборах 2005 г. был намерен занять большинство мест в парламенте и обеспечить эффективный парламентский контроль над правительством.

В числе официально зарегистрированных партий значится вышедшая также из ИОА партия под названием «Хезбе адалат-е ислами-йе Афганистан» («Партия исламской справедливости Афганистана»), которую возглавляет Мохаммад Кабир Марзбон, больше известный как Кази Кабир. Марзбон — этнический узбек, был одним из полевых командиров ИОА в районе Ходжа-Бахаутдина в провинции Тахор. Представляется, что его партия не представляет из себя сколько-

¹ Юнус Кануни — уроженец Панджшера, был ближайшим сподвижником Ахмад Шах Масуда, его политическим советником и пресс-секретарем в «Наблюдательном совете». После прихода моджахедов в Кабул он оставался на этой должности, исключая короткий период в 1993 г., когда в результате настойчивых требований Хекматиара Масуд ушел с поста министра обороны и Кануни временно исполнял обязанности министра обороны ИГА. Когда талибы установили контроль над Кабулом, Кануни вернулся на прежнюю должность, возглавлял делегацию ИГА на многочисленных переговорах по мирному решению афганского конфликта, по созданию антиталибской коалиций и т.д. Он возглавлял делегацию «Северного альянса» и на конференции в Бонне в 2001 г., где при формировании временной администрации получил пост министра внутренних дел. В 2002 г. на чрезвычайной Лойя Джирге в ответ на критику своих соперников о, якобы, несправедливом распределении постов в силовых министерствах между политическими группировками, добровольно ушел в отставку с поста министра внутренних дел и возглавил министерство образования в переходном правительстве Хамида Карзая.

нибудь серьезную политическую силу, как, впрочем, и большинство зарегистрированных партий. Лидеры многих партий неизвестны вообще, или известны очень узкому кругу лиц, и до превращения их в общенациональные партии очень далеко.

Другой исламской партией из числа участников бывшей Пешаварской семерки, прошедшей регистрацию в Министерстве юстиции ИРА, является «Махази мелли-йе ислами-йе Афганистан» («Национальный исламский фронт Афганистана», НИФА). Его основателем и бессменным лидером со дня основания в Пакистане в марте 1979 г. является Пир Сейид Ахмад Гилани.¹

НИФА в основном состоит из числа мюридов Гилани и не имеет четкой структуры. Его помощники по партии — это его родственники и близкие. Сейид Ахмад Гилани с детства был вхож в королевский двор и считался одним из неофициальных советников Захир Шаха. Религиозные взгляды Гилани достаточно умеренны. Национальный состав НИФА исключительно пуштунский, в основном это представители племен сулейманхель, ахмадзай, харути и др.

В конце 2001 г. НИФА отстаивал решение вопроса о власти через традиционные племенные институты, особенно через Лойя Джиргу, выступал за возвращение Захир Шаха в политику с условием, чтобы именно он возглавил временное правительство. В 2004 г. кандидатом на пост президента страны от НИФА выступал Пир Сейид Исхак Гилани, двоюродный брат и зять Сейида Ахмада Гилани, получивший 1 % голосов избирателей. После выборов Сейид Исхак Гилани вышел из НИФА и основал новую политическую партию под названием «Движение национальной солидарности Афганистана» («Нахзат-е хамбастаги-йе мелли-йе Афганистан»). По всей вероятности, состав этой партии также состоит из последователей религиозного ордена ал-Кадирийи и, таким образом, молодое поколение последователей ордена будут поддерживать Гилани.

Прошла регистрацию и партия Сибгатуллы Моджадади «Танзим-е джабха-йе мелли-йе наджат-е Афганистан» («Национальный фронт спасения Афганистана», НФСА), которая была создана в 1979

¹ Пир Сейид Ахмад Гилани родился в 1933 г. в г. Кабуле, в семье потомственных пиров арабского происхождения, основателей суфийского ордена ал-Кадирийи. Учился в теологическом лицее «Абу Ханифа», по окончании которого поступил в Кабульский университет. Совершенствовал свои теологические знания у самых авторитетных улемов Афганистана. Отец Сейида Ахмада Гилани родился в Дамаске в 1901 г., после распада Османской империи принял турецкое подданство, а в 1920 г. поселился в Афганистане, в местечке Чахарбаг провинции Нангархар. Мать Сейида Ахмада, немка Мари (Марта) Рихтер, вышла замуж за отца Гилани в 1929 г., когда тот учился в Германии. Сам Сейид Ахмад Гилани в 1952 г. женился на внучке эмира Хабибулла-хана (1901-1919), чем и закрепил родственные узы с королевским родом мохаммадзаев.

г. в Пешаваре. Она также входила в «Пешаварскую семерку» в числе традиционалистских партий.¹

В феврале 1989 г. в Пешаваре на совете представителей афганской оппозиции Сигбатулла Моджадади был избран председателем так называемого «Переходного правительства моджахедов». 28 апреля 1992 г. на специальной официальной церемонии он принял от имени моджахедов власть от прежнего режима Наджибуллы и был провозглашен главой ИГА сроком на 2 месяца. По некоторым данным, Моджадади планировал остаться у власти не два месяца, а значительно больше, но Ахмад Шах Масуд настойчиво требовал неукоснительного выполнения пешаварских договоренностей. Моджадади, в противовес Масуду, начал способствовать возвышению генерала Достума, с тем, чтобы опираться на его помощь в действиях по продлению срока пребывания у власти своего правительства. И это несмотря на то, что «малиши» Абдул Рашида Достума при Наджибулле были известны всем афганцам и как «грабители», и как «отважные борцы против моджахедов».

После передачи власти Бурхануддину Раббани Сигбатулла Моджадади постепенно сблизился с Хекматиаром в его борьбе против Раббани. В результате Моджадади, Хекматиар, Достум, и крыло ПИЕА во главе с А. А. Мазари объединились в так называемый «Высший координационный совет исламской революции» (ВКСИР) и 1 января 1994 г. предприняли неудавшуюся в итоге попытку свергнуть президента Бурхануддина Раббани.

Во время войны с талибами НФСА в основном занимал нейтральную позицию, хотя его лидеры иногда выступал с резкой критикой политики «Талибана». На Лойя Джирге 2003 г., где была принята конституция Афганистана, Моджадади был избран председателем.

По своему социальному составу НФСА является партией улемов, старейшин племен, госслужащих бывших режимов, а по национальному

¹ Сегбатулла Моджадади родился, по некоторым данным, в 1925 г., а по другим в 1928 г., в Кабуле. Он принадлежит к семье потомственных хазратов — святых, основателей влиятельного суфийского ордена Накшбандийа. Клан Моджадади арабский по происхождению. В период правления султана Масуда Гезневи (1030—1040) предок клана Моджадади, некий Фарох-шах по прозвищу Шахабиддин, приехал в Газни и занялся пропагандой ислама. Затем предки Моджадади поселились в Индии, и только в XIX в. возвратились в Афганистан. Часть большого клана Моджадади поселилась в местечке Шур-Базар г. Кабула, другая часть — в Герате. Сигбатулла Моджадади традиционное религиозное образование получил у своего отца. После окончания начальной школы поступил в лицей «Хабибия». В 1950 г. он был послан для продолжения образования в Каирский исламский университет «Аль-Азхар», где через своего племянника Х. Моджадади, являвшегося одним из активистов «Братьев-мусульман» сблизился с этой организацией. После возвращения в Кабул в 1953 г. занимался преподавательской деятельностью в столичных лицеях. Он показал себя как ярый антикоммунист и антисоветчик,

— состоит из пуштунов и, в меньшей степени, дариязычных афганцев. Данные о численности НФСА в 1980-е гг. приблизительно — 8 тыс. человек организованного состава и 15 тыс. последователей.¹ Новые данные о составе партии отсутствуют.

Из числа наиболее крупных исламских партий суннитского толка, которые сформировались в Пешаваре, и сегодня продолжающих активную деятельность, можно назвать также «Исламский союз за освобождение Афганистана» (ИСОА),² во главе с Абдур Расулом Сайяфом.³ Эта партия также возникла после объединения исламских партий в Пакистане, и в результате произошедшего раскола в 1980 г., когда Сайяф, сохранив название ИСОА, с помощью саудовцев и сформировал свою организацию, присвоив при этом все деньги, которые были получены от Саудовской Аравии для нового альянса моджахедов. После установления власти моджахедов в Кабуле в 1992 г. группировка А.Р.Саяфа всегда входила в коалицию президента Б. Раббани и А.Ш. Масуда. Нахождение в коалиции экстремистски настроенного Сайяфа часто содействовало тому, что серьезно осложнялись отношения Масуда с шиитской партией «Хезбе Вахдат» и с другими потенциальными союзниками президента вплоть до вооруженных стычек. Эта партия летом 2005 г. прошла регистрацию в Министерстве юстиции ИРА под названием «Хезб-е танзем-е дават-е ислами» (Партия исламского призыва).

открыто выступал против визита в Афганистан Н.С. Хрущева. В 1960 г. С. Моджадади был арестован по обвинению в попытке покушения на членов советской делегации, находившейся в Афганистане, был осужден и отбывал тюремное заключение в течение четырех с лишним лет. Был освобожден после принятия конституции 1964 г., с таким условием, что временно покинет страну. Апрельский переворот 1978 г. застал его в Копенгагене, где он находился с 1973 г. и руководил исламским центром, ведя пропаганду ислама в скандинавских странах. В январе 1979 г. в Кабуле по приказу Х. Амина были расстреляны все, находившихся в столице, члены клана Моджадади (21 человек), в том числе члены семьи самого Сигбатуллы Моджадади (по некоторым данным, всего клан Моджадади насчитывает погибшими и пропавшими без вести за годы Апрельской революции 109 человек).

¹ Спольников В. Н. Афганистан: исламская контрреволюция. — М.: Наука, 1987. — С. 87. Впрочем, данные о численности всех политических организаций, дислоцировавшихся в тот период в Пакистане, были, как правило, сильно завышены.

² Хотя до конца апреля 2005 г. эта партия еще не значилась в числе зарегистрированных в Министерстве юстиции и получивших официальное разрешение на деятельность.

³ Абдур Расул Сайяф родился в 1945 г. в Пагмане. Поступил в Кабульский лицей «Ибн Сино», а затем в теологическую школу «Абу Ханифа» и на теологический факультет Кабульского университета. Политическую деятельность начал в Кабульском университете, входил в «Мусульманскую молодежь». Окончил университет «Аль-Азхар». В период республиканского режима Мохаммада Дауда был арестован и освобожден в 1978 г., после очередного, уже коммунистического переворота. Из семи крупных суннитских партий, ИСОА сформировался позже всех, содержался на средства Саудовской Аравии. Как и ИПА, входил в число наиболее экстремистски направленных организаций. ИСОА в Афганистане называли ваххабитской из-за тесных связей с саудовцами. Сам Сайяф даже изменил свое имя на ваххабитский лад (Абдур Расул стал называться Абдур Раб Расул Сайяф). Он связан родственными узами с Хафизулло Амином.

Из суннитских исламских партий, входивших в «Пешаварскую семерку», наряду с ИОА, самой крупной и боеспособной партией была «Хезбе ислами-йе Афганистан» («Исламская партия Афганистана», ИПА) во главе с Гульбеждином Хекматиаром. Именно на эту партию и на ее лидера — самого амбициозного и непримиримого антикоммуниста — практически до 1994 г. делали ставку пакистанцы. Он получал и самую большую долю помощи, поступавшей от иностранных спонсоров. ИПА возникла в 1976 г. в результате раскола в ИОА после неудачного восстания исламистов в 1975 г. против режима Дауда. С тех пор бессменным лидером партии является Хекматиар.¹

ИПА имеет все черты и атрибуты политической партии в современном понимании этого слова: программу, устав, регламентированное членство, строгую партийную дисциплину. Она с самого начала войны открыто претендовала на установление своего лидирующего положения среди воевавших оппозиционных партий. Стратегия партии — исламская революция и достижение политической власти. Среди лидеров исламских партий Хекматиар всегда выделялся стремлением к единоличному лидерству: в партии, в афганском сопротивлении в Пакистане и в государстве.

По социальному составу ИПА считается, в основном, партией средних городских классов, выходцев из государственных учебных заведений. Хотя среди членов ИПА и встречаются некоторые представители традиционного духовенства, но их мало. ИПА традиционно имела влияние в Нангархаре, Кунаре, Пактии, провинции Кабул и на северо-востоке страны.

После установления в 1992 г. исламского режима в Афганистане Хекматиар по разному поводу постоянно обстреливал столицу, его представитель Фарид был назначен премьер-министром, но Хекматиар продолжал обстреливать Кабул. Он сам был назначен премьер-министром, однако нападения не только не прекратились, но еще больше усилились. Созывались встречи лидеров исламских партий в Тегеране, в Саудовской Аравии, в Джелалабаде, где принимались

¹ Гульбедин Хекматиар родился в 1944 г. в уезде Имам Сахиб провинции Кундуз. Его родители были переселены туда, по всей видимости, в начале 1940-х гг. из провинции Газни. По национальности — пуштун из племени харути. Начальную школу окончил в уездном центре Имам Сахиб, продолжил учебу в военном лицее г. Кабула, однако не закончил его. Вернулся в Кундуз, где закончил 9-12 классы, и поступил на инженерный факультет Кабульского университета, где активно включился в политическую борьбу. Избирался членом исполкома Союза студентов Кабульского университета от «Джаванан-е мусульман». В 1972 г. был арестован за соучастие в убийстве члена маоистской организации «Шоала-йе джавид» С. Сохандана. После выхода из тюрьмы в 1973 г. (после переворота М. Дауда) выехал в Пакистан. Наладил тесные связи со спецслужбами Пакистана, которые использовали Хекматиара в своих целях.

решения в угоду различным требованиям Хекматиара, но он постоянно нарушал их. Он был снова назначен премьер-министром в надежде на то, что это приведет к прекращению войны, но Хекматиар оставался в Чарасьябе (20 км от Кабула) и там проводил заседание своего кабинета, и временами продолжал обстреливать Кабул. После поражения его отрядов в боях с силами «Талибана» в Кандагаре и некоторых других районах Хекматиар практически без боя оставлял талибам свои позиции, многие его полевые командиры перешли к талибам, а после победного марша талибов на север страны Хекматиар через Душанбе уехал в Иран. ИПА к началу американского вторжения была значительно ослаблена, некоторые его сторонники перешли к «Северному альянсу», другие к талибам.

В 2001-2005 гг. Хекматиар пытается мобилизовать силы на борьбу против американских войск, но ему это удается в малой степени. Пакистанские средства массовой информации сообщают, что американцы ведут тайные переговоры с ИПА. Сообщается, что переговоры «достигли значительных успехов».¹ Многие высокопоставленные полевые командиры ИПА, такие как Маулави Сарфараз Джанбаз, Касем Химат и многие другие, прекратили сопротивление и вернулись в Кабул, после чего только номинально представляют ИПА. Сын Хекматиара, Дин Мохаммад, обучавшийся в США, выполняет функцию посредника между своим отцом и американцами. Американцы, судя по всему, не ставят ИПА в один ряд с «Аль-Кайдой». В опубликованном американцами списке лидеров и активистов «Аль-Кайды» и «Талибана» с портретами портрет Хекматиара отсутствует. Представитель ИПА в Пешаваре Котбиддин Халал открыто бывает в Лондоне, что также говорит об определенных соглашениях между лидерами ИПА и стран коалиции во главе с США. Хотя нет никаких сообщений о смягчении позиции самого Хекматиара, который по-прежнему выступает за безоговорочный вывод из Афганистана всех иностранных войск. Как заявил один из представителей ИПА в Пешаваре, сотни молодых воспитанников партии готовы пожертвовать собой ради изгнания американских войск, но перед ними стоят две проблемы, без решения которых невозможно организовать эффективное сопротивление. В период войны против советского вторжения в Афганистан, ИПА могла свободно создавать свои тренировочные базы и склады вооружения в Пакистане, получать колоссальную моральную и материальную помощь из-за рубежа, а сегодня все это отсутствует. Сам лидер партии также не имеет безопасной базы ни в Афганистане, ни в Пакистане,

¹ Со ссылкой на «Asia Times Online».

чтобы заняться подготовкой молодого поколения моджахедов.¹ Это может привести к тому, что ИПА или часть ее может достичь какого-то компромисса с американцами. Хотя, учитывая религиозный фанатизм Хекматиара и его отношение к американцам, кажется маловероятным, что он примирится с присутствием американских войск в Афганистане. Более того, опыт присутствия советских войск в Афганистане показывает, что по мере усиления вооруженного противостояния между американцами и непримиримой исламской оппозицией в Афганистане, Ираке и других регионах, может произойти еще больший рост антиамериканских настроений среди афганцев, что может взорвать ситуацию в стране.

Нельзя сбрасывать со счетов и движение «Талибан». Хотя оно находится в состоянии войны с правительством ИРА, необходимо помнить, что у него много сторонников среди нынешней правящей кабульской элиты, да и среди американцев.

Кроме исламских партий суннитского толка в Афганистане активно действуют и исламские партии шиитов. До 1989 г. действовали многочисленные шиитские партии, штаб-квартиры которых находились в Иране. Все они в основном находились под контролем Ирана. Следует отметить, что между шиитскими партиями всегда происходили конфликты и даже ожесточенные вооруженные стычки. Только после того как в 1988 г. в Пешаваре представители суннитских исламских партий создали «Временное правительство в изгнании», в котором не нашлось места для шиитов, шиитские партии решили объединиться. У шиитских партий не было тогда, нет и сейчас никаких идеологических разногласий. Все противоречия среди них носят межличностный и тактический характер.

В 1989 г. восемь наиболее крупных шиитских партий, представлявших хазарейцев, объединились и создали «Партию исламского единства Афганистана» (ПИЕА), больше известную как партия «Вахдат», или «Хезбе Вахдат» («Единство») во главе с Али Мазари. Шииты-нехазарейцы были объединены в партию «Исламское движение Афганистана» (ИДА), которой руководил Асеф Мохсени. Когда встал вопрос об объединении шиитских исламских партий, только этнические хазарейцы из ИДА вошли в ПИЕА, а нехазарейская часть партии объединяться отказалась.

¹ Кабул. — Кабул, 2005. — 9 мая.

Вскоре после своего формирования ПИЕА разделилась на два крыла. Одно возглавил Шейх Абдул Али Мазари,¹ другое — Мохаммад Акбари.² После гибели А.Мазари партию, или вернее одну из ее крыльев, возглавил Абдул Карим Халили.³ После Боннской конференции 2001 г. ПИЕА столкнулась с дальнейшей фрагментацией. Из нее вышли Мохаммад Акбари, Ходжи Мохаммад Мохаккик,⁴ Курбан Али Ирфани, Сейид Мустафа Казими, каждый из которых сформировал свою партию. Таким образом, ПИЕА раскололась, по меньшей мере, на пять отдельных организаций.

К 2005 г. Акбари официально зарегистрировал свою партию под названием «Хезб-е вахдате мелли-йе ислами-йе Афганистан» («Партия

¹ Шейх Абдул Али Мазари — этнический хазарец родом из Мазар-и-Шарифа (по другим данным, из уезда Дарай-и-Суф провинции Саманган). Получил религиозное образование в Неджефе (Ирак). До основания ПИЕА он был одним из лидеров организации «Наср». Участвовал в джихаде против советских войск в Балхе. После прихода моджахедов к власти в 1992 г., отношения Мазари с Раббани и Масудом осложнились, что привело к вооруженным инцидентам в Кабуле. В 1992 г. Мазари, Хекматиар, Достум и Моджадади создали оппозиционный правительству Раббани «Высший Координационный Совет Исламской Революции», однако отряды ПИЕА (возможно, следуя рекомендациям руководства Ирана) не приняли участие в предпринятом 1 января 1994 г. отрядами Хекматиара и Достума безуспешном вооруженном мятеже против президента Раббани. Во время наступления талибов на Кабул в марте 1995 г. Мазари добровольно сдал позиции своих вооруженных формирований талибам. Однако 11 марта талибы его захватили. 13 марта в вертолете по пути в Кандагар при не выясненных обстоятельствах он был убит, 27 марта его похоронили в Мазар-и-Шарифе.

² Мохаммад Акбари родился в 1946 г. в уезде Варас провинции Бамиан. Он брал религиозные уроки у местных мулл, постепенно начал изучать фикх, исламскую логику и другие исламские науки. С 1966 по 1968 гг. служил в афганской армии, а в 1971 г. уехал на учебу в Неджеф. В 1975 г., в числе группы афганских студентов был выслан из страны иракским правительством. С 1976 г. по 1978 гг. преподавал в местных религиозных школах, участвовал в вооруженном восстании против режима Тараки-Амина, в 1982 г. уехал в Иран и вошел в организацию «Стражей исламской революции Афганистана» («Сепак-е Пасдар»), которая была создана при содействии руководства Ирана, стал одним из ее лидеров. «Сепак-е Пасдар» вместе с другими шиитскими исламскими организациями хазарейцев самораспустилась, войдя в ПИЕА. После установления контроля талибов над Бамианом перешел на их сторону. Во временной администрации и в переходном правительстве сам не занимал высоких должностей, но его сторонники вошли в правительство, в частности, сторонник Акбари Сейид Мустафа Каземи занимал пост министра торговли.

³ Абдул Карим Халили родился в 1949 г. в Майданшахре, провинция Вардак, хазарец. После захвата талибами г. Кабула, возглавляемая Халили фракция ПИЕА, вошла в антиталибский альянс, но когда талибы в сентябре 1998 г. установили контроль над Бамианом, Халили сбежал в Иран. На конференции 2001 г. в Бонне он получил пост заместителя руководителя временной администрации, а на Чрезвычайной Лойя Джирге в 2002 г. был избран заместителем председателя переходного правительства. С октября 2004 г. является вторым вице-президентом ИРА.

⁴ Ходжи Мохаммад Мохаккик в 1980-х гг. вместе с Мазари и Халили был основателем организации «Наср», входил в ее руководство, в 1990-х гг. был одним из лидеров крыла ПИЕА, возглавлявшегося Халили. Мохаккик был уполномоченным ПИЕА в зоне Севера, являлся министром внутренних дел ИГА. Когда талибы заняли Бамиан, а Халили сбежал в Иран, отряды Мохаккика в составе «Северного альянса» продолжали борьбу против «Талибана». Во временной администрации и в переходном правительстве занимал пост министра планирования Афганистана, но накануне президентских выборов 2004 г. Карзай отправил его в отставку. Существует мнение, что причиной послужило намерение Мохаккика составить конкуренцию Карзаю, при том, что Халили решил поддержать Карзая. На президентских выборах 2004 г. Мохаккик баллотировался на пост президента Афганистана и получил 11,6 % голосов.

национального исламского единства Афганистана», ПНИЕА) и готовится к парламентским выборам.

Безоговорочная поддержка Абдул Каримом Халили президента Хамида Карзая, с политикой которого Мохаккик не согласен, видимо, подтолкнула его к созданию своей партии. Она зарегистрирована под названием «Хезб-е вахдате ислами-йе мардом-е Афганистан» («Партия исламского единства народа Афганистана», ПИЕНА). Партия входит в оппозиционный блок «Фронт национального согласия Афганистана».

«Хезб-е вахдате ислами-йе миллат-е Афганистан» («Партия исламского единства афганской нации», ПИЕАН) — так называется четвертая партия, вышедшая из ПИЕНА. Она также прошла официальную регистрацию в Министерстве юстиции ИРА. Ее возглавляет Курбан Али Ирфони, который входил в состав руководства организации «Наср», затем ПИЕНА, являлся заместителем Абдул Карима Халили.

Другой лидер ПИЕНА (фракция М. Акбари), бывший министр торговли в переходном правительстве Карзая Сейид Мустафа Каземи зарегистрировал партию под названием («Хезбе эктедар-е меллийе Афганистон») («Партия национального могущества Афганистана»).

Все шиитские партии хазарейцев выражают интересы хазарейцев-шиитов. Их сторонники - это население Бамиана, Урузгана, Балха, Газни и других районов проживания хазарейцев-шиитов.

Произошел раскол и в некогда монолитной нехазарейской шиитской партии «Харакате ислами-йе Афганистан» («Исламское движение Афганистана», ИДА), основателем и руководителем которой был Асеф Мохсени (Кандагари).¹ Сам Мохсени и его сторонники, являясь шиитами, происходили из пуштунов, хазарейцев, кизилбашей. Многие хазарейцы в 1989 г. вышли из ИДА и примкнули к хазарейской ПИЕНА. Территорией традиционного влияния этой партии были пригороды Кандагара, запад Кабула, Пагман, Джагри, юг Мазар-и-Шарифа, кроме того, она имела своих сторонников и в крупных городах. ИДА — последователь умеренного ислама. В Хазараджате, в 1983 г., на его

¹ Мохаммад Асеф Мохсени (Кандагари) родился в 1935 г. в селение Базари Тупхана под Кандагаром. Окончил медресе в Ираке, там несколько лет работал преподавателем, установил связи с аятоллой Хойи. В 1950-1960-е гг. был одним из лидеров афганских шиитов. Работал в Кабуле адвокатом, являлся советником короля по проблемам шиитов. До апрельской революции 1978 г. Мохсени не занимался политикой, зато был широко известен в шиитских богословских кругах. Вместе с тем, он не пользовался расположением у стражей исламской революции и окружения имама Хомейни, возможно, потому что был учеником старого соперника имама Хомейни, аятоллы Хойи в Ираке. С 1979 по 1984 гг. Мохсени жил в Куме, а затем переехал в Кветту. В последние годы Мохсени все более самоустраивался от политической деятельности и руководства партией, проводя в Иране большую часть времени.

отряды напали боевики из организации «Наср». По некоторым данным в 1982 г. 10-15 % территории Хазараджата находилась под контролем ИДА.¹ К концу 1990-х гг. партия входила в «Северный альянс». Два представителя ИДА — Сейид Мохаммад Али Джавид и Сейид Хусейн Анвари — в переходном правительстве Карзая занимали посты министра транспорта и министра сельского хозяйства соответственно.²

На первом съезде нового этапа развития партии в феврале 2005 г. Асеф Мохсини подал в отставку, как было заявлено, «в связи с преклонным возрастом».³ Руководителем ИДА был избран Сейид Мохаммад Али Джавид. ИДА время входит в оппозиционный блок «Фронт национального согласия Афганистана», Джавид является пресс-секретарем этого блока. Другой лидер ИДА Сейид Хусейн Анвари зарегистрировал новую партию под названием «Харакат-е ислами-йе мардоме Афганистан» («Исламское движение народа Афганистана», ИДНА).⁴

Таким образом, все исламские политические партии, входившие некогда в «Пешаварский альянс»⁵ и в «Альянс восьми» (шиитские партии), сегодня продолжают свое активное присутствие на политической сцене Афганистана, правда, многие столкнулись с организационными расколами в своих рядах и фрагментацией на отдельные организации.

К моменту официальной регистрации (весна 2005г.) серьезные изменения произошли в рядах «Национального исламского движения Афганистана» (НИДА), которое сформировалось летом 1992 г. Тогда генерал Дустум,⁶ командующий 53-й пехотной дивизией МО РА, дважды Герой Республики Афганистан, вышел из подчинения президенту

¹ Кохсар Я. Джонбеш-е хазараха ва ахле ташайю дар Афганистан. — Пешавар, 1999. — С. 142.

² Сейид Хусейн Анвари в 2004 г. являлся также губернатором Кабульской провинции.

³ Кабул. — Кабул, 2005. — 9 февраля.

⁴ Сейид Хусейн Анвари в годы войны против советских войск и просоветского режима был одним из самых известных полевых командиров ИДА. Его отряды базировались на западных окраинах Кабула и нередко осуществляли дерзкие нападения на город, уводя заложников. В течение всего периода борьбы с талибами Анвари со своими сторонниками находился в составе «Северного альянса», был близок с Ахмад Шахом Масудом.

⁵ За исключением ДИРА Мохаммади Наби Мохаммади и ИПА Юнуса Халеса.

⁶ Абдул Рашид Дустум родился в 1953 г. в селении Хаджа Дукух провинции Джаузджан в крестьянской семье. Отец — узбек, мать — туркменка. Получил начальное образование и начал работать рабочим на газовых промыслах. В 1979 г. вступил в НДПА, состоял в отряде самообороны. В начале 1980-х годов сотрудничал с органами безопасности ДРА, прошел краткосрочную военную подготовку в Ташкенте. В 1983 г. — командир племенного батальона, затем возглавил созданную в Джаузджане, в основном из узбеков, территориальную бригаду, преобразованную в 1988 г. в 53-ю пехотную дивизию. В 1986 г. получил высшую награду ДРА — звезду Героя Афганистана. Подчиненная ему дивизия принимала активное участие в борьбе с вооруженной исламской оппозицией. Особо отличился при разблокировании автомагистрали Кабул-Хост и в подавлении мятежа министра обороны Шахнаваза Таная. Его подразделения называли «малишами» (племенные ополчения) и были составлены в основном из узбеков Джаузджана.

Наджибулле и в результате сговора с генералом Мумином и моджахедами объявил Мазар-и-Шариф свободным. Было заявлено, что в Мазар-и-Шарифе создается Военный совет, взявший на себя ответственность по управлению северными провинциями. Были также сформированы Политический совет и Комиссия по вопросам культуры. Основу будущего Национального движения и составили эти органы, в состав которых вошли практически все исламские и неисламские политические организации, военные подразделения, так или иначе принимавшие участие в свержении режима Наджибуллы на севере Афганистана. Военный совет стал называться «Высшим военным советом северных провинций Афганистана», возглавил его генерал А.Р. Достум. Вначале НИДА не имело форму политической партии. Оно представляло конгломерат военно-политических организаций, объединенных для решения конкретной задачи, а именно — овладения Мазар-и-Шарифом. В него входили представители ИПА Хекматиара, ИОА (часть отрядов во главе с инженером Махди), ДИРА, ИДА, НИФА, НФСА, «Исламский союз северных провинций» во главе с Азад-беком. Военный совет объединял и практически все правительственные подразделения на севере Афганистана. Это были 80-я дивизия (исмаилитов) Сейида Мансура Надери, 53-я пехотная дивизия под командованием Достума, 70-я Хайратонская механизированная бригада под командованием генерала Мумина, 20-я дивизия, расквартированная в Кундузе, и 18-я дивизия, расположенная в местечке Дехдади (недалеко от Мазар-и-Шарифа).¹

«Северное движение» во многом имело этническую окраску. Оно было инициировано непуштунскими лидерами севера и было направлено, по их мнению, против стремления пуштунской элиты возродить «родоплеменной фашизм». Однако, по сути, в условиях потери власти коммунистическим режимом начиналась борьба новой сформировавшейся элиты непуштунских этнических групп за свои локальные интересы, за политическую власть на местах. Не случайно в это время получили распространение идеи федеративного устройства государства, пропагандировавшиеся «Революционной организацией трудящихся Афганистана» (РОТА) и «Организацией федаинов трудящихся Афганистана» (ОФТА).²

В состав НИДА входили и парчамисты — сторонники Бабрака

¹ См.: Давлатабад-е Б.А. Шинаснама-и ахзаб ва джараянха-йе сияси-йе Афганистан. — Кум, 1992. — С. 140-141.

² По сообщению одного из лидеров РОТА в беседе с автором настоящей статьи, активисты этой организации принимали непосредственное участие в организационном становлении НИДА.

Кармалы, и конечно, ПИЕА. Постепенно, с приобретением контуров политической партии, представители многих политических партий прекратили свое сотрудничество с НИДА, некоторые (в основном этнические узбеки) из других политических партий перешли в НИДА. В начале июня 1992 г. в г. Мазар-и-Шарифе состоялся учредительный съезд НИДА, были приняты программа и устав, лидером НИДА был избран Абдул Рашид Достум.¹

Первоначально НИДА в этническом отношении не было чисто узбекским. В него входили и таджики, узбеки, хазарейцы. Однако по мере активизации военных действий и обострения межэтнических отношений в стране, движение НИДА стало известно больше всего как выразитель интересов узбеков Афганистана.

Создав НИДА, Достум постепенно подчинил себе шесть провинций севера и начал позиционировать себя, практически, как глава государства. Некоторые зарубежные страны имели в Мазар-и-Шарифе свои дипломатические представительства. НИДА также открывала свои представительства в ряде стран. Россия и Узбекистан, опасаясь распространения фундаментализма в регионе, использовали территории, подконтрольные Достуму, как буферную зону и всячески поощряли центробежные устремления генерала. Руководство НИДА наладило хорошие отношения с Узбекистаном и Турцией.

В организационном плане НИДА не было идеально устойчивым. Еще со времени формирования 53-й дивизии между фариабским кланом, возглавляемым Расулом Пахлаваном и его братьями Гуль Мохаммадом и Абдул Маликом, а также Гафаром Пахлаваном, и джаузджанским кланом в лице Достума, существовали разногласия по поводу распределения военного имущества. Со временем, когда правительство начало лучше обеспечивать дивизию всем необходимым, эти разногласия внешне были устранены. Тем не менее, после гибели Расула Пахлавана в 1996 г. в НИДА вновь усилились противоречия,

¹ За свою военную и политическую карьеру генерал Достум часто менял своих союзников. После прихода моджахедов к власти в 1992 г., когда Хекматиар, требуя вывести подразделения Достума из Кабула, постоянно подвергал город обстрелу, последний пользовался особым расположением у Бурхануддина Раббани. Но уже в конце 1993 г. Достум перешел на сторону своего давнего и яркого противника Хекматиара, начав войну с Раббани. Свергнуть президента в результате предпринятого 1 января 1994 г. переворота не удалось, и вооруженное противостояние приняло затяжной характер. Когда в Кандагаре появились талибы, Достум начал сотрудничать с ними: подвергая бомбардировкам позиции правительственных войск, Достум в высокой степени содействовал военным успехам талибов. После установления власти талибов над столицей Достум снова перешел на сторону Раббани и Масуда.

но на этот раз на качественно ином уровне. После убийства Пахлавана серьезно осложнились отношения Достума с Абдул Маликом.

19 мая 1997 г. Абдул Малик и его брат Гуль Мохаммад Пахлаван открыли войскам талибов западный фронт в Батгизе и Фариабе, отряды, верные Достуму, капитулировали. Малик арестовал бывшего губернатора Герата Исмаил-хана, гостившего в его собственном доме. 24 мая отряды Малика заняли Мазар-и-Шариф, а на следующий день талибы вошли в город. 27-28 мая, в результате вспыхнувшего в городе восстания, отряды талибов полностью были разгромлены. 29 мая Малик занял должность председателя НИДА вместо сбежавшего в Турцию Достума. Однако Малик не смог стать достойным преемником Достума на посту лидера НИДА, что привело к потере его позиций в Мазар-и-Шарифе и прилегающих к нему районах. 12 сентября из Турции вернулся Достум, и начались вооруженные столкновения между его сторонниками и войсками Малика. Достум быстро восстановил свое лидирующее положение в НИДА, а Малик отошел к Фариабу и затем покинул страну. В августе-сентябре следующего года Мазар-и-Шариф, Фариаб, Джаузджан, Хайратон, Саманган снова перешли под контроль талибов, и в этом немалую роль играл переход к ним отрядов НИДА. Таким образом, раскол узбекской общины все более усиливался, и НИДА — некогда самая организованная военно-политическая группировка в стране — практически распалась. Достум опять сбежал в Турцию, а Малик — в Иран. Достум вернулся в Афганистан только весной 2001 г. и начал вновь возрождать НИДА и его вооруженные формирования, принявшие участие в разгроме талибов осенью 2001 г.

После конференции в Бонне в 2001 г. Достум не получил какого-либо высокого поста, но его сторонникам досталось несколько министерских постов во Временной администрации. Он долго сохранял свои вооруженные подразделения, происходили нередкие вооруженные инциденты между его подразделениями и отрядами Мохаммада Ато, относящимися к ИОА (все они входили одновременно в состав Вооруженных сил Афганистана). Достум принял участие на президентских выборах 2004 г. в качестве кандидата от НИДА и получил 10% голосов избирателей. В начале 2005 г. указом президента ИРА Достум был назначен начальником Штаба Верховного Главнокомандующего, в связи с чем он по закону не мог оставаться на должности председателя партии. Руководителем НИДА был избран первый заместитель председателя Центрального совета НИДА Сейид Нурулла.

Абдул Малик, бывший инициатором раскола партии в 1997 г., создал и возглавляет партию под названием «Хезбе озоди-йе Афганистан» («Партия свободы Афганистана»).¹

Из НИДА вышел со своими последователями и лидер исмаилитов Афганистана Сейид Мансур Надери. Исмаилиты Афганистана наиболее компактно проживают в провинциях Бадахшан и Баглан, преимущественно в Каяне. При правительстве Наджибуллы из числа последователей секты исмаилитов в структуре Вооруженных сил Республики Афганистан была сформирована 80-я исмаилитская дивизия, державшая под контролем провинцию Баглан и 300-километровый участок дороги Хайратон — Кабул. Командовал дивизией сын С.М. Надери Сейид Джаффар Надери, одновременно являвшийся губернатором провинции Баглан. Дивизия приняла участие в вооруженном бунте против режима Наджибуллы в 1992 г., положившем начало его падению. В то время С.М. Надери и его последователи были в числе основателей НИДА, но на новом этапе исторического развития Афганистана они решили выступить как самостоятельная политическая сила и создали партию, которая называется «Хезбе пейванд-е мелли-йе Афганистан» (Партия национального соединения Афганистана), возглавляемую С.М. Надери.²

После свержения «Талибан» и формирования новой власти активизировали свою деятельность по созданию новых партий представители бывших левых партий и течений, в том числе и Народно-Демократической партии Афганистана (НДПА).

В августе 2003 г. объявила о своем существовании политическая партия «Хезбе моттахид-е мелли-йе Афганистан» («Объединенная национальная партия Афганистана», ОНПА). Партия считается продолжателем дела НДПА (фракции «Ватан»). Лидер партии — генерал-лейтенант Нурулхак Олуми.³ На это заявление сразу откликнулись

¹ Абдул Малик родился в 1963 г. в Фариабе, этнический узбек. Мать — пуштунка из семьи выходцев из Кандагарской провинции. Братья А. Малека — Р. Пахлавани и Г. Пахлавани вначале были командирами отряда моджахедов, А. Малик также начал свою карьеру в этом отряде. В 1987 г. он перешел на сторону правительства ДРА. Не имея военного образования, А. Малик в племенном узбекском батальоне своего брата сразу получил звание младшего лейтенанта. В 1993 г. он был уже генерал-полковником и начальником управления внешних связей НИДА. После убийства Р. Пахлавани был одновременно назначен губернатором Фариаба.

² Сейид Мансур Надери родился в 1933 г. в Каяне. Один из пяти сыновей бывшего главы исмаилитов Афганистана Сейида Надира Шаха Каяни, унаследовавший от него это положение. В период правления Амина трое из его братьев были казнены. Сам С.М. Надери был подвергнут тюремному заключению. Освобожден после свержения Амина. В 1986 г. стал членом Революционного совета ДРА. После установления власти «Талибан» над севером Афганистана, Надери выехал за пределы страны, проживал в Ташкенте.

³ Генерал-лейтенант Нурулхак Олуми, пуштун из клана мохаммадзаев, член парчамистского крыла НДПА. Военное образование получил в СССР и США. В 1985 г. — генерал-губернатор Кандагара и одновременно командир второго армейского корпуса, дислоцированного в Кандагаре. После победы моджахедов эмигрировал в Голландию.

Министерство юстиции и Верховный суд Афганистана, которые назвали ОНПА незаконной, так как, по их мнению, «во-первых, не принят закон о политических партиях и во-вторых она является правопреемницей коммунистической партии (НДПА, «Ватан»)).¹ Хотя основатели партии отрещивались от коммунистической идеологии, тем не менее ей долго отказывали в регистрации. Лишь в конце апреля — начале мая 2005 г. партия прошла регистрацию и получила официальное право на политическую деятельность. Есть информация, что в рядах партии состоит примерно 600 активных членов, в основном бывших сторонников НДПА.² В составе партии много отставных военных периода правления НДПА.

В 2005 г. были созданы и другие партии, так или иначе связанные с бывшей НДПА. Бывший член Политбюро ЦК НДПА, бывший министр обороны Республики Афганистан (1988-1990), генерал-полковник Шахнаваз Танай возглавил партию — «Ди Афганистан ди сули гурзанд гунд» («Движение мира Афганистана»)).³ «Хезбе вахдат-е мелли-йе Афганистан» («Партия национального единства Афганистана», ПНЕА) — так называется партия, возглавленная другим бывшим высокопоставленным функционером НДПА (фракция «Хальк») Абдур Рашидом Джалили.⁴ В Министерстве юстиции ИРА в предвыборный период прошла регистрацию и политическая партия под названием «Хезбе мелли-йе Афганистан» («Национальная партия Афганистана»). Ее лидер Абдул Рашид Ариан, также в прошлом входил в состав руководства НДПА, работал на различных высоких должностях в революционном

¹ Моджахед. — Кабул, 2003. — 27 августа.

² Аманжол И. Афганская палитра: партии, движения и политическая элита //Саясат-Policy. — Алматы, 2004. — № 10 (октябрь). — С. 12.

³ Ш.Танай родился в 1952 г., пуштун из провинции Пактии. Окончил военное училище, а также 9 месячные курсы в СССР. Командовал батальоном спецназа, Центральным военным корпусом, в 1984 г. был назначен начальником Генштаба, а в 1988 г. возглавил Министерство обороны. 6 марта 1990 г. возглавил неудачный путч против Наджибуллы, после которого сбежал в Пакистан и по некоторым данным жил на правах гостя Межвойсковой разведки Пакистана (ISI). **В Афганистан появился уже в составе военных отрядов движения «Талибан», воевавших против различных отрядов моджахедов и против правительственных войск. Не исключено, что ядро партии составляют его сторонники из числа бывших военных Вооруженных сил РА, представлявшие фракцию «Хальк».** См. интервью с ним на стр.

⁴ А.Р. Джалили родился в 1938 г. в провинции Кунар. Окончил Кабульский университет, получил степень магистра по микробиологии в США, а кандидата наук — в СССР. Трудовую деятельность начал преподавателем сельскохозяйственного факультета Кабульского университета. В 1969 г. прошел стажировку в Объединенной Арабской Республике. После Апрельской революции работал ректором Кабульского университета, министром просвещения, в 1979 г. — министром сельского хозяйства и земельной реформы. В октябре 1979 г. был избран членом Политбюро ЦК НДПА, а после свержения режима Х. Амина (с 27 декабря 1979 по 16 марта 1990 гг.) находился в тюрьме. — Афганистан. Краткий биографический справочник. Составитель Г.П. Ежов. — М., 2004. — С. 100. См. также: Ди Афганистан каланай. — Кабул, 1358 (1979). — № 44. — С. 585.

правительстве.¹ Еще один бывший член халькистского крыла НДПА, Мияголь Васек, создал партию под названием «Хезбе рифах-е мардом-е Афганистан» (Партия благоденствия афганского народа) и получил официальное разрешение на политическую деятельность. Прошла регистрацию и «Хезб-е демокрот-е Афганистан» («Демократическая партия Афганистана»). Его возглавляет бывший парчамист Абдул Кабир Ранджбар.²

Между тем в изгнании (в ФРГ) функционирует и сама партия «Ватан» (НДПА), которую возглавляет некий Мохаммад Иса, а в Голландии прошла конференция, в которой приняли участие более 400 представителей бывшей НДПА (в основном парчамисты). В их числе бывшие руководители Нур Ахмад Нур, Махмуд Барьялай, Наджмиддин Кавиани, которые, в частности, заявляли, что они не претендуют на руководство партией, и что эту ответственность должны взять на себя молодые. Участники конференции назвали партию «Отечественным движением за мир и демократию»³. Данных о регистрации, какой-либо организации под таким названием в Министерстве юстиции Афганистана нет.

Кроме бывших сторонников НДПА ведут активную организационную работу по формированию политических партий и представители других бывших политических организаций левой ориентации. Однако не все они прошли регистрацию. Среди зарегистрированных во влиятельную партию, во всяком случае, среди пуштунов, может превратиться партия «Афган социал демократ» («Социал-демократическая партия Афганистана») («Афган меллат»).

¹ Родился в 1941 г. в Кандагаре, пуштун. Работал наборщиком в Кандагарской типографии, в 1958 г. был назначен и.о. директора этой типографии. В 1959 г. — сотрудник газеты «Туде афган» в Кандагаре, член НДПА (фракция «Хальк»). Партийную работу начал с должности секретаря Кандагарского провинциального комитета НДПА. В 1977 г. был избран членом объединенного ЦК НДПА. После Апрельской революции — член Ревсовета, замминистра культуры, секретарь Кабульского городского комитета НДПА. Осенью 1978 г. — посол в Пакистане. Его брат был участником вооруженного выступления против Амина в 1979 г. в дивизии Ришхура, за что был казнен. Сам А.Р. Ариан был арестован. После свержения режима Х. Амина работал на таких должностях как зам. премьер-министра, министр юстиции, генеральный прокурор. В январе 1983 г. — председатель Комиссии партийного контроля при ЦК НДПА. Избирался зам. председателем Ревсовета, членом парламента, председателем комиссии по международным делам Сената. После неудачного путча Ш. Танаи в марте 1990 г. ушел в подполье, предположительно — выехал за пределы страны. — Афганистан. Краткий биографический справочник. Составитель Г.П. Ежов. — М., 2004. — С. С. 42.

² А.К. Ранджбар высшее образование получил в СССР, там же защитил кандидатскую диссертацию по экономике Афганистана. В конце 80-х гг. занимал пост вице-президента Академии наук Афганистана, а с 1989 г. — помощник президента Наджибуллы по вопросам работы местных советов и джирг.

³ Акбар Мохаммад Исмаил. Фасли ахир. Морур-е шитабалуд бар хавадис-е баъд аз 11 сентябрь дар Афганистан. — Кабул, 2003. — С. 134.

Руководители «Афган меллат» Анвар уль-Хак Ахади,¹ Ашраф Гани Ахмадзай (возглавлял министерство финансов в переходном правительстве Х. Карзая, ныне ректор Кабульского университета) и другие, долгое время проживавшие и прошедшие обучение в США, имеющие гражданство этой страны, обладают большим весом и влиянием в правительстве Х. Карзая. Вообще же, «Социал-демократическая партия Афганистана» (СДПА) была создана в 1965 г. и больше известна по названию своего печатного органа — газеты «Афган меллат», которая начала выходить в 1966 г. Основателем и руководителем партии был инженер Гулам Мохаммад Фархад.² По некоторым данным, идеологи социал-демократической партии и тогда опирались на поддержку видных представителей правящей династии. Газета «Афган меллат», выходившая с некоторыми перерывами до июльского переворота 1973 г., пропагандировала идею возрождения прошлого величия Афганистана с включением в него «потерянных территорий». «Афган меллат» предъявляла территориальные притязания не только к Пакистану, но и к СССР и Ирану. Газета резко критиковала Пакистан за угнетение пуштунов, насильственно включенных в его состав. В газете «Афган меллат» печатались статьи, объявлявшие таджиков, узбеков, туркмен и другие национальные меньшинства, иммигрантами. Лидеры «Афган меллат» занимали крайнюю националистическую позицию в вопросе официальных языков. Они выступали за то, чтобы придать только одному языку — пуштунскому, статус официального языка.

В целом, социал-демократическая партия Афганистана в общественно-политических кругах была известна как националистическая пуштунская организация, и это обстоятельство мешало ей привлечь на свою сторону видных представителей интеллигенции. По данным В.В. Басова, накануне апрельского переворота ее численность не превышала

¹ Родился в 1951 г. в Кабуле, пуштун. Выпускник лицея «Хабибия» (1969). Окончил американский университет в Бейруте (Ливан), получил степень бакалавра и магистра, затем переехал в США, изучал политические науки в Миннесоте, подготовил докторскую диссертацию и работал в течение двух лет в «Континенталь банке» в Чикаго. С 1987 по 2002 гг. — профессор политических наук университета Провиденс, сфера его научных интересов — политика на Среднем Востоке, международные отношения, политэкономия, теория революции. А. Ахади был гражданином США (отказался от него в связи с избранием его на пост министра финансов ИРА), член «Афган меллат» с 1969 г., с 1995 г. возглавляет ее. Занимал пост председателя Национального банка Афганистана во временной администрации и в переходном правительстве Афганистана.

² Гулам Мохаммад Фархад родился в 1901 г. в Майдане (провинция Вардак). Учился в лицее Хабибия, в 1921 г. был направлен в Германию, где учился на инженера-электрика в Мюнхенском техническом университете. После возвращения в Афганистан работал преподавателем лицея «Наджат», начальником электротехнического отдела завода «Машинхана», начальником Управления электроэнергетики Министерства общественных работ, был президентом компании «Электроэнергия». В 1948 г. был избран мэром Кабула.

одной — двух тысяч человек¹. Многие из ее членов после Апрельской революции присоединились к НДПА, другие эмигрировали на Запад, а партия объявила о своем самороспуске. Однако ядро партии осталось, и с конца 1980-х — начала 1990-х гг., когда усилились межэтнические противоречия, особенно после того как власть в Кабуле перешла к таджикам, «Афган меллат» вновь заговорила о себе. Представители «Афган меллат» поддерживали движение «Талибан», выступавшее под исламскими лозунгами, но одновременно ставившее задачу восстановления доминирующего положения пуштунов в афганском государстве. Когда в 2001 г. встал вопрос о свержении режима «Талибана» и формирования правительства на широкой коалиционной основе, лидеры «Афган меллат» вошли в «Римскую группировку», на которую делали в то время ставку американцы. Некоторые лидеры «Афган меллат» получили важнейшие посты в переходном правительстве Хамида Карзая.

Другую историю имеет «Хезбе конгура-йе мелли-йе Афганистан» (Партия национального конгресса Афганистана), ПНКА). Идея создания этой партии зародилась среди афганской интеллигенции, проживавшей в Европе. Лидером партии является Абдул Латиф Педрам, известный поэт и политический деятель, баллотировавшийся на пост президента ИРА на прошедших в октябре 2004 г. президентских выборах. По итогам выборов получил 1,4% голосов избирателей. А.Л. Педрам родился в селение Маймай, уезда Дарваз провинции Бадахшан, таджик. Окончил Кабульский университет. Член Революционной организации трудящихся Афганистана (РОТА), основанной Мохамадом Тахиром Бадахши после его выхода из НДПА (фракция «Хальк») в 1968 г. Тогда она называлась «Кружком ожидания», а название РОТА официально закрепилась за ней после того, как в ее рядах произошел раскол. Одно крыло (сторонники Б. Баэса) получило название «Организация федаинов трудящихся Афганистана» (ОФТА), а другое (сторонники М.Т. Бадахши) — «Революционная организация трудящихся Афганистана» (РОТА).

РОТА стояла на идейной платформе марксизма-ленинизма, но старалась отказаться от беспрекословного следования политике КПСС и других коммунистических партий. Главная цель организации, состоявшей из представителей непуштунских этнических групп, состояла в искоренение национального гнета, которому подвергалось непуштунское население со стороны пуштунского правящего класса, РОТА выдвигала идею создания федеративного государства на этнических принципах. После Апрельской революции, когда ОФТА волилась в НДПА, а РОТА

¹ Актуальные вопросы афганской революции. — М.: Наука, 1984. — С. 507.

подписала Протокол о сотрудничестве с ней, А.Л. Педрам занял должность заместителя главного редактора газеты ЦК НДПА «Пайям». В 1989 г. примкнул к Ахмад Шаху Масуду, а затем эмигрировал в Париж. Вернулся в Афганистан лидером новой политической партии. Его предвыборная пропаганда, как кандидата на пост президента страны, строилась на острой критике деятельности переходного правительства, особенно «шовинистических кругов в нем», поведения американских военных в Афганистане. В его программе красной нитью проходил вопрос о создании национального государства, развитии демократии, обеспечении равноправия всех народов, населяющих Афганистан путем создания федеративного государства, недопущении создания военных баз иностранных государств на территории Афганистана.

Ведут активную политическую деятельность и роялисты, большинство которых объединены в «Движение национального единства Афганистана» («Тахрик-е вахдати мелли-йе Афганистан»). Лидером партии является племянник Захир Шаха и муж его сестры Хумайры Султан Махмуд Гази (второй сын дяди экс-короля Шах Махмуд-хана, премьер-министра Афганистана в 1946-1952 гг., либеральные мероприятия которого оказали серьезное влияние на дальнейший ход общественно-политического развития страны).¹ Цель партии — провозглашение конституционной монархии, она выступает за обеспечение представительства всех этнических групп Афганистана в руководстве страны согласно их численности. Одним из авторитетных членов партии является Азизулла Васафи² — один из влиятельнейших политических деятелей, при Захир Шахе он несколько раз избирался депутатом парламента от Кандагара. При М.Дауде в 1975 г. возглавил министерство сельского хозяйства, был председателем Лойя Джирги 1977 г., которая подтвердила легитимность власти М. Дауда. В последние годы являлся советником М. Захир Шаха в Риме, был участником Боннской конференции.

Из наиболее известных деятелей прошлых режимов из числа сторонников Мохаммада Захир Шаха, вернувшихся к активной политической деятельности, следует назвать также Тадж Мохаммада

¹ Султан Махмуд родился в 1925 г. окончил лицей «Эстежля» и Лозаннский университет. В 1950-1953 гг. получил степени бакалавра гуманитарных наук в Монреальском университете (Канада). С 1953 по 1956 г. работал начальником отдела исследований при аппарате премьер-министра, генеральным директором управления воздушного сообщения и одновременно президент афганской авиакомпании «Ариана», являлся создателем и президентом внутренней авиакомпании «Бохтар». В 1977 г. ушел в отставку и проживал в США — Афганистан. Краткий биографический справочник. Составитель Г.П.Ежов. — М., 2004. — С. 78-79.

² Аманжол И. Афганская палитра: партии, движения и политическая элита// Саясат-Policy. — Алматы, 2004. — № 10 (октябрь). — С.12.

Вардака, который возглавил «Хезбе эстеклял-е мелли-йе Афганистан» («Партия национальной независимости Афганистана», ПННА). Тадж Мохаммад Вардак до Апрельской революции занимал пост губернатора провинции Бадахшан, затем эмигрировал на Запад. В 2002 г. после отставки Ю. Кануни с поста министра внутренних дел Вардак возглавил это министерство и пообещал, что если в течение одного года не удастся навести порядок он уйдет в отставку. Он сдержал свое обещание и передал министерское кресло Али Ахмаду Джалали. Вардак баллотировался на пост президента ИРА на президентских выборах 2004 г., считается умеренным и прагматичным политиком.

В рамках одной статьи дать информацию обо всех партиях, даже зарегистрированных, очень трудно. Более того, многие из них только возникли, ничем не проявили себя, к тому же их лидеры — неизвестные люди на политической сцене Афганистана. Очевидно одно: в настоящее время деятельность по созданию новых партий, особенно если заявляют о своей приверженности идеям демократии западного образца, поощряется. Неслучайно, первыми прошли регистрацию партии под такими названиям как «Республиканская партия Афганистана» (лидер Сибгатулла Санджар), «Партия национальной солидарности молодежи Афганистана» (лидер Мохаммад Джамил Карзай) и другие. Только будущее покажет, насколько приживутся эти идеи на новом историческом этапе и в новых условиях в традиционном афганском обществе. А пока в формировании политических партий, четко наблюдается все то же традиционное влияние племенных традиций, национально-этнического и исламского факторов.

Афганские парламентские выборы и дилеммы центральноазиатской политики США

А.А. Князев

5 декабря 2001 г. в одном из пригородов Бонна были подписаны соглашения, принятые мировым сообществом за план мирного урегулирования в Афганистане. Реализованные к сентябрю 2005 г. «этапы большого пути» выглядят так:

- свержение власти талибов, создание временной администрации (ноябрь-декабрь 2001 г.);
- проведение Лояя Джирги и создание переходного правительства (июль 2002 г.);
- принятие конституции (январь 2004 г.);
- выборы президента (октябрь 2004 г.).

Проведение парламентских выборов должно было стать итогом этого процесса, означающим завершение миростроительства и превращение Афганистана в демократическое и успешно развивающееся государство.

18 сентября в Афганистане состоялись парламентские выборы и параллельные выборы в советы провинций. Афганцы голосовали за состав нижней палаты парламента («Вулеси джирга»), состоящей из 249 членов, а также за 420 депутатов, которые будут заседать в 34 советах провинций. В предвыборный период было всякое: множество нападений на работников избирательных комиссий, кандидатов в депутаты, правительственных чиновников и офицеров полиции. Ситуация в отдаленных сельских районах страны, каковых в Афганистане большинство, правительством абсолютно не контролировалась. Кандагар, для сведения к минимуму вероятности насилия, при помощи армейских подразделений был закрыт для посторонних, было запрещено движение всех видов транспорта. Безопасность выборов обеспечивали в общей сложности около 40 тысяч афганских полицейских и 30 тысяч военнослужащих США и НАТО. При этом как в предвыборный период, так и в последующем, интенсивность боевых действий во многих регионах страны была весьма высока.¹

¹ По официальным данным Центрального военного командования США (CENTKOM) на 31 октября 2005 г., совокупные потери американских войск за все время их пребывания в Ираке и Афганистане составили 18048 военнослужащих, в том числе 2246 убитыми и 15802 ранеными. С момента ввода американского контингента в Афганистан 7 октября 2001 г. общие боевые и санитарные потери США составили 829 военнослужащих, из них 246 убитыми и 583 ранеными. «В связи с активизацией действий боевиков в Афганистане отмечается устойчивая тенденция ежегодного роста потерь убитыми среди американских военных в этой стране», — отмечается в документе. За неполные три месяца 2001 г. в Афганистане погибли 12 американцев, в 2002 г. — 43, в 2003 г. — 47, в 2004 г. — 52, а за 10 месяцев 2005 г. — 92 человека. — ИТАР-ТАСС. — М., 2005. — 31 октября.

Начало дня выборов ознаменовалось ракетным обстрелом миссии ООН в Кабуле. Две ракеты, выпущенные по комплексу зданий ООН, вызвали небольшой пожар и ранили афганского сотрудника миссии. В Кандагаре погиб французский солдат, еще один получил тяжелые ранения. Во многих районах, особенно на границе с Пакистаном, отмечалась повышенная активность боевиков. По официальным данным в результате различных инцидентов в день выборов погибли пятнадцать человек... Помимо столицы, подверглись ракетным обстрелам ряд объектов в Газни, Бадахшане и Хосте. В Хосте были арестованы лица, пытавшиеся пронести на избирательный участок взрывные устройства.

Явка избирателей оказалась удручающе низкой: даже по первичным официальным данным на избирательные участки пришло чуть более 50 % из примерно 12 миллионов внесенных в списки избирателей. 15 избирательных участков не открылись из соображений безопасности, а еще один был просто взорван. По утверждению представителей избирательных комиссий, явка 18 сентября была на 20 % ниже той, что была зафиксирована на президентских выборах в октябре 2004 г. Официальные власти называли несколько возможных причин невысокой активности граждан, включая путаницу в ходе избирательного процесса и нежелание людей голосовать за кандидатов, связанных с полевыми командирами. Примечательно, что еще летом спецпредставитель ООН Жан Арно заявлял: через четыре года после свержения режима талибов многие афганцы испытывают чувство разочарования, поскольку условия их жизни не улучшились. По словам Арно, в Афганистане царит коррупция, работает некомпетентная администрация, чересчур мало результатов достигнуто в сфере восстановления разрушенной инфраструктуры.¹

Сбор урн с бюллетенями начался сразу же после закрытия 18 сентября избирательных участков. Угроза взрыва бомбы, оказавшаяся ложной, замедлила этот процесс на несколько часов в Кандагаре. Окружные координаторы ЖЕМВ² охраняли бюллетени до того момента, как они были доставлены в центр подсчета голосов в Кандагаре, где 20 сентября начался процесс обобщения данных. В сборе бюллетеней участвовали вертолеты афганской национальной армии, международных коалиционных сил и подразделений армии США. «Главная забота ЖЕМВ — не допустить, чтобы бюллетени остались в сельской местности, где их труднее охранять», — заявлял Жиль Пирс-Бересфорд, глава службы безопасности ЖЕМВ в Кандагаре.

¹ ИТАР-ТАСС. — Нью-Йорк, 2005. — 27 июня.

² Совместная комиссия по контролю за выборами.

Уже в день выборов администрация Карзая получала поздравления. Генеральный секретарь НАТО Яап де Хооп Схеффер в своем заявлении назвал выборы «еще одним шагом Афганистана к возрождению, миру и стабильности», европейский комиссар по внешним связям Бенита Ферреро-Вальднер считает выборы в Афганистане «очередной вехой на пути к миру стабильности, по которому Афганистан движется после 2001 года». В распространенном пресс-службой Белого дома письменном заявлении выборы были названы «большим шагом вперед в развитии Афганистана как демократического государства, руководствующегося главенством закона». Итоги парламентских выборов в Афганистане в России рассматривают «как свидетельство стремления афганского народа к преодолению тяжелого наследия режима талибов и продвижения по пути демократических преобразований, к политической стабильности и процветанию». «Избрание парламента знаменует завершение Боннского политического процесса и формирование демократических институтов государственной власти этой страны», — подчеркивалось в официальном заявлении МИД РФ.¹

Ну, а известный лидер террористов Айман аль-Завахири уже на второй день после выборов в трансляции телеканала «Al Jazeera» назвал афганские выборы нелегитимными, поскольку север страны и Кабул под американской оккупацией превратились в «зону хаоса, грабежей, воровства, насилия и наркоторговли», а на остальной территории по-прежнему правят полевые командиры. «Что они [американцы] сделали? Они выгнали талибское правительство из Кабула, но оно действует в горах и в сельской местности, где лежит основная мощь Афганистана... — вещал аль-Завахири. — Выборы были по большей части маскарадом, поскольку многие регионы страны находятся под контролем банд грабителей и полевых командиров, а международные наблюдатели... не могут проследить и за десятой частью районов». «Эти выборы — жестокая насмешка над угнетаемым афганским народом, они призваны установить гегемонию США в Афганистане», — говорилось в заявлении лидера «Талибана» муллы Мохаммада Омара.²

Кстати, активисты многих правозащитных движений подвергли афганское правительство резкой критике за то, что оно не выработало строгих критериев, которые могли бы предотвратить избрание на выборные должности ряда полевых командиров. Избирательные комиссии сняли с выборов более тридцати кандидатов за связь с отрядами полевых командиров. Однако значительному числу лиц

¹ РИА «Новости». — М., 2005. — 20 сентября.

² Al Jazeera. — 2005. — September, 19.

из этой категории, было разрешено баллотироваться. Сами они, конечно, не были согласны с тем, что полевые командиры — особенно из числа моджахедов, сражавшихся с советскими войсками, а затем с боевиками «Талибана», — представляют собой преграду на пути демократии. По большому счету, апелляции к подобному недавнему прошлому многих кандидатов стали поводом для устранения из числа кандидатов сторонников бывшего Северного альянса, большинство из которых откровенно оппозиционны Хамиду Карзаю. Ситуация в Афганистане вообще в истории мало когда была простой и понятной. Комплекс нерешенных противоречий и потенциальных конфликтов к осени 2005 г. делает ее еще более запутанной и непредсказуемой. У центральной власти появляются все новые и новые проблемы, в том числе — вызов влиятельных полевых командиров на западе и севере страны. Повод и причины конфликта между провинциями и столицей лежат на поверхности: полевые командиры, обладающие на местах неограниченной властью, в очередной раз показали, что не готовы уступать ее президенту и правительству. Карзай через кадровую политику и иными способами пытается расширить свое влияние за пределы Кабула. Центральное правительство при поддержке сил ISAF и американских войск по-прежнему контролирует лишь малую часть страны, ограничиваясь столицей и ее окрестностями.

Сразу после выборов некоторые лидеры политических партий выразили свое удовлетворение ходом голосования. «Выборы прошли в целом в свободной атмосфере, я абсолютно доволен ими», — заявил лидер «Хезб-е демокрот-е Афганистан» («Демократическая партия Афганистана»), один из кандидатов в депутаты Адбул Кабир Ранджбар. Лидер главного оппозиционного блока «Шура-йе тафахом-е мелли» («Фронт Национального согласия») Юнус Кануни воздержался от комментариев, заявив, что его штаб изучает информацию о нарушениях на избирательных участках. Хаджи Мохаммад Мохаккик, лидер «Хезб-е вахдате ислами-йе мардом-е Афганистан» («Партия исламского единства народа Афганистана»), входящей в блок с партией Кануни, напротив, высказал свое удовлетворение ходом голосования, добавив: «Надеюсь, что процесс подсчета также пройдет без фальсификаций».¹

К 30 сентября было подсчитано чуть более 50% голосов, в целом по стране отданных за кандидатов в «Вулеси джиргу». Среди лидирующих кандидатов из числа известных политиков в Кабуле были Хаджи Мохаммад Мохаккик, Абдур Расул Сайяф и Юнус Кануни, в Бадахшане — Бурханутдин Раббани, в Панджшере — Мохаммад Солах Регистони,

¹ IRNA. — Tehran, 2005. — September, 20.

в Кандагаре — Нурулках Олуми и другие. 6 октября в Кабуле ожидали первых официальных результатов, что было обещано представителями избиркома. По словам представителей избиркома, предварительные итоги голосования будут оглашаться поэтапно, потому что власти опасаются, что многие из проигравших кандидатов обратятся в избирательную комиссию с жалобами, в связи с чем возможны массовые беспорядки.

Нестабильность ситуации в Афганистане требует реагирования и со стороны НАТО. Прибывший 5 октября в Кабул Генеральный секретарь Североатлантического альянса Яап де Хооп Схеффер сразу заявил о предстоящем увеличении миротворческого контингента НАТО в Афганистане до 15 тысяч человек. Одновременно с этим предполагается расширить зону ответственности подразделений альянса. Решение руководства альянса увеличить контингент сил НАТО недвусмысленно свидетельствует о чрезвычайной сложности складывающейся сегодня в Афганистане обстановки. Очевидно, что выполнение миротворческих функций становится более сложным делом и требует присутствия дополнительных подразделений. Нынешний формат участия посланцев НАТО в миссии по поддержанию стабильности и безопасности в самой сердцевине Центральной Азии уже не может обеспечить ни первое, ни второе. Это фактически и признал своим заявлением 5 октября генеральный секретарь НАТО. Заявление Яапа де Хооп Схеффера от 5 октября о готовности НАТО взять контроль над южными провинциями страны, разместив там англо-канадско-голландские части, фактически означает намерение командования альянса принять активное участие в боевых действиях против вооруженной оппозиции. Увеличение контингента НАТО до 15 тысяч человек (что уже сопоставимо с размером 20-тысячной военной группировки США в Афганистане), готовность руководства альянса напрямую участвовать в военных операциях против талибов говорит об успешности курса США на формирование системы «равной ответственности» с европейцами за ситуацию в Афганистане.

До порядка в стране действительно далеко: боевики движения «Талибан» сделали все, чтобы сделать дискомфортным пребывание в стране госсекретаря США Кондолизы Райс. 12 октября, за считанные часы до начала визита Райс, в Кабуле разорвались две ракеты. Одна упала рядом с резиденцией посла Канады, откуда до американского посольства, президентского дворца и штаб-квартиры ISAF — всего километр. А когда Райс уже встречалась с Хамидом Карзаем, в провинции Урузган те же талибы совершили две диверсии: расстреляли шестерых полицейских и пятерых врачей, сотрудников неправительственных организаций.

Визит Кондолизы Райс в Кабул стал своеобразной инспекцией, целью которой было проследить, насколько успешно развивается демократия в Афганистане. Главной темой переговоров госсекретаря США и президента Карзая была ситуация в стране после парламентских выборов. К этому времени уже очевидно, что административный ресурс сработал не так, как ожидали наблюдатели. Со дня голосования прошло три недели, а результаты объявлять не спешат. Власти объясняют это многочисленными нарушениями в ходе подсчета голосов и жалобами населения на манипуляции сотрудников избиркомов с урнами. Главным нарушением считается вброс фальшивых бюллетеней. По этой и другим причинам на урны с почти тысячи избирательных участков (около 4% от общего числа) наложен карантин, по ним еще предстоит разбирательство. Пока же на выборах в парламент лидируют вовсе не кандидаты от власти, а оппозиционеры и бывшие полевые командиры.

22 октября, несмотря на то, что итоги выборов еще не были объявлены, президент США Джордж Буш поздравил Афганистан с успешным проведением парламентских выборов, назвав их «большим шагом вперед в развитии Афганистана как демократического государства, руководствующего главенством закона». «Мы отмечаем огромный прогресс, которого в последние годы добился афганский народ, и мы обещаем полную поддержку со своей стороны, в то время как Афганистан будет действовать, чтобы ответить на стоящие впереди вызовы», — говорилось в заявлении президента США.¹

23 октября президент Афганистана Хамид Карзай обратился с призывом к афганскому народу принять результаты прошедших парламентских выборов.² А 29 октября лидер партии «Хезбе конгура-йе мелли-йе Афганистан» (Партия национального конгресса Афганистана) Латиф Педрам призвал к повторному проведению подсчета голосов, ссылаясь на некий документ, где, по его словам, говорится о недопущении в ряды депутатов будущего парламента страны четырех кандидатов (Вакифа Хаками, Башира Бежана, Хафиза Мансура, доктора Махди). «В нашем распоряжении достаточно доказательств, свидетельствующих

¹ Associated Press. — Washington, 2005. — October, 22.

² Бахтар. — Кабул, 2005. — 23 октября. К этому времени после жалоб ряда кандидатов уволено 50 сотрудников избирательных участков. По словам официальных представителей Совместной избирательной комиссии, уволенные сотрудники подозреваются в причастности к махинациям, в результате которых при окончательном подсчете голосов не были учтены бюллетени из более чем 650-ти избирательных урн, что составило примерно 3% от общего числа поданных бюллетеней. Некоторые афганские СМИ сообщали о продаже избирательных бюллетеней сотрудниками избирательных участков. Возможно, что эти нарушения были спровоцированы самим избиркомом, созданным ООН, — общее количество напечатанных бюллетеней составило 40 млн., в то время как общее количество избирателей в стране составило около 12 млн. человек.

о фальсификации выборов», — отметил Педрам. В свою очередь, Юнус Кануни заявил: «Согласно предварительным результатам, опубликованным на сегодняшний день, большинство мест в будущем парламенте Афганистана получили сторонники входящих в нашу коалицию партий».¹ 31 октября избирательная комиссия вновь заявила о том, что оглашение окончательных результатов парламентских выборов опять откладывается на неопределенный срок. Очередная, уже пятая отсрочка объявления официальных результатов, мотивировалась необходимостью проверить многочисленные жалобы об имевших место подтасовках результатов голосования. В избирательную комиссию поступило 2300 различных жалоб, более 500 из них касаются нарушений при подведении итогов выборов. 1 ноября в Кабуле прошли демонстрации недовольных ходом подсчета голосов на прошедших парламентских выборах. Демонстранты требовали повторного подсчета в Пактике, Багла-не, Пактии, Хосте, Логаре, Газни, Балхе и Вардаке. В Совместной избирательной комиссии все обвинения назвали необоснованными, заявив, что демонстрация организована проигравшими кандидатами. 12 ноября итоги выборов были опубликованы. Особенностью нового парламента стало вхождение в него бывших высокопоставленных представителей движения «Талибан» и правительств 1980-х гг.²

В этой ситуации результаты изначально оказываются дискредитированными, и фактически не имеют особого значения для последующего развития внутривнутриполитической ситуации. Доверие жителей Афганистана к составу формируемого парламента страны подорвано полностью, а его легитимность вызывает вполне обоснованные опасения. Показателен пример, который возмутил жителей Кундуза, и послужил поводом для беспорядков в городе и одноименной провинции. Когда местные власти попытались опубликовать результаты выборов в провинциальный законодательный орган, оказалось, что в списке одной из победивших партий фигурировали два депутата, фамилии которых даже не были включены в избирательные бюллетени.

Если формально следовать логике международного права, с проведением парламентских выборов Афганистан прочно встал на путь мирного демократического строительства. Правда, мало кто за пределами Афганистана сегодня вспоминает о том, что параллельно с выборами в парламент проходили и выборы в провинциальные советы. Будущий парламент, скорее всего, будет в высокой степени фрагментированным, а вошедшие в него этнополитические и группы

¹ Afghan Information Network. — Kabul, 2005. — October, 29.

² Reuters. — Kabul, 2005. — October, 13.

сосредоточатся на собственных интересах. Таким образом, центральный законодательный орган не станет большой помехой для реализации правительством Хамида Карзая той или иной политической стратегии. Однако о реальном положении в стране и о том, кого поддерживает население Афганистана, можно будет судить именно по выборам в местные советы, куда представителям талибов или иных экстремистских группировок попасть значительно проще. Отнюдь не исключено, что местные органы власти окажутся не просто параллельными, но и оппозиционными по отношению к центральным властям структурами. А значит, и структурами все более нарастающего сопротивления американскому военному присутствию. Основная проблема государственного строительства Афганистана все более состоит в том, что логика развития событий внутри и вокруг Афганистана постепенно возвращается к 1994 г., ко времени появления на политической сцене талибов. Впрочем, это, вероятно, объективный процесс развития афганского государства, политическая среда которого не может выдвинуть лидеров, способных какой-либо общенациональной идеей или политическими мерами сплотить страну.

Вопрос о том, как оценивать ситуацию в Афганистане после парламентских выборов имеет, конечно, не только внутриафганское звучание. Признание выборов соответствующими общепринятым мировым стандартам, которое не так уж трудно было обеспечить через инструменты ООН и ОБСЕ, актуализирует вопрос об американском военном присутствии в странах Центральной Азии.

Узбекистан определился с выводом американской военной базы из Ханабада-Карши. Нота МИД Узбекистана по поводу вывода американского воинского контингента с базы в Ханабаде, расположенной в Кашкадарьинской области республики, была передана американской стороне в конце июля 2005 г. В комментариях МИД РУ к ноте от 3 августа 2005 г. отмечалось, что она «явилась для СМИ западных стран очередным поводом развернуть шумное обсуждение состояния американо-узбекских отношений в целом, а в частности, указанного решения узбекского правительства, сопровождаая свои материалы выдвиганием самых различных версий и пытаясь объяснить мотивы, которыми руководствовалась республика... анализ публикаций в зарубежной печати и заявлений, прозвучавших в выступлениях ряда аналитиков и политобозревателей, демонстрирует, что в них в основном присутствует версия о том, что требования Ташкента о выводе американского контингента из Ханабада обусловлены исключительно политическим давлением со стороны США на руководство Узбекистана

в связи с событиями в Андижане. Между тем, при объективном взгляде на эту ситуацию, подкрепленном информацией о предыстории решения узбекских властей о выводе американского контингента с территории республики, представляется, что все это — сознательная попытка извратить события и поставить их «с ног на голову»... Так, в частности, решения об ограничении полетов ВВС США принимались, начиная с середины 2004 г., то есть задолго до трагических событий в Андижане. Поэтому какая-то связь между трагическими событиями в Андижане и требованием о выводе американского контингента из Ханабада безосновательна... Подписанное еще 7 октября 2001 г. Соглашение о передаче в пользование Вооруженным Силам США аэродрома Ханабад для проведения поисково-спасательных и гуманитарных операций в период осуществления боевых действий на территории Афганистана практически исчерпало себя. Соглашение, в соответствии с его статьей 18-й, заключалось сроком на 1 год, но продолжало оставаться в силе, пока одна из сторон (Узбекистан или США) не прекратит его действие письменным уведомлением за 180 дней по дипломатическим каналам. Как известно по заявлениям официальных лиц США, активная фаза военных действий в Афганистане завершилась еще в 2002 году. Кроме того, при более внимательном прочтении ноты внешнеполитического ведомства Узбекистана можно заметить, что в ней подчеркивается, что узбекская сторона неоднократно обращалась к руководству Госдепартамента и Пентагона с просьбой рассмотреть и решить вопросы, связанные со статусом аэродрома Ханабад, имея в виду, что его использование ВВС США неразрывно связано с завершением военной кампании в Афганистане. В действительности Узбекистан обращался к главам вышеназванных ведомств более шести раз. И начались эти обращения еще в конце 2002 г., опять-таки задолго до событий в Андижанской области. Однако надо признать, что фактически американская сторона под различными предлогами уклонялась от решения данного вопроса. Поэтому всякие попытки навязать общественному мнению версию о политической подоплеке решения узбекского правительства о выводе американского контингента с аэродрома Ханабад надо рассматривать как ни что иное, как стремление нагнетать обстановку в узбекско-американских отношениях, искусственно увязывая это решение с событиями в Андижане. Следует отметить, что в ноте МИД от имени Узбекского правительства подчеркивается, что Узбекистан и впредь продолжит свое активное участие в международной антитеррористической коалиции, а также сотрудничество с США в

борьбе с международным терроризмом, радикальным экстремизмом, наркотрафиком и другими угрозами миру и безопасности».¹

«Сегодня боевые действия американского контингента в Афганистане практически полностью ограничиваются операциями на юге и юго-востоке страны вблизи афгано-пакистанской границы, где еще остаются разрозненные группы талибов и боевиков «Аль-Каиды» — отмечают обозреватели «The American Prospect». — «Получается, что «К2»² идеально подходит для обеспечения операций в единственной части Афганистана, где талибов уже нет. Более того, у Соединенных Штатов достаточно авиабаз в регионе, в результате чего «К2» превращается в ненужную роскошь... В самом Афганистане американские военные используют две «мегабазы» — аэропорт Баграм под Кабулом и Кандагарский аэродром на юге страны. Баграм по интенсивности воздушного движения превосходит любую другую авиабазу в зоне ответственности Центрального командования США (а она распространяется на весь Ближний Восток, Юго-Западную и Центральную Азию, а также Северную Африку); там дислоцируются 6000 солдат — почти половина тринадцатитысячного американского контингента в Афганистане... Но неважно, что «К2» уже утратила свое значение — чиновники из Министерства обороны, особенно если учесть, что речь идет о получении солидного финансирования, по определению планируют ее расширять, а не сворачивать... Проявлением такого подхода является недавний запрос о выделении дополнительных 42,5 миллионов долларов на перестройку и взлетной полосы «К2» и увеличение ее протяженности до 12000 футов».³ Можно предположить, что мотивы Пентагона, связанные с желанием сохранить авиабазу в РУ, в большей степени соответствуют принципу, который в январе 2002 г. озвучил бывший заместитель министра обороны Пол Вулфовиц: в то время, как у Соединенных Штатов, возможно, «больше нет необходимости бороться в Афганистане с угрозами военного характера», военное присутствие в соседних регионах следует сохранить, «чтобы дать понять всем, в том числе... странам вроде Узбекистана, что мы в любой момент можем вернуться».⁴ Американские военные аналитики отмечают, что хвалебные

¹ Правда Востока. — Ташкент, 2005. — 3 августа. 21 ноября 2005 г. прошла торжественная церемония в связи с завершением пребывания воинского контингента ВВС США на авиабазе «Ханабад». Как сообщили в посольстве США, последний самолет покинул авиабазу в 15 часов 40 минут по ташкентскому времени. РИА «Новости». — Ташкент, 2005. — 21 ноября.

² База Ханабад-Карши в американской терминологии.

³ Hoffman David, Welt Cory. Expensive point of support// The American Prospect. — 2005. — June, 23.

⁴ Aris Ben. U.S.'s intent to stay in Asia irks Moscow// The Washington Times. — Washington, 2002. — January, 11.

отзывы министра обороны Дональда Рамсфельда о роли Узбекистана в «войне против терроризма» связаны с серьезной заинтересованностью в превращении «К2» в элемент разрабатываемых планов создания «оперативных центров», которые американские военные смогут использовать для быстрого развертывания войск в более отдаленной перспективе. «К2», расположенная на небольшом расстоянии от Афганистана, Ирана, Пакистана, и даже западных районов Китая, отлично подходит для роли одной из этих будущих «точек опоры».¹

Руководство Киргизии продолжает апеллировать именно к ситуации в Афганистане и соответствующим договоренностям. НАТО и США намерены расширить использование американской авиабазы, расположенной в международном аэропорту «Манас» в столице Киргизии для установления стабильности в Афганистане после закрытия американской авиабазы в Узбекистане. Об этом заявил 2 сентября 2005 г. в Бишкеке спецпредставитель Генерального секретаря НАТО по Центральной Азии и Кавказу Роберт Симонс: «База в Манасе нам нужна... НАТО и США намерены продолжать свое военное присутствие в Афганистане до полного установления мира в этой стране». «Наша роль в Афганистане помогает избежать распространения экстремизма в центральноазиатском регионе и дальше в мире», — заявил представитель Североатлантического альянса, подчеркнув, что операция «Несокрушимая свобода» проводится по мандату НАТО, который был продлен до октября 2006 года. «Мы очень рады, что будем работать с новым правительством республики, особенно с таким руководством, которое соответствует ценностям НАТО», — заявил Симонс.²

Тем временем, еще 5 июля 2005 г. в г. Астане главы государств-членов Шанхайской Организации сотрудничества (ШОС) приняли декларацию, в которой констатировали «позитивную динамику стабилизации внутривнутриполитической ситуации в Афганистане». Исходя из этого, далее в декларации говорилось: «Учитывая завершение активной военной фазы антитеррористической операции в Афганистане, государства - члены Шанхайской организации сотрудничества считают необходимым, чтобы соответствующие участники антитеррористической коалиции определились с конечными сроками временного использования упомянутых объектов инфраструктуры и пребывания военных контингентов на территориях стран-членов ШОС».³ Объективно, тем самым, страны-участницы ШОС продемонстрировали свои возможности

¹ Hoffman David, Welt Cory. Expensive point of support// The American Prospect. — 2005. — June, 23.

² РИА «Новости». — Бишкек, 2005. — 2 сентября.

³ РИА «Новости». — Астана, 2005. — 5 июля.

и необходимость взять на себя гораздо больший груз ответственности за сдерживание реальных угроз региональной безопасности: в пространстве между ростом нелегальной транспортировки наркотиков из Афганистана, оживлением в самом центральноазиатском регионе религиозного экстремизма и провоцированием извне политической нестабильности в странах Центральной Азии. Политический класс Центральной Азии, судя по результатам саммита ШОС в Астане, приходит к пониманию необходимости больше надеяться на себя и ближайших соседей, пониманию того, что в действительности требуется региону для обеспечения собственной безопасности. Особенно с учетом военной поддержки со стороны чисто военной структуры, во многом совпадающей с ШОС — Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Вопрос о базах на саммите был поднят президентом Узбекистана Исламом Каримовым, но было очевидно, что инициатива эта была тщательно подготовлена всеми ведущими членами ШОС, включая и проработку вопроса о компенсации Киргизии тех потерь, которые страна понесет в случае вывода американской авиабазы.¹ При президенте Аскаре Акаеве наличие на территории республики натовской авиабазы в «Манасе» и базы ОДКБ в Канте рассматривалось как элемент многовекторной внешней политики, что позволяло руководству республики создавать видимость равноудаленности от главных центров влияния — России и США. Исполняющий обязанности президента Киргизии Курманбек Бакиев в Астане поддержал ШОС по всем пунктам, обозначив тем самым свой геополитический выбор.

Сразу после саммита в Астане мировая общественность активно обсуждала этот тезис декларации ШОС.² В то же самое время он комментировался и политиками стран-участниц ШОС. «Шанхайскую организацию сотрудничества нельзя рассматривать в качестве какой-либо антизападной коалиции. Страны ШОС будут, безусловно, сотрудничать с США, странами Евросоюза по вопросам безопасности

¹ Глумсков Д. Полюс силы// Эксперт-Казахстан. — Алматы, 2005. — № 26 (473), 11 июля.

² «Когда на прошлой неделе Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) призвала Соединенные Штаты Америки и их союзников по НАТО установить конечный срок оставления военных баз в Средней Азии, используемых ими с начала войны в Афганистане в 2001 году, было очевидным намерение вытолкнуть американскую сверхдержаву из этого богатого энергоснабжения и имеющего исключительную стратегическую важность региона. У шестерых членов ШОС — России, Китая, Казахстана, Таджикистана, Узбекистана и Киргизии — имеются разные мотивы для занятия общей позиции, но из их акции следует поразительный урок, который заключается в том, что призыв администрации Буша-младшего к принудительному подчинению правилам однополярного мира вдохновляет другие страны на создание коалиций для противодействия американской гегемонии», — констатировала в редакционной статье «The Boston Globe». — *Shanghai warning// The Boston Globe*. — 2005. — July 11.

и экономического развития там, где это соответствует взаимным интересам и интересам международного сообщества в целом», — заявлял председатель комитета по делам СНГ и связям с соотечественниками Госдумы РФ Андрей Кокошин.¹ По мнению А.В. Малашенко, «это не больше, чем декларация. Это раз. Свидетельство о намерениях — два. И, в-третьих, это форма проявления солидарности на центральноазиатском пространстве: вот — «мы едины» по поводу неприятия присутствия баз антитеррористической коалиции на территории Центральной Азии. Но дело в том, что от принятия декларации до самого процесса вывода пройдет очень много времени. Думаю, что эта декларация может быть даже дезавуирована».² Застигнутый же врасплох представитель госдепартамента США Шон Маккормак оговорился, что, мол, американское военное присутствие в Центральной Азии определено условиями двусторонних соглашений, базирующихся на «осознании обеими сторонами преимуществ от их взаимодействия». Маккормак сделал еще одно заявление, явно противоречащее первому: ссылаясь на «взаимовыгодные двусторонние соглашения», он сказал, что при обсуждении вопроса о выводе американских баз в Астане отсутствовала «заинтересованная сторона» — Афганистан.³

В этот же день, 20 сентября президент Афганистана Хамид Карзай, вероятно, формально следуя логике боннских соглашений, подверг сомнению необходимость дальнейшего проведения полномасштабной военной операции в Афганистане. «Я не думаю, что сохраняется необходимость в военных действиях в Афганистане. Содержание войны с терроризмом в Афганистане изменилось», — заявил Карзай американским журналистам в Кабуле. «Тактика войны против терроризма в Афганистане теперь изменилась. Использование воздушной мощи теперь также не слишком эффективно». По мнению афганского президента, США и их союзникам следует «сконцентрироваться на том, где тренируются террористы, на их базах, на их снабжении, на поступающих к ним денежных средствах». Особое недовольство Карзай выразил по поводу многочисленных фактов самовольных обысков домов афганцев без соответствующих санкции новых властей. «Коалиционные войска не должны вторгаться в дома афганцев без разрешения правительства Афганистана», — подчеркнул президент Афганистана. По его мнению, подобные действия негативно отражаются на отношении местного населения к коалиционной армии.

¹ РИА «Новости». — М., 2005. — 6 июля.

² Шанхайская загадка поставила Белый дом в тупик// Литер. — Алматы, 2005. — 20 июля.

³ РИА «Новости». — Вашингтон, 2005. — 20 июля.

Министр обороны США Дональд Рамсфельд достаточно дипломатично прокомментировал высказывания афганского президента. Выступая на совместной с председателем комитета начальников штабов вооруженных сил США генералом Ричардом Майерсом пресс-конференции, Рамсфельд поздравил население Афганистана с проведением «вторых менее чем за год, успешных демократических выборов». «Террористы сделали все, что было в их силах, пытаясь запугать миллионы афганских избирателей. Попытки террористов потерпели провал — так же, как это произошло на президентских выборах», — заявил глава американского военного ведомства. По его мнению, «храбрость афганского народа должна служить предупреждением всем тем самоуверенным предсказателям, которые предрекали, что в Афганистане сложится безвыходное положение». Министр обороны все же признал, что обстановка в Афганистане не урегулирована и там «действительно, продолжают гибнуть люди». Он также не отрицал того, что авиационные налеты в Афганистане могут и не достигать поставленных целей. «Разумеется, удары с воздуха, если они направлены не против армий или крупных формирований противника на земле, менее эффективны. Это совершенно верно», — сказал Рамсфельд. Несмотря на неожиданную публичную критику американской армии, Карзай продолжает нуждаться в ней, без поддержки иностранных войск его режим долго не продержится. Вероятно, именно поэтому афганский лидер в той же речи заявил, что его правительство собирается продлить мандат НАТО в 2006 г.¹

11 июля президент Киргизии Курманбек Бакиев заявил в Бишкеке, что новое руководство республики рассмотрит вопрос о целесообразности пребывания на своей территории военной авиабазы США, «когда и как будет рассматриваться вопрос о сроках пребывания американских авиабаз в регионе, подскажет время», — сказал Бакиев. А в министерстве иностранных дел Киргизии сообщили, что вывод американских военных сил с территории республики может

¹ Associated Press. — Kabul, 2005. — September, 20. Можно предположить, что Хамид Карзай, подобным образом попытался уйти и от сложившегося имиджа чуть ли не американской марионетки. Но ясно, что подобное заявление он сделал не только исходя из соображения улучшения своего образа в глазах афганцев. В ходе бомбардировок, о которых говорил Хамид Карзай, американцы допускают то, что сами называют «дружественным огнем», то есть, они наносят удары по жилым строениям, по мирным людям, которые никоим образом не могут быть отнесены к террористам или их пособникам. В Афганистане таких случаев насчитываются десятки, а жертвы «дружественного огня» исчисляются тысячами. Подобные инциденты увеличивают число активных противников американских оккупационных войск и того режима, который американцы поддерживают, поэтому Карзаю просто необходимо считаться с общественным мнением и совершать действия, направленные на его формирование в свою пользу. Associated Press. — Kabul, 2005. — September, 20.

осуществиться в течение полугода.¹ Позиция Киргизии, таким образом, была обозначена достаточно четко.

25 июля с визитом в Бишкек и затем в Душанбе прибыл министр обороны США Дональд Рамсфельд. Главным вопросом его переговоров в Бишкеке была судьба военной базы США. После переговоров Рамсфельда с Бакиевым и министром обороны Киргизии Исмаилом Исаковым было принято решение о том, что военная база США может оставаться в Киргизии до тех пор, пока у Пентагона есть необходимость проводить антитеррористические акции на территории Афганистана. Глава Пентагона обещал пересмотреть в сторону резкого увеличения размеров оплаты за аренду базы и предоставить Киргизии беспроцентный кредит в размере 200 млн. долларов. В Бишкеке Рамсфельд выразил недоумение по поводу декларации стран-членов ШОС, глава Пентагона заявил, что «не участвовал в этом заседании, а США не являются членом ШОС... Поэтому я даже не знаю, какими мотивами они руководствовались», — сказал министр обороны США.² «Принятый в столице Казахстана Астане документ следует понимать, скорее, как «начало диалога», — заявила по итогам визита Рамсфельда и.о. министра иностранных дел Киргизии Р. Отунбаева. — Киргизия, очень благодарна США за их поддержку в прошедшие годы и остается в рядах антитеррористической коалиции... Присутствие американцев в Киргизии выгодно для обеих сторон, 45 миллионов долларов, поступающие ежегодно в киргизский бюджет, — это для нашей страны серьезный вклад. К этому надо добавить 25 миллионов долларов, выделяемых на заправку».³ Позиция Киргизии полярно изменилась. А в начале сентября в ходе официального визита в Москву президент КР Курманбек Бакиев так комментировал свою двойственную политику в вопросе об американской базе: «...Хочу особо подчеркнуть, что вопрос о выводе военных баз на саммите ШОС в Астане не ставился. В итоговой Декларации отмечено, что главы государств ШОС считают необходимым, чтобы участники антитеррористической коалиции определились с конечными сроками пребывания своих военных контингентов на территориях стран — членов ШОС. Подчеркну, что это не означает намерения ускорить вывод американской базы с киргизской территории или каким-то образом ограничить использование инфраструктуры аэропорта «Манас», где она дислоцируется. Размещение военных баз на территории Киргизии было обусловлено необходимостью поддержки антитеррористической операции в Афганистане и поддержания стабильности и безопасности в

¹ АКИpress. — Бишкек, 2005. — 11 июля.

² РИА «Новости». — Бишкек, 2005. — 26 июля.

³ Quiring Manfred. Wir befinden uns zwischen zwei Fronten// Die Welt. — 2005. — Juli, 26.

Центральноазиатском регионе в целом. Мы и впредь готовы оказывать необходимое содействие членам антитеррористической коалиции до завершения операции в Афганистане, что и было подтверждено на встречах с представителями администрации США».¹

Киргизско-американский диалог по размещению военной базы в аэропорту «Манас» получил развитие в ходе визита в страны Центральной Азии госсекретаря США Кондолизы Райс. В частности, госсекретарем США было получено согласие киргизской стороны на размещение в аэропорту «Манас» большей части инфраструктуры и личного состава, выводимых из Узбекистана. 11 октября было подписано следующее совместное заявление:

«Совместное заявление Соединенных Штатов Америки и Республики Киргизстан по поводу присутствия военнослужащих США в Средней Азии. Государственный департамент США, Вашингтон, округ Колумбия, 11 октября 2005 года

Нижеследующий текст представляет собой совместное заявление Соединенных Штатов Америки и Республики Киргизстан по поводу присутствия военнослужащих США в Средней Азии.

Киргизстан выражает понимание по поводу насущной необходимости разрешить военную и политическую ситуацию в Афганистане с целью обуздать источники терроризма и создать мирные условия для социального, экономического и демократического развития страны. В этой связи Правительство Республики Киргизстан признает важный вклад сил международной антитеррористической коалиции, дислоцированных на авиабазе Ганси, **в укрепление региональной стабильности**. Киргизская сторона продолжит принимать участие в этих и других совместных усилиях международного сообщества, которое борется с современными вызовами и угрозами общей безопасности. Мы поддерживаем присутствие коалиционных сил на территории Республики Киргизстан до окончания операции по уничтожению терроризма в Афганистане — операции, поддерживаемой Организацией Объединенных Наций. Правительства Соединенных Штатов и Республики Киргизстан выражают свою готовность следить за прозрачностью инвестиций, направленных для использования аэропорта в Манасе, и, одновременно с этим, обсуждать другие организационные и технические вопросы. В своей внутренней политике Киргизстан намерен сохранять приверженность укреплению

¹ Панфилова В. Американский поворот президента Бакиева. Киргизия решила стать самым надежным союзником США в Центральной Азии// Независимая газета. — М., 2005. — № 222 (3619), 14 октября. — С. 1.

демократических принципов и решительно бороться с коррупцией, чтобы создать необходимые условия для своего последующего развития. Адам Эрели, заместитель пресс-секретаря».¹ В ноябре 2005 г. начался переговорный процесс между уполномоченными делегациями США и Киргизии по пересмотру условий присутствия американской военной базы. Основные обсуждаемые на этих переговорах вопросы связаны с финансовыми условиями американского военного присутствия.

«Большая игра» в Центральной Азии велась и ведется преимущественно «подковерными» средствами — результаты закрытого «торга» лишь время от времени выходят на поверхность. Но, помимо иного, афганские парламентские выборы в очередной раз демонстрируют поведенческие стереотипы и стратегические цели США, и являются очередным же показателем кризиса центральноазиатской стратегии США. Администрация Джорджа Буша-младшего оказывается перед неприятной дилеммой: если ставится задача продемонстрировать мировому сообществу и собственным гражданам, что Афганистан является бесспорным успехом четырехлетней антитеррористической войны президента Буша, нужно согласиться с необходимостью вывода баз из Центральной Азии, да и войск из самого Афганистана. Если же геополитические интересы военного присутствия в центральноазиатском регионе перевешивают, то правительству США нужно будет признать не только политическое, но и военное поражение в Афганистане.

¹ По URL: <http://usinfo.state.gov>

Pak-Afghan relations: issues and prospects of future cooperation¹

Razia Sultana

Forging friendly relations with Muslim countries more preferably with the neighboring countries is one of the fundamental principles of Pakistan's foreign policy. Given the imperatives of the basic guidelines of the country's foreign policy cultivating brotherly ties with Afghanistan, which straddles on the Northwestern border of the country, is a natural and logical consequence of those fundamental edicts. But the ground realities have been very much on the contrary of the proposition, as both the countries since Pakistan's inception have hardly enjoyed cordial relations especially for a longer span.

There are border issues, irredentist claims of successive Afghan governments on the Pakistani border areas and also the issue of «Pakhtunistan», (independent Pakhtun state) which has been projected by Afghan governments and which has been interpreted by the government of Pakistan to the detriment of its unity, and integrity of the country. Government of Pakistan has also been complaining about Afghan governments support to Pakhtun and Baluch nationalist groups in Baluchistan and Frontier region from time to time.

On the other hand the Afghan governments perceived Pakistan as a product of British colonial legacy. It also had apprehensions about Pakistan's alignment to the western defense agreements, which certainly were meant to strengthen its military and economic status had increased the threat perception of the Afghan government against its own territorial integrity.

Similarly theories of strategic depth and of establishment of friendly regime in Afghanistan in the post Soviet era are hardly shared by the Afghan authorities as well as by the people. Consequently Pakistan despite playing a host to millions of refugees for two and half decades and also key support to the Mujahideen struggle against the Soviets now has an image problem with Afghans and the international world for supporting the Taliban. The aftermath of 9/11 and the subsequent disasters that happened as result of military attacks on Afghanistan have crystallized the after affects of the Pakistan's Taliban policy.

Putting a deep glance over the past record of relationship between the two explains that mostly the situation remained fluctuating between barely working relations or explicit hostilities to the level of border skirmishes and diplomatic standstill. The record of initiatives to settle down the pending

¹ Разия Султана. Пакистано-афганские отношения: проблемы и перспективы будущего сотрудничества.

issues is not envious either. There are lapses and misunderstandings on both the sides. Rather the likely amicable settlement of the outstanding issues has become more distant and complex with the passage of time. But there is no doubt about the fact that unless the key border and territorial issues are resolved materializing lasting peace between these two neighbors do not seem feasible. The question how to deal with this difficult situation between the two countries we need to reevaluate the nature of problem between the two countries that will also guide how to plan future road map with tangible prospects to resolve outstanding issues for lasting cordial relations between the two Muslim neighboring countries particularly in the changing regional realities in the aftermath of 9/11 and the dismissal of the Taliban regime.

The nature and status of the issues between the two

Interestingly Pakistan and Afghanistan share a lot on a number of fronts. Both are dominantly Muslim countries, which so favorably qualify them to be part and parcel of the larger community of the Muslim world. It provides a reasonable channel and also rationale to pave the way for fostering cordial relations. There are ethnic affinities between people on both sides of the Durand line (Pak-Afghan border). As Pashtuns are the majority ethnic group in Afghanistan with seven million¹ (according to 1978 census) in Pakistan they are twelve million according to the 1980 census, which cement people to people ties and can also be used to translate into favorable state policies on reciprocal basis.

Similarly as the key barometer of a culture is language so Pashtu is one of the two the national languages of Afghanistan and also in the border areas of Pakistan Pashtu is the dominant language-franca of the majority. Over all cultural dispositions of both the people is almost identical. While crossing from Afghanistan into Pakistan and from Pakistan into Afghanistan one can hardly feel a difference of cultural environment.

Even historically and commercially both share so much that Afghanistan was a gateway to traders and invaders from Central Asia to India and even beyond. Most of the inhabitants of the Frontier and majority in Baluchistan trace ancestry to Afghan origin similar to their compatriots across the Durand line. They take pride in sharing historical heritage as their heroes and enemies are common. So the bond on people to people basis is very binding, friendly and historical which can very fruitfully be used for the settlement of pending disputes amicably.

For the very same reason as both the countries share a lot their basic problems are also similar such as political instability, economic disarray,

¹ Dupree Louis. Afghanistan. — Princeton University Press, New Jersey, 1980. — P.59.

poverty, unemployment and illiteracy. Though situation of Afghanistan is extreme because of persistent war however common strategies can be devised to handle them. And not the least bilateral issues need to be resolved so that both could fully concentrate on developmental projects of respective national import.

However there has mostly been problem on the political issues. It began unfortunately after Afghan government's veto to the admission of Pakistan to United Nations in 1948,¹ which was though later withdrawn, and the situation was amicably resolved. However it set a bad beginning, which enormously influenced their future course of relationship.

Even before that the role of Afghan government to encourage the Frontier Congress leaders (Khdaikhidmatgars) to press the British government for expanding the Referendum of 1947 options for deciding the future of Frontier was also a source of discord. As according to the Indian Independence Act of 1947 Frontier had to decide its fate in favor of united India or Pakistan through plebiscite the then Afghan government tried to impress upon the British government to include the demand of the Khudaikhidmatgars for Independent Pakhtunistan or to allow the Pakhtuns to merge into Afghanistan. Though the British government, Congress and the Muslim League leadership agreed not to entertain their demands² however it created a serious nuisance at that critical juncture. A significant portion of Khudaikhidmatgar loyalists abstained from the referendum, which provided them enough evidence to challenge the legitimacy of the referendum later on.

The demand of Pakhtunistan as the third option in the referendum list later became a basis of future Pashtun nationalist movement in Frontier and an integral part of their manifesto. The then Afghan government also had serious reservations about the validity of the Durand line. They demanded of the British authorities to reconsider the status of the Durand line according to the aspirations of the Afghan government, as they were reluctant to acknowledge the legitimacy of the border after the withdrawal of the British from India.

Durand Line

The key issue between Afghanistan and Pakistan is the border dispute, which is a breeding ground of multiple complications and misunderstandings and also of further territorial claims that have been articulated and raised against Pakistan from time to time. The border between the two countries

¹ Dupree Louis. Afghanistan. — Princeton University Press, New Jersey, 1980. — P. 490.

² Jeffery R. Roberts. The origin of conflict in Afghanistan. — Peager, United States of America. 2003. — P.106.

known as Durand line is the reminder of Great Game of 19th century when Russia and Britain were competing for supremacy in the region and declared Afghanistan a buffer state between the two powers so to protect the strategic interests of both by maintaining the rule of positive symmetry.

As this status of the Durand line remained stable till the British withdrew the succeeding state of Pakistan continued with the previous position of the border between the two states. This position had also been reinforced when the tribal community unanimously decided in favor of Pakistan on the terms and conditions they already committed with the British authorities.¹

Even the results of plebiscite that decided the fate of Frontier in the aftermath of British withdrawal and independence of two states of India and Pakistan suggested that larger majority decided in favor of Pakistan which further strengthened the claim of Pakistan on the Frontier region up to the Pak-Afghan border.

Interestingly the Afghan government argues conversely to the stated position of Pakistan, which emphasizes that since the British withdrew from India all their agreements or instruments of settlements are also no more valid or implementable. In this connection the Afghan authorities discarded all such instruments and agreements concluded between the British government and Afghanistan² in 1949 in the meeting of elders (Loya Jirga). Since it is a bilateral issue so any unilateral decision on part of either of the two had no legal or workable standing. It had only as it did in the past created an impasse and caused escalation in tension.

There is a record of initiatives that were tried from both the sides on their own and also through the facilitation of United States of America. However due to the intransigence of one or the other parties clinging tight to their stated positions obviously displayed no tangible solution of the problem and the deadlock sustained.

Besides bilateral reluctance to reach any viable solution of the problem politics of the Cold War are equally responsible for the persistence of the impasse. Back in last decade of the 19th century the very demarcation of borders of Afghanistan were determined by the strategic aims of the then super powers of the world Russia and Britain. So as long as these powers remained in ascendancy the Afghan authority though raised questions about its validity however didn't take any firm position. However After the withdrawal of British this matter reemerged, as the Afghan government was

¹ Shahid M.Amin. *Pakistan's Foreign policy*. — Oxford University Press, 2002. — P. 183.

² Jeffery R. Roberts. *The origin of conflict in Afghanistan*. — Peager, United States of America. 2003. — P.120.

not ready to accept Pakistan as the legitimate owner of tribal belt and even propriety of the settled areas was disputed in their view.

As United States of America, which emerged as a replacement of the British Empire in world politics at the end of the 2nd world war, it could hardly appreciate the significance of Afghanistan in its strategic planning of the region. It courted Pakistan as the prospective defense of US strategic interests against Soviet aggression. About Afghanistan its policy remained skeptical on two grounds. Firstly its proximity to Soviet Union and vulnerability of its Northern borders to direct Soviet aggression made it an unlikely option in the strategic planning of the US global defense schemes. So that way Afghanistan hardly qualified for the strategic necessity of the United States.

Secondly because of its proximity with Former Soviet Union Afghanistan was perceived in the sphere of influence of the Soviets by the US strategic planners. So any advance initiative to court Afghanistan might incur Soviet displeasure or netting this country in any American Strategic alliance had been considered no less than an unwanted adventure.

On a lesser count it could also invite Pakistani displeasure as well because they considered any move on the part of the US to deal with Afghanistan on equal footing with Pakistan would undermine its status and would strengthen Afghan position on the disputed issues to the disadvantage of Pakistan. So US followed the same pattern of policy of no commitment to Afghanistan through out the Cold War period, which hardly created a favorable environment to resolve the key bilateral border and territorial issues between the two countries.

The role of former Soviet Union was partisan as it persistently supported Afghan position on the border and territorial issues between the two neighbors. Basically the key impetus of Afghan bellicosity over the Durand line and Pashtunistan issues was largely counted on support from former Soviet Union. Even the rise and strength of the nationalist movement in the post partition Frontier region received inspiration from the Soviet Union. As presently the nationalist movement is in total disarray and bilateral issues are also put at the back burner certainly reinforce the argument that former Soviet Union was key to bolster territorial claims of the Afghan government.

As there is some optimism even in the worst of the circumstances so post Cold War world give impetus to initiate process for settlement of bilateral disputes. Also the post Soviet regional strategic environment can be molded either way because Soviet Union is dismembered and strategic policy of collective security is now a story of the past. The world is uni-polar which has made countries like Pakistan and Afghanistan more vulnerable to

the whims of sole superpower. Now it's high time to diversify their policy outlook, explore areas of cooperation to resolve issues and join hands to meet the challenges of unipolar world rather than sticking to their guns and close options for soughting out old rivalries.

Secondly, Afghanistan and Pakistan both have learnt hard way in the past years especially since two and half decades that unilateral aspiration and solutions can not be imposed on either side without mutual negotiations and reaching unanimous solutions that would only help to mitigate their past grievances and lead them to some meaningful settlements.

Thirdly United States of America would also be interested in facilitating the solutions of bilateral disputes, as their strategic goals in the region would always be vulnerable to the enmity of the two neighbors. Any concrete results on the war on terror can be achieved unless meaningful friendship is ensured between the two. Security to the most needed reconstruction of Afghanistan can only be guaranteed if reasons of destabilization emanate from regional forces especially from the side of Pakistan would be settled and duly ensured through international guarantees.

Pakhtunistan

The supporters of Pakhtunistan would of course trace the origin of the issue to a distant Pakhtun past however exactly in the proper understanding of the problem it emerged with the Frontier plebiscite, which was decided in the light of Indian Independence Act of 1947.¹ At the time of partition Frontier was under Congress ministry, which was striving to get peoples verdict in support of United India. Though the results of the referendum echoed total opposition to the expectations of the Khudaikhidmatgars demands however they kept on pursuing their nationalistic demands.

Before the happening of the plebiscite when the Congress ministry realized that things would happen contrary to their aspirations they tried to exercise their influence and also exert clout with the British government and also with the Congress central authority to include the options of Pakhtunistan or assimilation with Afghanistan in the referendum list of options. British government and Congress both though turned these demands of the Frontier Congress down emphatically however that became the beginning of the Pakhtunistan issue afterwards.

After the creation of the independent state of Pakistan the first Governor General took the very first arbitrary decision against the Frontier government, as there were rumors that Congress ministry would declare

¹ Farzana Gul Taj. Zulfikar Ali Bhutto's Afghan Policy, M.Phil thesis, Department of History, Quaid-I-Azam University. — Islamabad, 2002.

accession to Afghanistan or would declare independence in total disregard of the rules of Indian independence Act of 1947. Coupled with that on the basis of suspicion leaders of the Frontier congress Abdul Ghafar Khan and others were jailed in a bid to nab them before any major destabilization occur to the detriment of the newly born country, which was already in its teething phase.

The issue of Pakhtunistan has had varied definitions in the course of time since independence. It has been defined and explained in multiple ways. To the core leadership it means a separate independent state for the Pakhtuns, which does not have wide standing among the nationalists since the demise of Key leader Bacha Khan. Also the merger option of Pakhtunistan into Afghanistan is losing grounds with the Pakhtun nationalists since the two and half decade's Afghan war and especially after the disintegration of former Soviet Union. The third understanding is about the demand to gain maximum autonomy for Frontier and also to name Frontier as Pakhtunistan or Pakhtunkhwa (the land of Pakhtuns) after the majority of its inhabitants just like other three provinces of the Pakistan, Punjab for Panjabis, Sind for Sindhis and Baluchistan for Baluchis.

As over the past 57 years Pashtuns have emerged as the second largest power sharing community in the military and bureaucracy¹ of the country so their politico-economic insecurities are mostly mitigated so their separatist sentiments and desires do not find enough motivation. Even in education and other businesses they are equally competing with the Punjabis and other nationalities in Pakistan. It is very difficult now to mobilize them under the banner of nationalist movement pitting them against the Punjabis by raising the slogan of Punjab as an aggressor taking the lion's share of national resource at the cost of smaller provinces. This slogan is losing grounds because the politico-economic reality is so favorably changing in favor of the Pashtuns.

Even the staunch political opponents Awami National Party (ANP) and Muslim League are partners of a political alliance and have forged commonality of interest on key national issues. So the present of the two national political forces heralds more cooperation in future. This development also takes the supporters of Pakhtunistan to a distant from their demand and disheartened them of any future realization of the dream of independent Pakhtun state.

For Afghanistan either given the arduous struggle through different phases of prolong war it is not suggested to open issue of the like of Pakhtunistan, which has no more ideological, or strategic justification. It is

¹ Shahid M.Amin. Pakistan's Foreign policy. — Oxford University Press, 2002. — P. 205-206.

only an irritating issue that Afghanistan could use to incur the displeasure of Pakistan though at this crucial time of its rebuilding it needs cooperation and support of all sorts and from all quarters. So picking quarrels with Pakistan over such issues is not advisable.

Recently it has been learnt that some belligerent tribes have tried to revive the demand of separate Pakhtun state, which of course sounds like the tribal strive to use it as a bargaining chip in their deals with the government of Pakistan. As they are blocking military operation so they need to strengthen their position by raising such rhetorical issues of the like of Pakhtunistan to conclude negotiations in their own favor. However, the popular support of the separatist demands is at the lowest ebb but here and there it is raised to gain mileage to the benefit of a few.

Irredentist claims on parts of Baluchistan

The roots of the irredentist claims on parts of Baluchistan are embedded in the border issues and claims on Frontier region of Pakistan. The nature of the claims is justified on ethnic and historical grounds. For being border province sharing border with Afghanistan on the Kandahar-Chaman point majority of the inhabitants of the region are Pashtuns and share ethnic affinity with the dominant ethnic group in Afghanistan.

However key to their claims is that Afghanistan is a land lock country, which needs to secure accessibility to the closest port so to make free trade route on propriety and convenience. In this connection the port of Gawader through a free corridor sounds to redress their immediate problem. However this demand when earlier Afghan government took up with the British government they were emphatically turned down and such proposal was declared whimsical and impractical even at any later stage.

The previous Afghan governments support to the Baluch nationalists was in line with the same goal, which surfaced, very forcefully in the early 1970's. When the country was already going through throes of dismemberment and Baluch nationalist movement also stood against the center, which resulted in center-province, armed tussle. During that crisis support for the nationalists came from the Soviet and Afghan governments that posed a major threat to the stability of the country. The key fear of Pakistan was that by dismembering Baluchistan Afghanistan wanted to achieve its long awaited goal of reaching out to the Gawader port, which would be facilitated by the fragile and nominally independent Baluchistan.

During Sardar Daud's regime the issue of Baluchistan was even raised in the United Nation by the then Afghan government, which further

substantiated their support to the nationalists. Now such enthusiasm has toned down due to persistent war and conflict in Afghanistan. However these issues need to be resolved through negotiations otherwise they have the potential to reemerge and spoil the prospects of peaceful and prosperous relation in future for both the neighbors.

As allowing a corridor so to obtain accessibility to Gawader is out of question both the countries need to work out more favorable Transit Trade agreement, especially after the construction of the Gawadar port. Last time Pakistan consented some 22 more items to be included for import by Afghan government. It can further be ensured by international guarantees to sustain the Transit Trade facilities to the Afghan government through all circumstances which means any small change of policy on the part of either of the two governments should not hamper the trade outlets for the Afghan goods.

Pakistan's involvement in the Afghan conflict

Politically both the countries have hardly shared identical perceptions on the core issues and also in the international arena. Even before the war Pakistani dissident nationalist leaders were hosted and at times used to the disadvantage of Pakistan. Similarly Pakistan also courted Afghan dissident groups since 1970's especially after Daud's suppression of political opponents forced some of them such as the likes of Hikmatyar and Rabbani to live in exile in Pakistan. The government of Zulfikar Ali Bhutto even supported Hikmatyar and Masud to destabilize the regime of President Daud in 1974.¹

Though for a short while the relationship witnessed a temporary thaw when Sardar Daud visited Pakistan in 1976 in a bid to maximize his options for assistance and support to balance dominance of Soviet involvement in Afghanistan. However such initiatives bore hardly any fruit as they ended up inconclusive after the Socialist revolution of April 1978. Followed by Soviet occupation in December 1979 tension escalated between the two countries to the point of no return till the Soviet withdrew in February 1989.

Keeping in view the track record of Soviet expansionist policies in Central Asia and then in Afghanistan right at the doorsteps of its Northwestern border the threat perception of Pakistan had escalated. After having an experience of the dismemberment of East Pakistan due to the involvement of India and also Soviet Union the nexus of Soviet Union, India and Afghanistan was once again posing not perceived but genuine threat to the integrity of the country. So Pakistan conveniently got convinced of the US warm water

¹ Barnett R. Rubin, *The fragmentation of Afghanistan*. — Yale University Press, USA, 2002. — P.103-104.

theory, as sharing western perception was the only way out to withstand the Soviet threat to its integrity. Once the collaboration was fostered between the west and Pakistan it continued to the end of Soviet withdrawal.

Besides strategic reasons to join hands with the US to fight communism Pakistan internal political situation was also so favorable to support the Afghan Jihad. At that critical juncture military dictator, General Zia-ul-Haq, headed the country. He dismissed the popular leader Zulfikar Ali Bhutto (later execution) and was in dire straits to secure legitimacy. There were external pressures for the restoration of democracy and internal demands to hold elections and return to barracks. The military dictator needed internal and external legitimacy, which was so timely, provided by the Afghan Jihad.

The imperatives of Cold War justified the ascendancy of a dictator for eleven years. For the internal detractors he very successfully sold the rhetoric of national security and law and order, which was projected as so vulnerable in the wake of Soviet occupation of Afghanistan. For winning the support of western friends he joined hands against communism and fought the Afghan Jihad as a frontline state by supporting the resistance fighters as bulwark against Soviet presence till their withdrawal.

Pakistan's involvement during the Soviet-Afghan War

As a frontline state Pakistan was fully involved in the Afghan Jihad through out the Soviet occupation. Supporting the resistance groups was key to that policy. The leaders of the resistance groups were living in Pakistan since President Daud's era so Pakistani authorities exerted influence over them to a certain extent. All through the war the Afghan Islamists received material and political support from America, Saudi Arab and other countries of the western block through Pakistan.

As the war progressed Pakistan received in hundreds and thousands Afghan refugees. By the mid of 80's the number raised to three million registered refugees. Of which 2.8 million are still residing in Pakistan¹ as they find it hard to repatriate despite United Nations Higher Commissioner for refugees persistent efforts to help them to go back to their country as their country can hardly afford basic facilities of life.

As Mujahideen were the resistance parties who lacked legal status to participate in peace negotiations, initiated by the UN (since the eruption of the war) Pakistan participated in those parlays in Geneva on behalf of the resistance groups. Those negotiations were eventually signed into Geneva Accords in April 1988.² The Soviet withdrawal was the key achievement of the

¹ Interview with Salima Sultana, UNHCR, repatriation field officer, Feb.2005.

² Dr.Azmat Hayat, The Durand Line, Its strategic Importance. — Area Study Center, University of Peshawar, 2000. — P.97.

Geneva Accords of which Pakistan and Afghanistan were the signatories and America and Former Soviet Union guarantors.

Post Soviet political settlement

Interestingly the role of Pakistan intensified in the aftermath of Soviet withdrawal. As Soviet Union disintegrated shortly after pulling back its forces and America also roll backed from the region after the demise of Soviet communism Pakistan was one of the key participant of the war that still had deep interest in the Afghan political affairs. It wanted a friendly regime in Afghanistan so to help settle pending issues to the advantage of Pakistan.

By the early 1990's the strategic planners of Pakistan keeping in view rivalry with Nuclear India suggested the doctrine of strategic depth that having favorable regime in Afghanistan would provide needed security belt in case nuclear option is exercised by India which though in retrospect sounds more imagined than genuine security perception.

Above all the emergence of independent Central Asian states in the aftermath of former Soviet Union opened new avenues of business and trade opportunities. Countries in the region including Pakistan and also beyond (India) competed to gain more and more access to central Asian markets. The imperatives of trade and commercial competition impressed upon Pakistan to strive hard to restore peace and stability in Afghanistan and win maximum advantages on the trade and economic fronts. So in that sense supporting Taliban was in the strategic and economic interests of Pakistan.

The Taliban episode

As establishing a friendly regime in Afghanistan, achieving strategic depth and maximizing economic opportunities vis-à-vis Central Asia were the goal posts of Pakistan's Afghan policy in the post Soviet era so creating Taliban and supporting them politically and militarily does not sound out of place. They had the right kind of specification that was needed for an ally in Afghanistan. The timing of their emergence and the need of the Pakistani government just cliqued. So if Pakistan was the first of the three countries who recognized the Taliban regime as the legitimate government of that country does not shock many, as it was so consistent with the strategic and economic goals of Pakistan.

That's a different episode that after 9/11 the role of Pakistan to facilitate the US extradition demand of Usama bin Laden disclosed the reality of Pakistan's helplessness in exerting any significant influence on the Taliban. They were quite independent of any foreign influences in deciding matters of vital national interests, which for sure included the Durand line and other

nationalistic issues as well. If at all the government of Pakistan would have raised these issues with the Taliban leadership they would have found them as stubborn as other Pashtun nationalist leaders. So there is no satisfactory clue that in the Taliban Pakistan found the like of protégé that would have served their interest.

Prospects and challenges in the post 9/11 scenario

The desire to establish a friendly regime in Afghanistan proved an unsuccessful exercise on the part of Pakistan. It has over played its role by initially supporting Hikmatyar and then the Taliban both of whom failed to materialize the cherish goal of Pakistan to restore order in Afghanistan on its own terms.

Particularly in the aftermath of the Taliban overthrow the broad based government, which is in place now as a result of October 9,2004 election and the US presence in Afghanistan for indefinite period does not allow the chance that Pakistan will once again play a role of a king maker or its goal of friendly regime will ever be materialized. In the wake of new realities Pakistan needs to bury its elusive dreams in the sands of realism. It needs to work for settlement with new Afghan authorities on alternate mechanisms mutually acceptable to both rather than pursuing the ideals of friendly regime and strategic depth any more.

Pakistan and its Afghan allies are at the crossroads of political scene at this critical moment. Pakistan faces a huge challenge to rebuild its image with Afghans and the world at large for supporting the Taliban. An average Afghan considers Pakistan a supporter of the Taliban who are in the present scenario symbols of destruction and destabilization. So it's a time of soul searching and also chalking out right strategies to address the long pending issues taking in due cognizance the retrospect track record need to work hard to increase prospects of better image building and building an environment for cordial relations through exploring more avenues of cooperation and collaboration.

Recommendation

* Imperatives of the unipolar world need diversification in approaches and perception about the bilateral and regional issues for Pakistan and also for Afghanistan. They need to be cognizant of incumbencies of change posed by the unipolar world. It demands regional cooperation and convergence of mutual interest, which can only be materialized if old issues are resolved with cooperation and understanding.

* Imperatives of counter-terrorism measures also emphasis upon Pakistan and Afghanistan to resolve outstanding issues. Ensuring better results in the region from the enforcement of the anti-terrorism policies demands the solution of pending bilateral political issues. In this connection the good offices of United States can also be utilized for moderation.

* A credible high power commission comprised of Pakistani and Afghan officials need to be appointed to review the border and territorial issues and also prepare recommendations for the likely settlement of them, which have to be mutually acceptable. Of course the role of United States and also of UN is most needed for facilitation and guarantees of mutual settlements.

* More areas of cooperation need to be explored, such as the gas pipeline project be materialized to the benefit of both the countries and also the issue of Afghan transit trade needs to facilitate cooperation by offering favorable incentives to Afghanistan in the wake of the construction of Gawader port.

* Pakistan's involvement in the Afghan reconstruction need to be essentially increased by offering services such as training of police, army and other cadres in the administration as that would establish the interests of government and commercial stake holders to draw benefits from the success of Afghan reconstruction

* As civil war was largely fueled by the neighboring countries so regional cooperation need to be sought in order to ensure the stability of Afghanistan. In this connection outstanding issue of Durand line and irredentist claims on the Pakistani border territory need priority treatment.

Узбекско-афганские экономические отношения и их международный контекст: от оценки проблем к поиску решений

В. Парамонов, А. Строков

Издревле между Узбекистаном и Афганистаном существовали тесные экономические и культурные связи. Однако ход общей истории был прерван 70-ти летним периодом пребывания Узбекистана в составе бывшего СССР и более чем 20-ти летней внутренней нестабильностью в самом Афганистане. С момента свержения режима талибов, узбекско-афганские связи постепенно восстанавливаются. Этому способствует наличие общей границы протяженностью 137 километров, а также развитая в Узбекистане транспортная инфраструктура в афганском направлении.

В 2002 г. торговый оборот Узбекистана с Афганистаном составил порядка 1,2% (62 млн. долларов) от общего внешнеторгового оборота Узбекистана. Экспорт Узбекистана представлен в основном поставками топлива и продовольствия. Он замкнут преимущественно на северные афганские провинции, осуществляется как в качестве гуманитарной помощи, так и на финансовые средства, предоставляемые Афганистану международным сообществом. В свою очередь, доля Узбекистана в афганском товарообороте составляет около 1,5%. При этом объемы афганского экспорта в Узбекистан крайне незначительны и не превышают 200 тыс. долларов.

*Товарная структура экспорта и импорта Узбекистана с Афганистаном
(по итогам 2002 г.).¹*

Наименование	Экспорт		Импорт	
	млн. долларов	доля, %	млн. долларов	доля, %
Химическая продукция	1,1	1,8	-	-
Цветные металлы	0,3	0,5	-	-
Черные металлы	7,9	12,9	-	-
Энергоносители	17,1	27,8	-	-
Машины и оборудование	3,3	5,4	-	-
Продовольствие	19,0	31,1	0,07	35
Услуги	6,6	10,7	0,03	15
Прочее	6,0	9,8	0,1	50
Всего	61,3	100	0,2	100

¹ Источник: Государственный комитет статистики Республики Узбекистан, 2003.

Рассматривая Афганистан в качестве неотъемлемой части Центральной Азии, свои основные усилия Узбекистан фокусирует на поиске механизмов реабилитации этой страны. Особо ярко это проявляется в сфере международного сотрудничества Узбекистана по вопросам доставки гуманитарной помощи в Афганистан. Около 2,5 миллионов тонн международной гуманитарной помощи было доставлено в Афганистан через территорию Узбекистана.

Одновременно с этим, в Узбекистане существует понимание того, что современный уровень экономических отношений с Афганистаном является низким и не отвечает интересам обеих стран. Однако, главные причины этого крайне мало зависят от самих Узбекистана и Афганистана, так как афганская проблема — это прямой результат глобального противостояния периода холодной войны. Поэтому основные меры на пути стабилизации Афганистана также должны *иметь глобальный масштаб*.

В этой связи, особого внимания при рассмотрении узбекско-афганских отношений заслуживает анализ характера международной помощи Афганистану, который свидетельствует о необходимости повышения ее эффективности.

Во-первых, несмотря на большое международное внимание к Афганистану пока неоправданно малы инвестиции в одну из важных сфер стабилизации страны — развитие транспортных коммуникаций (диаграмма №1). Афганская транспортная инфраструктура остается крайне слаборазвитой,¹ хотя именно Афганистан занимает географически наиболее выгодное положение для строительства транспортных коридоров из стран СНГ в Южную Азию, а также на Средний Восток.

На этом фоне, очевидно, что усилия Узбекистана (реализует порядка 10 проектов по строительству автодорожных мостов) и других доноров, в основном по восстановлению автомобильных дорог внутреннего значения, явно недостаточно для превращения Афганистана в транспортный перекресток.

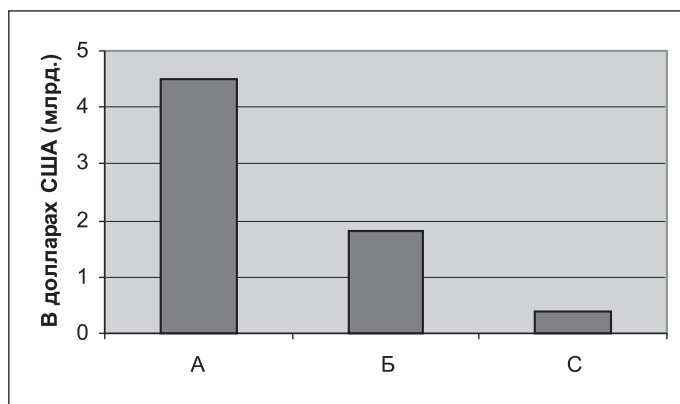
Наиболее крупные проекты по восстановлению автомобильных дорог в Афганистане.²

Наименование проекта	Объем финансирования	Доноры
«Кабул-Кандагар»	180 млн. долларов	США, Япония, Саудовская Аравия
«Кабул — Саланг»	102 млн. долларов	Всемирный Банк
«Кабул-Джелалабад»	56 млн. долларов	Европейский Союз

¹В стране полностью отсутствует железнодорожное сообщение, покрытия автодорог находятся в крайне неудовлетворительном состоянии, а их пропускная способность незначительна.

² Источник: Trade and Regional Cooperation between Afghanistan and its Neighbors. World Bank, February, 2004.

При этом, трассы, связывающие Афганистан с соседними странами, продолжают находиться в очень неудовлетворительном состоянии. Все это ведет к тому, что основные торговые потоки продолжают идти в обход Афганистана, а не подпитывают процесс его восстановления и развития.

А) объемы финансовых средств, обещанных Афганистану на Токийской конференции в ноябре 2001 года; В) объемы реально выделенных средств за период январь 2002 г.—март 2004 г.; С) объемы средств, направленных на восстановление транспортной инфраструктуры Афганистана.

Как результат этого, товарооборот Афганистана с пятью граничащими с ним государствами составляет всего около 11% от всего объема внешней торговли Афганистана. Кроме того, о слабости торговых потоков через территорию Афганистана свидетельствует и то, что объем межгосударственной торговли стран, окружающих Афганистан по периметру его границ, также очень мал по сравнению с их общим товарооборотом.

Межгосударственная торговля Афганистана, Ирана, Пакистана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана (по итогам 2002 г.).¹

Страна	Афганистан	Иран	Пакистан	Таджикистан	Туркменистан	Узбекистан
Экспорт, млн. долларов						

¹ IMF Direction of Trade Statistics, 2002.

Со всеми пятью странами	28	274	276	118	430	158
С остальными странами мира	76	25890	9610	619	2280	1605
Доля всех стран, %	27	1	3	16	16	9
Импорт, млн. долларов						
Со всеми пятью странами	284	468	240	195	136	101
С остальными странами мира	2396	21640	10998	525	1683	2124
Доля всех стран, %	11	2	2	27	7	5
Общий товарооборот, млн. долларов						
Все пять стран	312	742	516	313	566	259
Остальные страны мира	2472	47530	20608	1144	3964	3729
Доля всех стран, %	11	2	2	21	12	6

Во-вторых, международные усилия пока крайне слабо затрагивают другой важный вопрос на повестке дня развития Афганистана — восстановление аграрного и промышленного производства, решение которого лежит в сфере производственной кооперации Афганистана с соседними государствами, в том числе Узбекистаном. Если на восстановление афганских дорог еще выделяется определенное количество финансовых средств, то перспективы реабилитации промышленности и сельского хозяйства пока представляются неясными.

В итоге, при восстановлении Афганистана крайне слабо задействуется экономический потенциал, что существенно снижает эффективность международных усилий по обеспечению безопасности в стране. Это не только сдерживает узбекско-афганские отношения, но и крайне негативно влияет на характер региональных и глобальных процессов.

Развитие взаимовыгодного сотрудничества между Узбекистаном и Афганистаном имеет значение не только для двух стран, но и процессов интеграции в Центральной Азии и межрегиональной кооперации.

Во-первых, основной потенциал для кардинального расширения и углубления узбекско-афганских связей заложен в создании более эффективного международного механизма реализации программ по восстановлению Афганистана.

Главным шагом в этом направлении могло бы стать создание под эгидой ООН международной Программы по восстановлению Афганистана, в которой приняли бы участие ведущие страны мира и основные международные доноры. В первую очередь, должна быть обеспечена расстановка приоритетов в восстановлении Афганистана, полная прозрачность денежных потоков и жесткий контроль над использованием финансовых и материальных ресурсов.

Уже на начальной стадии реализации данной Программы это позволило бы значительно увеличить узбекско-афганский товарооборот и в целом интенсифицировать двустороннее сотрудничество. С экономической точки зрения задействование потенциала предприятий и технических специалистов Узбекистана является наиболее эффективным для ведения восстановительных работ (по крайней мере, для северных афганских провинций).

Во-вторых, долгосрочные перспективы для кардинального повышения уровня узбекско-афганских отношений связаны с созданием международного Консорциума в сфере строительства стратегических трансансафганских транспортных коммуникаций. В данном Консорциуме могли бы принять участие государства, непосредственно заинтересованные в формировании сети международных транспортных маршрутов, связывающих кратчайшим путем регионы Центральной и Южной Азии, а также Среднего Востока.

В частности, важным в данном плане является проект по строительству 80-километровой железной ветки «Термез-Мазар-и-Шариф», которая свяжет Афганистан с развитой транспортной инфраструктурой Узбекистана, а в последствии станет составной частью трансансафганского маршрута Термез-Мазар-и-Шариф-Шибарган-Герат-Кандагар к международным морским портам Ирана (Чахбахар и Бендер-Аббас) и Пакистана (Карачи). Данный проект, ориентировочная стоимость которого составит порядка 210 млн. долларов, будет осваиваться узбекским транспортным концерном «Узавтойул» при спонсорстве американских компаний «Weidlinger Associates» и «Central Asian Partners».¹

¹ Протокол о намерениях подписан в начале октября 2004 г.

Как представляется, развитие афганской транспортной инфраструктуры может стать решающим фактором в нормализации обстановки в Афганистане и, одновременно, подрвет позиции экстремистских сил и наркобизнеса. Так, превращение Афганистана в транзитный транспортный мост между Центральной и Южной Азией, Средним Востоком объективно будет отвечать интересам всех слоев афганского общества, так как способно интенсифицировать товарооборот вышеуказанных регионов через Афганистан. Это, по крайней мере, способно увеличить доходы афганского населения. К тому же, реализация транспортных проектов в Афганистане сразу приведет к значительному увеличению рабочих мест, что будет способствовать решению проблемы безработицы.

Кроме того, реализация проектов строительства трансафганских маршрутов способна привести к расширению узбекско-афганских торгово-экономических связей. В частности, транспортные издержки Узбекистана и Афганистана снизятся более чем на 60%. Так, маршрут через Афганистан к портам Индийского океана будет для Узбекистана более чем в 2 раза короче маршрутов к портам Балтийского и Черного морей. Это, в свою очередь, способно увеличить международный товаропоток через Афганистан в Узбекистан, что будет само по себе способствовать ускоренному восстановлению Афганистана и экономическому развитию Узбекистана.

В-третьих, значительный импульс развитию узбекско-афганских связей может придать большее задействование потенциала хозяйственной кооперации Узбекистана и соседних стран при реализации тех или иных международных проектов в Афганистане. Участие Узбекистана и стран Центральной Азии в реабилитации Афганистана могло бы быть институционально оформлено в рамках таких международных структур как ООН и ШОС. Как следствие, Узбекистан совместно с другими государствами мог бы взять на себя выполнение широкого спектра работ по восстановлению сельского хозяйства, **инфраструктуры, социальных и промышленных объектов Афганистана.**

Это бы существенно повысило эффективность всей международной помощи Афганистану и особенно северным провинциям страны. С учетом того, что на севере страны были сосредоточены основные промышленные объекты Афганистана, которые в 70-х годах (до начала военно-политической нестабильности) формировали свыше 60% ВВП, это могло бы значительно ускорить процесс реабилитации всей афганской экономики.

При этом, теоретически, особые возможности для интенсификации узбекско-афганских отношений имеются в аграрном секторе. Перспективным направлением могло бы стать создание двусторонних сельскохозяйственных холдингов, специализирующихся на животноводстве (например, каракульские овцы), выращивании хлопчатника, овощей и фруктов, а также переработки плодоовощной продукции. Как следствие, это позволило бы предложить афганским крестьянам альтернативные опиуму маку культуры, которые пользовались бы устойчивым спросом на мировом рынке, особенно в странах Европы.

* * *

Повышение международного внимания к процессу экономического восстановления Афганистана, его региональной и глобальной интеграции остается жизненно важным вопросом для Узбекистана, других центральноазиатских государств и всего мирового сообщества. Только это позволит приблизиться к решению наиболее сложных проблем безопасности, как в самом Афганистане, так и на региональном и глобальном уровне.

В этой связи, реализация транспортных проектов на афганской территории и усиление экономической кооперации с соседними странами будут способствовать решению ключевых проблем Афганистана. Это позволит перейти к более решительным шагам по усилению центральной власти в Кабуле и ослаблению позиции международных экстремистов и наркобаронов.

Кроме того, стабилизация и последующее устойчивое экономическое развитие Афганистана объективно будет означать крупнейшую стратегическую победу всего мирового сообщества в борьбе против международного терроризма. Это будет способствовать и процессу нормализации обстановки и на Ближнем Востоке, так как террористические организации потеряют Афганистан в качестве своей опорной базы.

Более того, реализация проектов сооружения трансафганских транспортных коммуникаций способна дать глобальный экономический эффект, так как резко интенсифицирует торговые связи между приморскими и внутриконтинентальными регионами Евразии. Это приведет к значительному сокращению наблюдаемого ныне дисбаланса в экономическом развитии вышеуказанных регионов, что способно стать залогом долгосрочной стабильности на евразийском пространстве в целом.

Евразийские транспортные коридоры: проблемы и меридианальные варианты

М.Н. Суюнбаев

Между Киргизстаном и Индией расположен такой потенциальный очаг исламского экстремизма как Кашгария — историческая область Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР. Здесь интересы Индии и Киргизстана объединяются с интересами КНР и других стран ШОС. Эти интересы, помноженные на экономические интересы, могут стать основой сотрудничества этих стран.

Членами ШОС являются КНР, Россия, Казахстан, Киргизстан, Таджикистан, Узбекистан, в 2004 году ее наблюдателем стала Монголия. ШОС — не военный блок и не замкнутый альянс, а открытая организация, ориентированная на широкое международное сотрудничество, включая возможность расширения ее состава. Основные задачи ШОС — это поддержание мира и стабильности в регионе, развитие торгово-экономического сотрудничества. Уже сейчас значительный интерес к деятельности Шанхайской организации сотрудничества проявляют Монголия, Индия, Иран, Пакистан, Шри-Ланка, США, Япония, ЕС, АСЕАН и другие государства и организации.

Для КНР и Индии совместное членство в Шанхайском клубе могло бы помочь урегулированию пограничной проблемы (спорная территория Аксай — Чин).

Индия и Китай имеют объемы внешней торговли примерно в 500 раз большие, чем страны Центральной Евразии вместе взятые. Т.о., экономическое значение торговли со странами региона для Индии и Китая почти равно нулю. Для Пекина эти связи пока имеют преимущественно внутривосточное значение: экономическое развитие и рост благосостояния населения СУАР — один из факторов снижения напряженности.

В несоветской Евразии единая железная дорога Восток — Запад не могла быть построена в силу колоссальной барьерной роли Алтай-Гималайского горного пояса. В этой части мира находится Афганистан, в котором вообще отсутствуют железные дороги.

В 1927-31 гг. был сооружен Турксиб — Туркестано-Сибирская железная дорога (ст. Луговая — Алматы — Семипалатинск) длиной 1452 км, соединившая Среднюю Азию и Транссиб с выходом на Новосибирск.

В 1950 г. железнодорожная ветка была протянута от Турксиба до г. Балыкчи (Киргизстан), в 500 км от г. Кашгар (КНР).

В 1960-1970-х гг. железные дороги были доведены в Китае на запад от Тихого океана до Урумчи и Корла; и в Иране — на восток от Босфора до Мешхеда.

В результате вооруженных конфликтов между Пакистаном и Индией в Кашмире в семидесятых годах 20 века в пакистанской зоне контроля совместно с Китаем было построено высокогорное Каракорумское шоссе через перевал Хунджераб (4620 м над уровнем моря), соединяющее Синьцзян с Пакистаном.

В 1982 г. железнодорожно-автотранспортный мост через Амударью (между афганским речным портом Хайратон и узбекским Термезом) соединил Афганистан с регионом.

В Западном Китае в 1996-2000 гг. построена железная дорога Корла-Кашгар протяженностью 980 км. От Тихого океана до Кашгара длина дороги — 4115 км. От Кашгара до ближайших железнодорожных станций Джалал-Абад, Кара-Суу и Балыкчи в Киргизстане — расстояние 400-500 км.

Экономическая отсталость стран региона на протяжении большей части 20 века не позволяла возродить ВШП. Там, где проходили караваны верблюдов, караваны поездов могли пройти только после значительных инвестиций в тоннели, мосты, эстакады и галереи. Так как для железных дорог необходим уклон не более 0,04.

Территория Евразии разделяется Алтай-Тяньшань-Памир-Гималайским горным барьером на два крупных региона: Западный и Восточный. В Западном в древности располагались государства Индии, Ближнего Востока и Средиземноморья, а в Восточном — древнекитайские государства междуречья Хуанхэ и Янцзы. Даже в наше время Китай, из-за окружающих его горных систем, имеет исключительно слабую коммуникационную сеть, связывающую страну с окружающим евразийским миром. На протяженную сухопутную границу приходится всего шесть железнодорожных выходов, из них только три — на Запад.

В Алтай-Тяньшань-Памир-Гималайском барьере есть всего три широтных природных коридора (прохода): южный, в районе г. Ходжент (Таджикистан) — Фархадские ворота, средний — в районе станции «Дружба-Алашанькоу» — Джунгарские ворота и северный — вдоль юго-восточного берега Байкала в районе г. Иркутска. Севернее горного барьера — суровые условия Сибири, еще севернее — Северный морской

путь. Южнее барьера — Южный морской путь через Малаккский пролив.

Маршрут через южный коридор примерно на 1000 км короче среднего и почти на 3000 — северного. Южный коридор проходит через географический центр Евразии. Вследствие этих географических особенностей обновленные коммуникационные связи между Западом и Востоком удобнее всего провести по южному коридору через Киргизстан. Эта географическая реальность относится к долговременным геополитическим факторам.

Джунгарские ворота — аналог Гибралтара, а горная перемычка между Кашгаром и Ошом — Суэцкий перешеек. Отметим, что такие сооружения, как Суэцкий, Панамский каналы и ВШП, это не только геоэкономические, но и геополитические узлы.

На отрезке между Цзинингом (КНР) и Стамбулом (Турция) есть три основных меридиональных коридора. Западный: в направлении Каспий — Иран — Персидский залив (порты Бендер-Аббас и Бендер-Чахбахар); средний: Афганистан — Пакистан — Индийский океан; и восточный: Турксиб — Торугарт — перевалы Хунджераб и Каракорум — Индийский океан.

Уникальность евразийской ситуации на рубеже тысячелетий заключается в возрождении ВШП в третий раз с интервалом в 500 лет. Развитие Японии, Китая и новых индустриальных стран, распад и смягчение тоталитарных систем и требования глобализация мировой экономики в конце 20 века позволили вернуться к забытой Великой Идее.

В период после распада СССР были построены 2 железнодорожных перегона. Один соединил в 1991 году Турксиб (Казахстан) и Урумчи (Китай) в Джунгарских воротах (станция «Дружба-Алашанькоу»), другой в 1996 году — Туркмению и Иран: Серахс — Теджен — Мешхед.

В 2004 году в уезде Аньдо Тибетского автономного района (ТАР) уложены первые рельсы Цинхай-Тибетской железнодорожной магистрали, протяженностью 1142 км. Из них 960 км на высоте 4000 м, 550 км будет проходить в зоне вечной мерзлоты (Итоги, 11.03.05). Она будет самой высокогорной в мире (более высокогорная, но намного короче и к тому же узкоколейка на рудник есть в Перу).

В рамках южного коридора планируется тоже высокогорная железная дорога Кашгар — Торугарт — Джалал-Абад (Ош).

В проигрыше может оказаться также Казахстан, по территории которого сегодня идет большая часть транзита из Китая в СНГ. Поэтому

Казахстан пытается перехватить инициативу: построить узкоколейную дорогу по европейскому и китайскому стандартам. Однако если рассматривать ситуацию в динамике экономического развития в 21 веке, то ни Транссиб, ни ВШП по южному и среднему коридорам не справятся с прогнозируемым объемом перевозок.

Идее TRACECA 12 лет, идее ВШП — 8 лет. За это время показатели перевозок возросли на 25%, т.е. рост составил 2% в год (25: 12). Не очень впечатляющие показатели. Если такие низкие темпы будут и далее наблюдаться, то не исключены кардинально другие варианты.

Так, например, за последние 20 лет температура воды в океане значительно повысилась, лед стал тоньше и площадь, постоянно покрытая им, сократилась. За последние 50 лет толщина ледового покрытия северных морей уменьшилась в два раза. И продолжает уменьшаться на 3% каждые 10 лет. В связи с этим, для международного судоходства открываются невиданные прежде перспективы. Северный морской путь, с точки зрения предпринимателей на Западе, может стать рентабельным. Так, сегодня путь из Лондона в Японию через Суэцкий канал составляет 20 300 км и занимает 35 дней. Маршрут через Северный Ледовитый океан имеет протяженность 13 000 км, время в дороге - 22 дня. По прогнозам, регулярное торговое мореплавание мимо Северного полюса может обрести реальность к 2010 году.

Северный морской путь в два раза сократит дорогу из Европы в Японию и Китай. Он не только в 2 раза короче, но и в 1,6 раза дешевле других путей.

Низкие темпы роста показателей связаны, на наш взгляд, не с техническими, экономическими и прочими барьерами, а с политическими. Не все страны региона реально участвуют в процессах устранения транспортных барьеров. Проникновение Запада в рамках проектов TRACECA и Шелкового пути регион носит широкоформатный, цивилизационный характер. Ликвидация транспортных барьеров ведет к открытости, к «разгерметизации» политических режимов и, в конечном счете, к нестабильности. В данном случае, перефразируя Наполеона («Вся тайна цивилизаций — в дорогах»), можно сказать: «Вся тайна дорог — в цивилизациях».

Развитие политической институциональной основы транспортных коридоров

Глобальный аспект

Для международных инвесторов и перевозчиков важным является вопрос политической нестабильности в регионе, своего рода «политического транзитного барьера».

TRACECA — инициатива Запада, Шелковый путь — инициатива Востока. Необходимо укрепить институциональные основы интеграции проектов TRACECA и ВШП — создать бюрократический коридор.

Цель проекта TRACECA — передать функции моста между Азией и Европой от России к ЦЕА и Кавказу. Такие политизированные варианты маршрутов в обход России и Ирана при возрождении ВШП невыгодны ни странам региона, ни ближайшим соседям, ни России и по другим причинам. Создание транспортного коридора через Каспийское и Черное моря требует организации эквивалентных встречных потоков грузов из Европы через паромные переправы, что весьма проблематично. Турция планирует в будущем строительство транспортного тоннеля под Босфором.

В Иране идет нормализация внутри- и внешнеполитической ситуаций. Таким образом, нет особых причин для того, чтобы TRACECA была отдельным самостоятельным маршрутом (с двумя паромными переправами через Каспийское и Черное моря). Заметим, что за 1,5 тысячелетия функционирования ВШП никому в голову не пришла «свежая мысль» о двух паромных переправах. В этом контексте маршрут TRACECA представляется как ответвление от ВШП, основные трассы которого пойдут через Теджен — Серахс и РФ.

Региональный аспект

Однако без урегулирования пограничных и трансграничных проблем внутри региона возрождение ВШП представляется проблематичным. И не только в связи с сохранением напряженности между странами по этим вопросам, но и в чисто прикладном аспекте: если не завершена демаркация и делимитация границ — возникнут споры о принадлежности приграничных участков, которые будет пересекать ВШП.

ВШП — это не только дороги и трубопроводы, но и ЛЭП, это не только перемещение товаров и капиталов, но и перемещение людей и

услуг. ВШП — это не столько создание новой инфраструктуры, сколько ликвидация барьеров на той инфраструктуре, которая уже имеется. Технические барьеры устранить несложно, труднее устранить барьеры политические и бюрократические.

Киргизстан — это юго-восточные ворота в Среднее СНГ (ЦЕА + Восточная Сибирь), где Индия может получить доступ к электроэнергетике, расщепляющимся материалам для АЭС и другим товарам и, в свою очередь, иметь сбыт собственных товаров. В связи с этим встает вопрос о возрождении и закладке меридианальных маршрутов: Сибирь — Индийский океан.

Развитие альтернативных подвариантов ВШП

Основное — широтное направление ВШП обусловлено широтным простиранием хребтов Тянь-Шаня. Южнее Тянь-Шаня на Памире и обрамляющих его хребтах Гиндукуша, Каракорума и Кунь-Луня ориентация многих хребтов имеет субмеридианальное простирание. Памир, Каракорум, Кунь-Лунь и Гиндукуш прорезают многочисленные каньоны и ущелья, некоторые из которых образуют сквозные проходы, через которые шли древние караванные пути в Кашмир.

Необходимо изучить возможности транспортного сообщения через города Кашгар, Яркенд (КНР) и далее через перевал Каракорум высотой 5575 м над уровнем моря. Каракорумское шоссе, идущее через перевал Хунджераб (4620 м), не подходит для Индии в связи с кашмирской проблемой. Кроме того, Пакистан не может содержать Каракорумское шоссе в рабочем состоянии из-за финансовых проблем, а Китай не очень хочет этого из-за потенциального экспорта экстремизма из Кашмира в Кашгарию. Необходимо изучить возможности создания грузового транспортного сообщения в таких специфических высокогорных условиях, возможность использования электротяги и т.д.

Афганистан также важен как для стран региона, так и для развития ВШП. Именно через Афганистан для них лежит самый короткий путь через Пакистан к портам Индийского океана. Основная проблема — нестабильность и низкий уровень развития в этой стране. Вместе с тем, в самом спокойном районе Афганистана — Ваханском уезде имеется перевал Барогиль — самый доступный в хребте Гиндукуш, высотой 3777 м. Он открыт в течение круглого года и представляет седловину, шириною 5 км. Барогиль имеет выдающееся значение для движения с Памирского тракта в Читрал, через который открывается самый легкий доступ в равнины северного Индостана. Барогильский перевал доступен большую часть года (Князев, 2004).

В рамках этого транспортного моста возможен и энергомост: Токтогульский каскад — Ош — Сары-Таш — Лянгар — Барогиль — Читрал. Возможные доноры — АБР, ОЭС, Фонд Ага-хана. Этот мост будет иметь и гуманитарное значение — способствовать социальному развитию кыргызов Ваханского коридора.

Географическое положение КР позволяет ей стать мостом между севером и югом континента, в частности, соединив Туркестано-Сибирскую железнодорожную магистраль с автомобильными маршрутами через перевалы Барогиль, Хунджераб и Каракорум. Это даст возможность стране стать своеобразным транспортным коридором между Западом и Востоком, Севером и Югом.

Наличие в регионе развитой железнодорожной сети укрепило бы безопасность государств ШОС, поскольку резко облегчило бы переброску войсковых соединений. В такой ситуации необходимо и России интегрироваться в проект ВШП. Россия могла бы обеспечить проект инженерными кадрами, поставить соответствующую технику, чтобы решить технические проблемы строительства туннелей в условиях высокогорья. Таким образом, геополитическое значение транспортных коридоров — это развитие потенциала безопасности. Геоэкономическое значение — сухопутная связь между двумя крупнейшими рынками и создание опережающей инфраструктуры развития. Геокультурное значение — увеличение обмена культурными ценностями и увеличение пассионарного потенциала народов в регионе.

Этикетные нормы гостеприимства как составляющая этнопсихологических особенностей поведения афганцев¹

А.К. Кабдоллаев

В Афганистане используется около 30 языков, причем народы, народности и этнические группы, населяющие эту страну, значительно различаются по своей культуре. Но даже при таком этническом разнообразии этикетное поведение имеет унифицированный характер, в основе которого лежит мусульманское обычное право — *адат*, проявляющееся в незначительных этнических, территориальных и социальных модификациях.

В афганском обществе, в качестве этических основ этикетных норм выступает принцип: «Не делай другому того, чего бы ты не хотел испытать от других сам», дополнительно, для создания максимального комфорта участникам общения и проявления взаимного уважения присутствует другой — «Делай другим то, что бы ты хотел, чтобы делали тебе другие». Афганцам с детства внушаются следующие норы: «Нельзя входить без разрешения в чужой дом или комнату. Если разрешение не получено, следует вернуться обратно. Нельзя вмешиваться без разрешения в чужие дела, прислушиваться к чужим разговорам. Нельзя читать без разрешения чужих писем. На улице и базаре следует соблюдать осторожность, чтобы не толкнуть кого-нибудь. Когда несколько человек идут по дороге (тропе), им следует идти гуськом, чтобы не мешать другим людям. Когда кто-нибудь говорит, следует слушать. Если Вы тоже хотите что-нибудь сказать, потерпите, пока не кончит другой, потом попросите разрешения и тогда говорите. Никогда не нарушайте покоя других людей. Если кто-то спит, ведите себя тихо, не шумите. Если развлекаетесь поблизости от чьего-нибудь дома, никогда не нарушайте покоя живущих в нем людей. Всегда следует заботиться о том, чтобы не причинить кому-либо ущерб. Если Вы хотите сделать или получить что-нибудь, чего хотят и другие люди, следует подождать, пока настанет Ваша очередь, и только тогда осуществить свое намерение, никогда не следует стараться добиться чего бы то ни было раньше других. Уважайте и почитайте других — они будут уважать Вас и станут вашими друзьями». Эти и подобные им правила укореняются в сознании настолько прочно, что становятся основой поведения.

¹ При работе над статьей использована следующая литература:

1. Грюнберг А.Л., Рахимов Р.Р. Этикет у народов Афганистана// Этикет у народов Передней Азии. — М.: Наука, 1988. — С.
2. Кабус-наме. 2-е издание. Пер., ст. и примечание Е.Э. Бертельса. — М., 1958.
3. Мухаммад Садык-и Кашкари. Адаб-уль-Салихан (Адаб ус_Салихан). Пер. Н. Лыкошина. — Ташкент, 1895.
4. Саади. Гулистан. Критич. текст, пер., предисл. и примеч. Р.М. Алиева. — М., 1959.

Афганцы весьма щедры в гостеприимстве. Об этом красноречиво говорят пословицы и поговорки, в частности на дари: *меһман — расули худа аст* — Гость — посланник Бога; *һаққи меһман қабл аз меһман меаӣа* — Доля гостя (средства на его содержание) приходит раньше гостя.

Для удобства восприятия читателями содержания и смысла основных этикетных норм гостеприимства, принятых в афганском обществе, автором предлагается следующая их систематизация:

1. *Общие положения, касающиеся гостеприимства и связанные с ним этикетные нормы.*
2. *Нормы гостеприимства, функционирующие при нахождении в гостях (процедура встречи размещения гостя, трапеза, совместный отдых).*
3. *Убытие гостя, процедура прощания.*

1. Общие положения, касающиеся гостеприимства и связанные с ним этикетные нормы

А. Приглашение:

В афганском обществе принято, что когда приглашают в гости, следует принять приглашение, независимо от того, кто приглашает — человек значительный или простой, причем даже пост не является причиной для отказа. Если приглашение поступает одновременно от двух лиц, то сначала посещается ближайший сосед; если же оба пригласивших соседа проживают рядом, то в данной ситуации предпочтение отдается тому, с кем ближе знаком или более дружен.

Б. Прием гостей:

По возможности приезжих гостей афганцы принимают в специально предназначенном для этой цели помещении носящее название *меһманхана* или *һуджра* (буквально: келья).

В. Обязанности гостя и хозяина:

Отправляясь по приглашению, афганец обязательно утолит свой голод, чтобы в дальнейшем не выделяться из общей среды гостей и не проявлять торопливость в еде. Исходя из установившихся норм, будучи в гостях необходимо принять все, что будет предложено хозяином. Хозяину же в присутствии гостя не полагается обращать внимание на не заслуживающие одобрения поступки членов семьи и ругать их за это.

Находясь в гостях, неприлично озираться, осматривая находящиеся в доме предметы, не следует также давать хозяину какие-либо указания, например, относительно приготовления пищи.

Предупредительность и исключительная заботливость по отношению к гостю, по этикету, для афганца обязательна до истечения трех дней.

Г. Покровительство гостю:

Необходимо отметить, что этикет предписывает не только хорошо принимать гостя, но и оказывать ему всяческую помощь и поддержку.

В Афганистане бытует рассказ о том, что при отражении нападения банды грабителей на деревню, одна преклонного возраста старушка, стоя на пороге своего жилища с беспокойством следила за сражением, где участвовали и два ее любимых сына. После продолжительной и упорной борьбы бандиты были разгромлены. Двое из них, видя, что путь к отступлению закрыт, укрылись в жилище старушки. Их по пятам преследовали деревенские жители. Приблизившись к дому, односельчане с удивлением увидели старушку с поднятыми вверх руками, стремившуюся не допустить преследователей к себе в дом. Один из них спросил ее: «Мать, что ты делаешь? Пусти нас, разве ты не знаешь, что эти два бандита ответственны за жизнь твоих сыновей?». Старая женщина гордо ответила: «Не троньте их, они мои гости».

В нормах уделяется достаточное внимание защите и охране интересов гостя. Если гость просит у хозяина убежища, скрываясь от притеснений или преследования, то хозяин обязан приложить все усилия для того, чтобы гостю не было нанесено ни малейшего ущерба. Если же это произойдет, то причиненный гостю вред приравнивается к ущербу, нанесенному самому хозяину, и требует соответствующего возмещения, вплоть до кровопролития. Такое правило распространяется даже на те случаи, когда гость совершил, какой-либо проступок и его силой принуждают к возмещению нанесенного им вреда. Исключение делается тогда, когда по этому поводу есть решение племенного совета, которому обязаны подчиниться и гость, и хозяин.

У афганцев существует также обычай сопровождать покидающего дом гостя. Он не покинет своего гостя, пока не убедится в безопасности его пути. При этом вся ответственность за гостя ложится на хозяина. Этот обычай называется бадрага. **В это время другие лица, имеющие личные претензии к хозяину (которые в иных условиях могли бы стать причиной конфликта), не предъявляют их, зная, что тот выполняет свой долг — провожает гостя.**

2. Нормы гостеприимства, функционирующие при нахождении в гостях:

А. Процедура встречи гостя:

Гость приветствует хозяина традиционной формулой: *ас-са-ламу алейкум* (Да будет мир с тобой!). Отвечать на приветствие необходимо словами *ва алейкум ас-салам* (Мир да будет с тобой!). Затем гостя приглашают пожаловать в дом: **хозяин указывает правой рукой (ладонью вверх) направление движения (левая рука согнута в локте и приложена к груди)**. Приглашение сопровождается словами: *михрабани* (пожалуйста) или *михрабани кунед* (окажите любезность). При входе в дом **гость должен следовать за хозяином, который часто идет как бы боком, не желая (из вежливости) повернуться к гостю спиной**. У входа в помещение **гостя пропускают вперед**, а предупредительный, заботливый хозяин, стоя у входа, говорит *михрабани*. Гость должен **занять то место, на которое укажет хозяин**. Обычно ему предлагают самое почетное место, находящееся в глубине помещения против входа. Возможен вариант, когда гость отказывается от предложенного места, мотивируя это тем, что оно не для его osoby. В конце концов, гость подчиняется настояниям хозяина и занимает отведенное ему место.

Хозяин и гость расспрашивают друг друга о здоровье, о делах, о состоянии дел. Ответ обычно сопровождается словами: *шукр, фазли худа* (Слава Богу, милостью Бога). Хозяин стремится свои расспросы выразить как можно лаконичнее, стараясь по возможности скорее распорядиться об угощении приезжего.

Б. Совместная трапеза:

Когда церемония приветствия завершена, гостю обычно предлагают какие-либо напитки, чаще всего воду, чай. Если гость не хочет, он вправе отказаться. Хозяин дома придерживается принципа, что кушанья необходимо подавать как можно скорее, не заставляя гостя долго ждать. К столу (*дастархан* — род скатерти) подается нечетное число лепешек, в свою очередь, если гость надломил одну лепешку, то ему нельзя ломать другую, пока не будет съедена первая.

Назойливо есть гостя не упрашивают, правила хорошего тона предписывают повторить это приглашение три раза. Афганцы, так же как и другие народы Востока, самые сладкие и изысканные кушанья предлагают гостю, а сами едят то, что похуже. Если оказалось, что пищи в доме мало, и видно, что у гостя прекрасный аппетит, хозяин старается, есть, как можно меньше.

Перед началом трапезы обязателен ритуал мытья обеих рук. Для этого приносят специальный прибор, состоящий из кувшина и большой чашки (над которой воду сливают на руки), а также полотенце, иногда

и мыло. Вода может быть холодной. Один из младших членов семьи по очереди предлагает гостям вымыть руки: он поливает им на руки и дает полотенце. При этом сначала он обращается к наиболее почетному гостю, а затем к каждому в порядке старшинства. После окончания этой процедуры руки моет хозяин и другие присутствующие с его стороны люди — также по старшинству.

Когда расстилают дастархан с лепешками и другими угощениями, приличие требует, **чтобы хозяин первым протянул руку к кушанью**, хотя ритуал начинается с того, что он приглашает гостя отведать блюда словами *михрабани меһман* (Прошу вас откусать, гость). В таких случаях гость отказывается.

Трапезу начинают словами: *бисмиллаһи раһмани раһим* (Во имя Аллаха милостивого, милосердного). Эту фразу следует произносить громко, чтобы ее слышали все собравшиеся, ибо созывать людей на трапезу и делить с ними еду — дело, угодное Богу.

Есть следует правой рукой, и только со своего края блюда. Косточки от фруктов не бросают в ту посуду, где они лежат. **Садиться за стол желательно не в одиночку**, афганцы считают, что в совместной трапезе — благодать. Пищу не следует нюхать, дуть на нее. **Нельзя вытирать пальцы о хлеб.**

В совместной с афганцами трапезе желательно соблюдать следующие правила:

1. *Не следует спешить — ждите, пока другие начнут есть.*
2. *Во время трапезы желательно разговаривать.*
3. *Не смотрите, как и что едят другие.*
4. *Не делайте ничего, что могло бы вызвать отвращение.*

Правила *адата* требуют от мусульман, чтобы **любое дело начиналось**, если нет особых причин, **правой рукой**. Среди афганцев бытует поверье, что дело, начатое правой рукой, окажется легко выполнимым и даст больше положительных результатов. **Правой рукой** берут хлеб, подают чашку с чаем, возвращают чашку тому, кто ведал чайной церемонией. Спать ложатся **на правый бок**, руку вдевают сначала **в правый рукав**, обувь надевают **на правую ногу**. При входе в помещение порог переступают в первую очередь **правой ногой**. Если кто-нибудь, по неосторожности или засуетившись, входит в дом **с левой ноги**, говорят, что он пришел с дурными намерениями и после его ухода желательно подмести помещение.

В. Завершение трапезы:

После окончания еды полагается прочитать молитву. Это делает самый старший или самый уважаемый человек из участников трапезы, все прочие принимают при этом **молитвенную позу: руки повернуты ладонями вверх на некотором расстоянии от лица (поза человека, читающего книгу)**. После молитвы присутствующие совершают **ритуальный жест: сложив руки так, что ладонь левой руки лежит на тыльной стороне правой, прикасаются ими к лицу, при этом пальцы касаются щек, а нос приходится между большим и указательным пальцами правой руки и проводят руками по щекам сверху вниз**. При этом негромко произносится фраза *алхамду лиллаһ* (Слава Богу!). По окончании молитвы приступают к мытью рук, причем нередко после трапезы вода бывает горячей.

Во многих районах Афганистана распространено курение *табака* в кальяне (*чили́м*). Церемония курения кальяна сходна с церемонией мытья рук. Кальян вносит один из младших членов семьи, накладывает в чашечку табак и раскуривает его. Затем поочередно предлагает курить всем присутствующим, начиная с главного гостя. Поскольку есть опасность, что кальян затухнет, тот, кто его подает гостям, должен раскурить его так, чтобы гостю этого делать самому не приходилось. Обычно кальян курят по окончании трапезы, когда все уже вымыли руки (но бывает, что его приносят и перед угощением, особенно если гости пришли неожиданно и требуется время, чтобы приготовить пищу).

Затем подают чай, как правило, каждому из гостей подается отдельный чайник; если же чайник один, то его разливают хозяин. Протягивая пиалу гостю, он либо **прижимает левую руку к груди, либо кладет ладонь левой руки на сгиб правой** (этот жест вообще употребляется во всех случаях, когда вы что-то даете другому лицу).

3. Уход гостя, процедура прощания

Гость, собираясь покинуть дом хозяина, должен спросить на то его позволения, это разрешения носит чисто этикетный характер. Наиболее распространенная формула на языке дари звучит следующим образом: *иджаза аст, аз пеши тан рухсат бигирем* (Разрешите покинуть вас?). Получив разрешение хозяина, гость не должен вести продолжительную беседу. По *адату* его **проводят несколько шагов от дома**. Прощаясь с ним, говорят: *худа хафиз* или *ба амани худа* (Бог да бережет вас!). Приезжему в дорогу дают одну или несколько лепешек. Отказываться нельзя. У афганцев существует представление, что хлеб обладает свойством предотвращать всякого (путника) от бед и несчастий.

Уважение к старшим по возрасту, почитание родителей, необходимость соблюдения этикетных норм по отношению, как к посторонним лицам, так и к членам своей семьи одновременно выступают как этнопсихологические особенности поведения афганцев. При этом совокупность этикетных норм имеет двоякую природу. С одной стороны сформировавшуюся на определенном этапе развития афганского общества, с другой трансформированные из *адата* общемусульманские нормы поведения.

Протокол допроса обвиняемого Гулям Сиддик-хана от 5-го апреля 1946 года¹

«Я... не исключал возможности, что вопрос о перевороте в Афганистане уже предreshен между Советским правительством и Германией» (из показаний лидера амануллистов Гулама Сиддик-хана Чархи о попытках фашистской Германии в 1939-1940 гг. организовать с помощью СССР государственный переворот в Афганистане).

История «большой игры» в Центральной Азии накануне и в годы второй мировой войны до настоящего времени в отечественной и зарубежной историографии все еще изучена недостаточно. Значительная часть документов о тайной дипломатии великих держав в этом регионе до сих пор остается недоступной для востоковедов. С середины 1990-х гг. в России после короткого периода открытия архивных фондов снова были введены ограничения на допуск исследователей к этим материалам, что вновь затормозило изучение международных отношений на Среднем Востоке. Однако, несмотря на все трудности, в течение последнего десятилетия в нашей стране накоплен достаточный объем новой информации, чтобы приступить к работе над ранее закрытыми темами. Одной из них является деятельность в эмиграции сторонников бывшего короля Афганистана Амануллы-хана.²

Амануллисты длительное время активно пытались заручиться поддержкой СССР, Турции, Италии и Германии для свержения «узурпатора» Надир-шаха, основавшего новую афганскую королевскую династию Яхья-хель. Главную роль в этих интригах играл бывший министр иностранных дел Афганистана при Аманулле-хане Гулам Сиддик-хан Чархи³ (1894-1962), который был признанным лидером афганской эмиграции в Европе.

¹ Центральный архив ФСБ Российской Федерации. — Д. 8234, л. 90-101. Машинописный текст. Публикацию подготовил Ю.Н. Тихонов.

² Аманулла-хан (1892-1960) — король Афганистана в 1919-1928 гг. В 1928 г. вынужден был отречься от престола, и эмигрировал в Италию. В течение многих лет активно стремился с помощью иностранных держав вернуть себе власть в Афганистане. Осознав свое поражение в борьбе с династией Яхья-хель, в 1949 г. официально примирился с афганским королем Захир-шахом. Умер 26 апреля 1960 г. в Швейцарии.

³ Гулам Сиддик-хан Чархи (1894-1962 (?)) — афганский дипломат и политический деятель. Из знатного и влиятельного рода Чархи, представители которого в годы правления Амануллы-хана контролировали афганскую внутреннюю и внешнюю политику. В 1920 г. — член афганской делегации при заключении мирного договора с Англией после третьей англо-афганской войны. В 1922-1926 гг. — посол в Берлине. В 1927 г. — личный секретарь Амануллы и министр двора, в 1928 г. — министр иностранных дел Афганистана.

В 1939 г. на коронованного афганского изгнанника обратило внимание руководство фашистской Германии. Министерство иностранных дел разработало план реставрации на афганском престоле Амануллы-хана. Главными авторами этого проекта были Сиддик-хан и глава Ближневосточного отдела МИД Вернер Отто фон Хентиг¹. Целью операции «Аманулла» было приобретение базы для подрывных операций против Индии для сковывания английских вооруженных сил. По замыслу Хентига, для свержения короля Захир-шаха необходимо было из воинов гильзайских племен, некоторые из которых откочевали из Афганистана в советский Туркестан, сформировать отряд около 2 тыс. человек под руководством Сиддик-хана, вооруженных немецким оружием. Затем в течение одного дня эти силы должны были захватить г. Мазар-и-Шариф. Предполагалось, что амануллистам удастся поднять восстание приграничных пуштунских племен, прежде всего африди, момандов и шинвари, чтобы одновременно с севера и юга организовать совместный поход на Кабул. Для полной гарантии успеха операции «Аманулла» Хентиг планировал также задействовать в ней одну горную дивизию вермахта, которая бы поддержала вторжение отряда Сиддик-хана в Афганистан. Помощь СССР при этом должна была свестись к «перевозке войск, строительству необходимых пунктов снабжения и переброске войск вдоль афгано-советской границы».² Однако советское правительство не намеревалось помочь немцам в осуществлении их планов в Афганистане, что, в конечном итоге, предопределило их крах.

5 марта 1940 г. Шуленбург встретился с Молотовым, которому заявил: «План касательно Тибета и Афганистана, с которым приезжал в Москву г-н Клейст и который ему самому ...казался фантастическим,

¹ Вернер Отто фон Хентиг (1886-1984) — германский дипломат. В начале первой мировой войны, будучи кавалерийским офицером, воевал на Восточном фронте. В 1915-1916 гг. являлся одним из руководителей германской военно-дипломатической миссии в Афганистане. В 1917 г. — сотрудник немецкого посольства в Турции. В 1920-х гг. в период Веймарской республики работал по линии германского МИД в Таллинне, Москве, Софии. В 1928-1933 гг. — немецкий генеральный консул в Сан-Франциско. С 1934 г. — посол в Колумбии. В 1936 г. — посол в Нидерландах. В 1937 г. был назначен начальником Ближневосточного отдела МИД Германии. В 1937-1939 гг. посетил многие арабские страны. В сентябре 1939 г. был назначен И. Риббентропом послом в Афганистан, но из-за противодействия СССР и Великобритании афганское правительство не дало ему акредитации. После нападения фашистской Германии на СССР был назначен представителем министерства иностранных дел в войсках вермахта на южном участке советско-германского фронта. В 1945-1946 гг. находился в американском лагере для военнопленных. С 1952 г. — посол ФРГ в Индонезии. В 1954-1960 гг. — советник при короле Саудовской Аравии. (Автор данной публикации благодарит Милана Хаунера за предоставленную информацию о В. Хентиге).

² Hauner M. India in Axis Strategy. Germany, Japan and Indian Nationalists in the Second World War. — Stuttgart, 1981. — P.162.

не исходил от фюрера и от фон Риббентропа. Поэтому вопрос об Афганистане... снимается совсем».¹

Однако в Берлине и Риме, как показали дальнейшие события, не отказались от идеи осуществить в Кабуле государственный переворот с целью свержения «проанглийского» режима Захир-шаха². План «Аманулла» был лишь отложен до более благоприятного момента. Фашистское руководство Германии отложило, но не отказалось окончательно от плана превратить Афганистан в плацдарм для вторжения в Британскую Индию. В связи с этим Сиддик-хан с 1940 г. за солидное жалование стал негласным консультантом германского министерства иностранных дел. Особенно часто к его услугам внешнеполитическое ведомство Третьего рейха прибегало в 1941—1942 гг.

В конце войны Сиддик-хан и его семья, спасаясь от бомбардировок и штурма Берлина Красной Армией, жили в небольшом немецком городке Либерозе, который оказался в советской зоне оккупации Германии. К встрече с офицерами «Смерша» лидер амануллистов подготовился основательно: были уничтожены вся его переписка и все деловые бумаги. Основательной ревизии подверглись фотографии, на которых Сиддик-хан был запечатлен с многими политическими деятелями Европы и Востока. Фотокарточки, где он был снят вместе со Сталиным, Молотовым и Ворошиловым, Сиддик-хан постоянно носил при себе, так как они служили ему своеобразной охранной грамотой. Доказательств сотрудничества афганца с органами Третьего рейха у советских контрразведчиков не было, поэтому его с семьей вывезли в Москву как гражданина иностранного государства, временно проживавшего в Германии.

По иронии судьбы в СССР Сиддик-хан прибыл в одном вагоне со своим злейшим врагом афганским послом Алла Наваз-ханом³, который постарался выяснить, зачем везут в Москву противника династии Яхья-хель. В свою очередь, Сиддик-хан, чувствуя нависшую над ним опасность, приложил все усилия, чтобы войти в доверие к своему высокопоставленному попутчику.

¹ Запись беседы наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова с послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом//Документы внешней политики СССР. — М., 1995. — Т. XXIII.1. — С.131.

² Захир-шах (род. 15 октября 1914 г.) — сын Надир-шаха. В 1933-1973 гг. — афганский король. После вступления на престол фактически был отстранен своим дядей премьером Хашим-ханом от государственных дел. В 1973 г. был свергнут в результате заговора Мохаммада Дауд-хана. С этого времени проживает с семьей в Италии.

³ Алла Наваз-хан (?-?) — афганский государственный деятель и дипломат. Выходец из Мултана (Британская Индия). В 1915 г. с группой индийских студентов-мусульман тайно проник в Афганистан, чтобы с территории этой страны организовать вооруженное антибританское восстание в Индии. В 1919 г. участвовал в третьей англо-афганской войне. В 1929 г. стал доверенным лицом Надир-шаха, которому оказал большую помощь в борьбе за власть. В 1933-1945 гг. был афганским послом в Германии.

25 мая 1945 г. Сиддик-хан с семьей был доставлен в Москву. Как и любой иностранец в то время, Сиддик-хан находился под негласным надзором НКВД, но он не был под домашним арестом. Лидер амануллистов свободно передвигался по Москве, переписывался с оставшимися в Германии родственниками и даже встречался с иностранными дипломатами. В июне 1945 г. Сиддик-хан несколько раз посещал дипломатическую миссию своей страны в Москве. Во время одного из таких визитов афганский посол Султан Ахмат-хан заставил его на Коране присягнуть на верность королю Захир-шаху¹. 8 июля 1945 г. в Кабуле был опубликован королевский указ о помиловании Сиддик-хана и возвращении ему афганского гражданства.

Зная Сиддик-хана, в Кабуле не питали никаких иллюзий по поводу его клятв и раскаяний. Захир-шаху был важен факт публичного покаяния злейшего врага правящей династии, чтобы окончательно сломить волю к борьбе у приверженцев Амануллы-хана как внутри страны, так и за рубежом. Справедливо опасаясь, что лидер амануллистов, вернувшись на родину, вновь возобновит свою антиправительственную деятельность, афганская сторона попросила советское правительство поскорее вернуть Чархи в Германию².

Однако в руки советских контрразведчиков попал единственный трофейный документ, из которого явствовало, что Сиддик-хан предоставил в распоряжение германского посольства в 1941 г. верных ему людей. 6 марта 1946 г. по обвинению в сотрудничестве с германской разведкой Сиддик-хан был арестован³.

Условия содержания Сиддик-хана в тюрьме стали более сносными. Его жена смогла передать ему теплые вещи, крайне дефицитные в 1946 г. консервы и даже ватное одеяло. Самое главное, во время допросов из него не пытались «выбить» признательные показания, а стремились получить как можно больше достоверной информации о его прошлом.

На допросах Сиддик-хан упорно отрицал сотрудничество с германской разведкой и при любом удобном случае подчеркивал, что в своей деятельности Аманулла-хан и он всегда ориентировались на Советский Союз, которому не принесли никакого вреда. В итоге, 14 июля 1946 г. лидер амануллистов был освобожден и отправлен с семьей в Восточную Германию. Он сохранил свою собственность даже после образования ГДР, что позволило ему с семьей жить в достатке на собственной вилле. После долгих лет борьбы и интриг он признал свое поражение и, вероятно, обрел покой. Даже с Амануллой он больше не поддерживал отношений.

¹ Центральный архив ФСБ Российской Федерации. — Д. 8234, л. 87.

² Запись беседы С.И. Кавтарадзе с афганским послом Ахмат-ханом от 7.08.1945//Архив внешней политики РФ. — Ф. 015. 1945. — Оп.3. — П.4. — Д. 1, л. 79.

³ Центральный архив ФСБ Российской Федерации. — Д. 8234, л. 12.

Сиддик-хан, забытый как бывшими соратниками, так и могущественными врагами, умер в 1962 г. в ГДР.

Публикуемый впервые один из протоколов допроса Сиддик-хана во время его ареста в СССР является источником, уточняющим ряд ценных деталей как в биографии самого Сиддик-хана, так и в деятельности в Европе накануне и в годы Второй мировой войны.

Стенограмма¹

Вопрос: Следствие вновь возвращается к вопросу о ваших связях с разведывательными органами и предлагает дать об этом откровенные показания?

Ответ: Я откровенно показал на предыдущих допросах, что в сотрудничестве с разведками никогда не состоял и не мог заниматься шпионской работой, так как это противоречит моим взглядам и религиозным убеждениям, а, заодно, и возможностям.

Последние 12 лет я прожил в Германии в качестве частного лица — эмигранта и, кроме единственного вызова в 1935 году в гестапо по поводу моих связей с афганскими студентами, о чем мною уже даны показания, мне не приходилось соприкасаться с разведывательными или полицейскими учреждениями. Мало того, после вызова в гестапо в 1935 году, я обратился в германское министерство иностранных дел с ходатайством оградить меня от подобных неприятностей или дать разрешение на вывоз из Германии моих денежных средств и имущества с тем, чтобы переселиться в другую страну. Существенную помощь мне тогда оказал начальник восточного отдела германского министерства иностранных дел - доктор ПРУФЕР,² докладывавший обо мне их министру фон НЕЙРАТУ,³ со стороны которого поступило заверение, что впредь меня никто беспокоить не будет.

Вопрос: Чем объясняется такое внимание к вам со стороны руководящих лиц их министерства иностранных дел Германии?

Ответ: Это была простая любезность со стороны доктора ПРУФЕРА, как моего старого друга. С фон НЕЙРАТОМ я не имел

¹ Центральный архив ФСБ Российской Федерации. — Д. 8234, л. 90-101. Машинописный текст.

² Автор не имеет биографических сведений о данном дипломате.

³ Константин фон Нейрат (1873-1956) — германский политический деятель и дипломат. С 1903 г. был генеральным консулом Германии в Лондоне. В годы первой мировой войны служил в германском посольстве в Стамбуле, с 1919 г. — посланник в Дании. В 1922-1930 гг. был послом в Риме. С июня 1932 г. по февраль 1938 г. являлся министром иностранных дел Германии. В 1939-1943 гг. — протектор Богемии и Моравии. В Нюрнберге был приговорен к 15 годам тюрьмы, в 1954 г. досрочно освобожден.

ничего общего и, в другом случае, кроме официального заверения с его стороны, никакой помощи от него не имел. Близкие отношения с ПРУФЕРОМ, а также с его помощником — доктором ГРОБА,¹ у меня установились еще с момента моего приезда в Берлин посланником в 1922 году. С этого времени мы посещали друг друга на дому, взаимно делали подарки, в частности, от меня ПРУФЕР и ГРОБА получали подарки коврами, каракулем, серебром и другими предметами.

Вопрос: Не хотите ли вы этим сказать, что ПРУФЕР и ГРОБА были задарены вами и поэтому оказывали всякие услуги?

Ответ: Я этого не утверждаю, но с течением времени наши отношения на этой почве еще более углубились и в необходимых случаях они охотно оказывали мне те или иные услуги. К примеру, ПРУФЕР, вскоре после моего переселения в 1934 году в Германию, дал мне хорошую личную рекомендацию, которая мне во многом помогла при устройстве личных и коммерческих дел.

Были случаи, когда ПРУФЕР даже звонил в районные финансовые учреждения и ходатайствовал о снижении налогов с принадлежащих мне двух домов и подоходного налога. Некоторые личные услуги оказывал мне и доктор ГРОБА.

Вопрос: Следствие располагает данными, что вам оказывались услуги со стороны ПРУФЕРА, ГРОБА и других сотрудников министерства иностранных дел, вследствие ваших связей с ними по линии разведывательной работы. Об этой стороне вашего сотрудничества с ними вы и покажите сейчас.

Ответ: Я это отрицаю. Кроме личной дружбы и взаимных услуг на этой почве, у меня никаких прочих связей с ПРУФЕРОМ и другими сотрудниками не было. Министерство иностранных дел или другие германские органы никогда не привлекали меня к сотрудничеству и не делали никаких предложений, за исключением переговоров в 1939 году о государственном перевороте в Афганистане, закончившихся безрезультатно.

Вопрос: С кем из немцев и какие переговоры вели вы в 1939 году?

¹ Фриц Гробба (1886-?) — германский дипломат. В 1913 г. поступил на дипломатическую службу: служил переводчиком в консульстве в Иерусалиме. В 1914 г. был призван в армию, а в 1916-1918 гг. прикомандирован к германской военной миссии в Турции. В 1921 г. вновь поступил на дипломатическую службу, в 1923 г. — сотрудник восточного отдела МИДа, в 1923-1926 гг. — германский консул в Кабуле. С 1926 г. работал в аппарате министерства иностранных дел. В 1930-1939 гг. — посланник в Багдаде. С 1941 г. курировал вопросы, связанные с пропагандой в восточных странах. В октябре 1944 г. был переведен из МИДа в министерство вооружения Германии. После окончания второй мировой войны несколько лет находился в советском плену.

Ответ: В 1939 году, после захвата Германией Польши и заключения договора с Советским Союзом, меня по телефону пригласил к себе в германское министерство иностранных дел фон ХИНТИГ.¹

Вопрос: Кто такой фон ХИНТИГ?

Ответ: Фон ХИНТИГ в то время возглавлял восточный отдел министерства иностранных дел, вместо уехавшего послом в Бразилию ПРУФЕРА. С фон ХИНТИГОМ я познакомился впервые во время своего первого приезда в 1921 году в Германию с афганской миссией. В течение месяца он тогда сопровождал нас, как представитель Министерства иностранных дел и мы сблизились с ним. Вторично мне пришлось встретиться с ним во время приезда вместе с АМАНУЛЛА-ХАНОМ в Германию в 1928 году, когда он опять около 2-х недель сопровождал нас в поездках по стране. Затем после долгого перерыва мы вновь, как старые знакомые, встретились с фон ХИНТИГОМ в 1937 году, после назначения его на должность начальника восточного отдела министерства иностранных дел. К тому же, ПРУФЕР перед своим отъездом в Бразилию дал ему хорошую рекомендацию обо мне и просил оказывать в нужных случаях помощь. В результате этого мы быстро подружились с фон ХИНТИГОМ семьями, часто бывали друг у друга, ездили вместе на охоту и проводили вместе свободное время.

Вопрос: Продолжайте свои показания о деловых переговорах с фон ХИНТИГОМ в 1939 году.

Ответ: Пригласив меня к себе в 1939 году, фон ХИНТИГ поставил передо мной вопрос о том, смогу ли я взять на себя инициативу по подготовке восстания в Афганистане для свержения господствующей там династии НАДИР-ШАХА и возвращения в Кабул бывшего короля АМАНУЛЛА-ХАНА, при условии, если Германия окажет мне всю необходимую помощь вооружением и военными инструкторами.

Вопрос: Уточните, почему фон ХИНТИГ сделал такое предложение вам, и не исходила ли его инициатива от вас?

Ответ: Постановка этого вопроса исходила целиком от фон ХИНТИГА, без всякой инициативы с моей стороны и была даже неожиданной для меня.

Выдвигая передо мной такое предложение, фон ХИНТИГ безусловно действовал от имени германских правительственных кругов, стремившихся путем переворота укрепить свое влияние в Афганистане.

Вопрос: И для этой цели они избрали вас, как своего человека?

¹ Так в тексте.

Ответ: Я не был сторонником фашистского строя и не имел никакого касательства к германским правительственным или другим органам, хотя и вынужден был проживать в Германии из-за запрещения вывезти свое имущество. В этом смысле я не был для немцев своим человеком, но для осуществления своих планов у них не было другой, более известной и авторитетной в Афганистане фигуры, почему они и пригласили меня. Таково мое личное мнение, так как фон ХИНТИГ со мной на эту тему не говорил и для меня осталось неизвестным, по чьим непосредственным указаниям он действовал. Во всяком случае, для фон ХИНТИГА были хорошо известны моя прошлая деятельность и враждебное отношение к существующему в Афганистане режиму династии НАДИР-ШАХА, что давало ему основание рассчитывать на привлечение меня к этому делу.

Вопрос: Как вы отнеслись к предложению фон ХИНТИГА?

Ответ: Предложение фон ХИНТИГА соответствовало моим давним желаниям и поэтому я положительно отнесся к нему, но тут же заявил, что смогу приняться за это дело только с согласия и при помощи со стороны Советского Союза. Фон ХИНТИГ ответил мне, что этот переворот мыслится германским правительством произвести в контакте с Советским правительством. После этого я высказал свои соображения, что восстание может быть успешным только в том случае, если предварительно удастся организовать в Советском Союзе несколько частей из числа проживающих в Средней Азии афганцев, хорошо вооружить и подготовить их, а затем проникнуть с ними через афганскую границу и захватить гор. Мазари Шариф. Одновременно с этим следует поднять при помощи своих людей, проживающих в Афганистане, восстание племен в других провинциях страны и потом захватить Кабул.

Вопрос: Кого из своих людей в Афганистане вы имели в виду привлечь для участия в восстании?

Ответ: Фон ХИНТИГ спросил меня об этом и я назвал ему несколько преданных мне руководителей племен моманд, среди которых я, а в прошлом мой отец и братья, пользовались большим авторитетом и доверием. По первому зову эти племена во главе со своими руководителями в любой момент поднялись бы за мной против ЗАХИР-ШАХА и его войск. Я полагал, что в дальнейшем, наряду с подготовкой захвата Мазари-Шарифа со стороны афгано-советской границы, с этими руководителями должна быть установлена связь и обусловлено время начала восстания племен внутри страны.

Вопрос: Вы с фон ХИНТИГОМ разрабатывали подробный план подготовки восстания и переворота в Афганистане?

Ответ: Нет, конкретного плана мы не намечали, и я не имел в виду разрабатывать его без участия Советского Союза. В разговоре с фон ХИНТИГОМ я только высказал свои предварительные соображения и, по его просьбе, назвал нескольких руководителей племен, на которых мог бы рассчитывать во время восстания.

Вопрос: Кого из них, персонально, вы указали фон ХИНТИГУ?

Ответ: Я назвал ему надежных людей из руководителей племен моманд, проживающих в восточной провинции Джелял-Абад,¹ возле индийской границы, а именно:

1. МОГАМЕД-ХАСАН-ХАНА, сына САРДАР-ХАНА

2. МОГАМЕД-ЮСУФ-ХАНА, родного брата МОГАМЕД-ХАСАН-ХАНА

3. МАГОМЕД-АМИН-ХАНА, сына МЕСЕЛЬ-ХАНА.²

Я также мог назвать фон ХИНТИГУ очень авторитетного и именуемого «святым человеком» — ШИРИН-ДЖЯНА, проживающего в местечке Чарбаки-Сафа, или других из преданных мне лиц, но сейчас точно не помню.

Вопрос: Вы также сообщили фон ХИНТИГУ характеристики и адреса этих лиц и договорились с ним об установках связи с ними?

Ответ: Кроме имен и названия провинции, я ничего не говорил о них фон ХИНТИГУ и не давал никаких характеристик. О связи с этими людьми мы также не договаривались, и этот вопрос меня в то время совершенно не занимал, поскольку до проведения всей подготовки к восстанию вне Афганистана, не было никакой необходимости устанавливать с ними связь, тем более что такая преждевременная связь могла привести к провалу всего восстания.

Вопрос: Следствию известно, что вы договаривались с фон ХИНТИГОМ об установлении связи с руководителями племен, и немецкими разведывательными органами были приняты конкретные меры в этом направлении. Почему вы умалчиваете об этом?

Ответ: Я показываю так, как было в действительности и ничего не скрываю. Никакой договоренности с фон ХИНТИГОМ об установлении связи с названными руководителями племен у меня не

¹ В документе ошибка из-за неправильного перевода: Сиддик-хан имел в виду Восточную провинцию, административным центром которой является г. Джелалабад.

² Автор данной публикации не располагает информацией об указанных лицах.

было. Припоминаю, что в процессе разговора со мной фон ХИНТИГ мимоходом делал какие-то заметки на бумаге и, возможно, он записал имена этих лиц, а затем передал в разведывательные органы для установления с ними связи, но мне ничего об этом не известно.

Вопрос: Чем же закончились тогда ваши переговоры с фон ХИНТИГОМ?

Ответ: В заключение я высказал фон ХИНТИГУ свое желание лично выехать в Москву для переговоров, против чего он принципиально не возражал, заявив, что поездка состоится по окончании переговоров по этому вопросу их посла с Советским правительством. С фон ХИНТИГОМ мы условились вновь встретиться сразу же по получению согласия Советского Союза.

В конце беседы я поставил его в известность о своем намерении выехать в ближайшие дни в Италию для встречи и обсуждения всех этих вопросов с АМАНУЛЛА-ХАНОМ.

Вопрос: Состоялась ваша встреча с АМАНУЛЛА-ХАНОМ?

Ответ: Прежде чем встретиться с АМАНУЛЛА-ХАНОМ, я решил обратиться в советское посольство в Берлине, чтобы лично объяснить с советским послом и попросить его разрешения на выезд для переговоров в Москву.

Вопрос: На этот счет вы получили установку от фон ХИНТИГА или кого другого?

Ответ: Нет, я установок о посещении советского посольства от фон ХИНТИГА или кого-либо другого не получал. Я предпринял это по собственной инициативе, решив скрытно от немцев вступить в личные переговоры с Советским правительством. Мною руководила мысль, что успех всего этого дела зависит только от Советского Союза, с которым я, как и во время мятежа БАЧЕ-САКАО в 1929 году, сумею полностью договориться и обеспечить подготовку переворота в Афганистане, помимо немцев, не имеющих общей границы с Афганистаном.

После беседы с фон ХИНТИГОМ, если не ошибаюсь, в тот же день я направился в советское посольство. Меня приняли в комнате для посетителей три человека, из которых один назвался советником посольства. Обрисовав свою прошлую деятельность и сославшись на личное знакомство с рядом руководителей Советского Союза, я сообщил им о своем намерении переговорить с послом и получить разрешение на выезд в Москву для переговоров с Советским правительством по вопросу об изменении существующего в Афганистане государственного

режима. При этом я сослался, что по данному вопросу мною в свое время велись переговоры с советскими представителями — ЛИТВИНОВЫМ¹ и СУРИЦЕМ.² Мне ответили, что о моем ходатайстве будет сообщено в Москву, и о результатах я буду поставлен в известность.

Вопрос: Вы продолжаете скрывать свою настоящую связь с немцами и путаетесь в противоречиях. Несколько выше вы показали, что намеривались в советском посольстве рассказать о своих переговорах с немцами, а на самом деле, скрыли это от принимавшего вас советника посольства. Требуем говорить правду.

Ответ: Я подтверждаю, что не был полностью откровенен во время указанного приема в советском посольстве. Но это произошло потому, что меня принимали трое неизвестных для меня сотрудников посольства, которым я побоялся сообщить о переговорах со мною немцев из опасений, что это не останется в тайне от последних. Целью своей беседы с указанными сотрудниками посольства я ставил добиться приема у посла или его разрешения на выезд в Москву для встречи со знающими меня руководителями Советского правительства, которым я мог все откровенно рассказать и детально изложить план подготовки переворота в Афганистане.

Вопрос: Несостоятельность вашей версии видна из того, что если бы вы искренне намеривались вести какие-то переговоры только с Советским Союзом, то вам незачем было вести двойную игру, скрывать в советском посольстве свои связи с немцами и в тоже время продолжать их. Не так ли?

Ответ: Мои показания полностью соответствуют действительности. Такое поведение с моей стороны объясняется тем, что в этот момент между Германией и СССР установилась общая граница на территории бывшей Польши, был заключен договор в Москве и, установились, как мне казалось, особо дружественные отношения. Поэтому, ориентируясь в своих планах на Советский Союз, я в то же время не исключал возможности, что вопрос о перевороте в Афганистане уже предрешен между Советским правительством и Германией и будет

¹ Литвинов Максим Максимович (Макс Валлах) (1876-1951) — советский дипломат и партийный деятель. В 1930-1939 гг. — нарком иностранных дел СССР. Член ЦК ВКП(б) в 1934-1941 гг.

² Суриц Яков Захарович (1882-1952) — советский дипломат. В 1918-1919 гг. — представитель РСФСР в Дании; в 1919-1921 гг. — полпред РСФСР в Афганистане. В 1921-1922 гг. — уполномоченный НКВД по Туркестану и Средней Азии. В 1922-1923 гг. полпред в Норвегии. В 1923-1934 гг. — посол в Турции. В 1934-1937 гг. — посол в Германии. В Стамбуле и Берлине поддерживал тайные контакты с амануллистами. С 1937 г. — советский посол во Франции. После фашистской оккупации Франции был отозван в Москву и работал в аппарате НКВД. В 1946-1947 гг. был послом в Бразилии. В 1948 г. вышел в отставку.

осуществляться ими только совместно, как мне заявил об этом фон ХИНТИГ. В таком неясном для меня положении, я не решался порвать переговоры с немцами, тем более что инициатива исходила от них.

Вопрос: Вы далеко не откровенны и к этому вопросу следствие еще вернется. Сейчас покажите, что в дальнейшем практически было предпринято вами в порядке осуществления предложений немцев?

Ответ: Я ничего не предпринимал и не собирался предпринимать до личной поездки и переговоров в Москве. После посещения советского посольства я созвонился по телефону из Берлина с АМАНУЛЛА-ХАНОМ в Риме и, в виду спешности и желания выиграть во времени, вызвал его для встречи в приграничный итальянский городок Бользано, возле итало-немецкой границы. Во время этой встречи в одной из гостиниц г. Бользано мы с АМАНУЛЛА-ХАНОМ обсудили предложение немцев и приняли решение, что в дальнейшем мы должны иметь дело и ориентироваться только на Советский Союз, и я, во что бы то ни стало, должен добиться поездки в Москву и окончательно договориться там об оказании нам помощи, как и в 1929 году,¹ оружием и специальными частями из проживающих в СССР афганцев, при помощи которых можно было бы захватить Мазар-и-Шариф, а затем поднять всеобщее восстание в Афганистане против ЗАХИР-ШАХА.

Предполагалось, что АМАНУЛЛА-ХАН, по получении мною в Москве согласия Советского правительства, переедет в Ташкент, а по занятии Мазар-и-Шарифа обратится как король Афганистана с призывом к населению о всеобщем восстании и вслед за войсками двинется на Кабул.

Мы также решили, что в случае положительного разрешения наших планов в Москве, дальнейший контакт с немцами будем поддерживать лишь в том случае, если это сочтет необходимым советское правительство. От всякой помощи со стороны немцев специальными инструкторами или офицерскими кадрами мы должны были отказаться под благовидным предлогом, что это вызовет недовольство к нам со стороны населения.

О результатах предполагавшейся поездки в Москву и моих там переговорах я должен был незамедлительно поставить в известность АМАНУЛЛА-ХАНА.

¹ В 1929 г. Сталин, стремясь помешать свержению Амануллы-хана, сформировал специальный корпус, который должен был пробиться к Кабулу на помощь законному афганскому правительству. Советские войска под командованием В.М. Примакова при активной поддержке авиации захватили г. Мазар-и-Шариф, но из-за бегства Амануллы из страны вынуждены были повернуть назад. См. подробнее: Бойко В.С. Афганистан на начальном этапе независимого развития (1920-е годы): центральноазиатский контекст внутренней и внешней политики// Афганистан и безопасность Центральной Азии. Вып. 1/ Под ред. А.А. Князева. — Бишкек: Илим, 2004. — С. 77-81.

По возвращении в Берлин я немедленно позвонил в советское посольство в надежде попасть на прием к послу или советнику, [чтобы] изложить перед ними наши с АМАНУЛЛА-ХАНОМ планы и получить разрешение на выезд в Москву. Однако в течение нескольких дней мне по телефону из посольства давали уклончивые ответы, а затем заявили, что советский посол меня не примет.

Вопрос: После этого вы решили действовать только в контакте с немцами?

Ответ: Я был обескуражен ответом советского посольства, отлично сознавая, что любые планы немцев без участия Советского Союза будут носить авантюрный характер, и заранее неосуществимы. Но получилось так, что в то время как я добивался ответа из советского посольства, меня вновь вызвал к себе в министерство иностранных дел фон ХИНТИГ и сообщил, что Советское правительство дало официальное заверение о своем согласии на осуществление переворота в Афганистане при моем участии.

В подтверждение этого фон ХИНТИГ показал мне телеграмму от германского посла в Москве фон ШУЛЕНБУРГА, в которой говорилось, что он был на приеме у Председателя Совнаркома Молотова и получил его согласие на оказание советским правительством совместно с Германией необходимой помощи мне и АМАНУЛЛА-ХАНУ для подготовки восстания в Афганистане, в связи с чем в ближайшее время предполагается мой вызов в Москву для переговоров. Прочитав телеграмму, я заявил фон ХИНТИГУ о своем намерении немедленно отправиться в Москву, на что он ответил, что сейчас туда выехал для переговоров их представитель, а моя поездка состоится, мол, через несколько дней.

Спустя некоторое время фон ХИНТИГ сообщил мне, что из Москвы поступило указание временно отложить мой выезд туда, так как переговоры между правительствами затянулись и еще не закончились. А вскоре фон ХИНТИГ, по неизвестным мне причинам, был уволен из восточного отдела германского министерства иностранных дел и вопрос о моей поездке в Москву, а также и всякие переговоры в отношении переворота в Афганистане, на этом прервались.

Вопрос: А кроме фон ХИНТИГА, с вами никто не вел переговоров по этим вопросам?

Ответ: Нет. Правда, во время моего посещения фон ХИНТИГА в министерстве, в связи с указанной выше телеграммой фон

ШУЛЛЕНБУРГА, он познакомил меня с ГАБИХТОМ,¹ которого я до этого и после не встречал, и не знаю его должностного положения. Судя по отношению к нему фон ХИНТИГА, у меня сложилось впечатление, что ГАБИХТ занимал какой-то высокий пост и имел отношение к переговорам с Москвой по этому делу.

Вопрос: В связи с чем состоялось знакомство ГАБИХТА с вами?

Ответ: Я сам не смог уяснить этого. Зайдя в кабинет фон ХИНТИГА во время нашей беседы с ним, ГАБИХТ познакомившись со мной, высказал в коротком разговоре свою осведомленность о наших переговорах и, подтвердив содержание телеграммы фон ШУЛЛЕНБУРГА о скором вызове меня в Москву, пожелал успеха в предстоящих переговорах с советским правительством и тут же распростился и ушел.

Я полагаю, что ГАБИХТ являлся одним из видных инициаторов замышлявшегося переворота в Афганистане и, зная об отводившейся мне роли в нем, зашел к фон ХИНТИГУ затем, чтобы лично познакомиться со мной. Больше ни с кем из немцев я никаких переговоров не вел.

Вопрос: Во время своих встреч с фон ХИНТИГОМ и ГАБИХТОМ вы поставили их в известность о результатах своих попыток связаться с советским консульством?

Ответ: О своем посещении советского посольства и попытках связаться с ним по телефону я, ни до ни после, никому из немцев, в том числе фон ХИНТИГУ и ГАБИХТУ, не говорил.

Вопрос: Кому из немцев вы сообщили о своих переговорах с Советским правительством по поводу оказания помощи АМАНУЛЛАХАНУ в 1929 году?

Ответ: Об этом я говорил с фон ХИНТИГОМ, но для него тогдашние переговоры не были секретом. В 1929 году я приезжал в Германию и вел в министерстве иностранных дел переговоры об оказании нам помощи оружием со ШТЕЙЗЕМАНОМ² и РИХТГОФЕНОМ.³ При их содействии я закупил тогда в Германии и отправил в Советский

¹ Теодор Хабихт (?-?) — с 1939 г. был начальником политического отдела германского министерства иностранных дел. Доверенное лицо и выдвиженец И. Риббентропа.

² Густав Штресман (1878-1929) — государственный и политический деятель Германии. Лидер Немецкой народной партии. В 1923 г. — глава коалиционного правительства. В 1923-1929 гг. — министр иностранных дел Германии.

³ Вероятно, речь идет о Вольфраме фон Рихтхофене (1895-1945) — немецком летчике, который был привлечен Штресманом к переговорам с представителем Амануллы, так как в 1929 г. афганская сторона просила срочно, наряду с другим вооружением, продать ей несколько самолетов «Юнкерс». Эта просьба была удовлетворена германским правительством.

Союз большую партию оружия, и немцы с тех пор были осведомлены о моих переговорах и контакте с советским правительством по оказанию помощи АМАНУЛЛА-ХАНУ в 1929 году, а также знали о моих старых симпатиях к Советскому Союзу.

Вопрос: Покажите на каких условиях немцы предлагали вам помощь для подготовки восстания против ЗАХИР-ШАХА в Афганистане, и какие цели они при этом преследовали?

Ответ: Для меня было ясно, что в данном случае немцы действовали, прежде всего, в своих, нежели в моих и АМАНУЛЛА-ХАНА интересах. Однако, во время переговоров со мной они никаких условий еще не выдвигали, видимо, потому что наши переговоры носили предварительный характер и не получили конкретного завершения.

Протокол записан с моих слов правильно и прочитан мне на понятном для меня русском языке:

Гулям Сиддик-хан

Подпись — автограф.

Ахмад Шах Масуд: «Пакистан — воюющая сторона»¹

Текст выступления 11 апреля 2001 года в Душанбе

Весной 2001 г. состоялся первый и последний визит Ахмад Шаха Масуда — вице-президента и министра обороны Исламского государства Афганистан — в Старый свет, куда он был приглашен председателем Европарламента госпожой Николь Фонтен. В этой организации его встретили как главу государства с соблюдением всех норм протокола. Более того, во время совместной пресс-конференции Николь Фонтен сказала: «Я горжусь, что сижу рядом с человеком, который самые лучшие годы своей молодости посвятил борьбе против врагов своей Отчизны».

Депутаты Сената и парламента Франции при появлении Ахмад Шаха Масуда в зале встали с мест и стоя стали аплодировать ему. Для встречи с ним в Париж приехали сотрудники английского МИДа. Его пригласил на встречу председатель департамента международных отношений ЕС Хавьер Солана, министр иностранных дел Бельгии Луи Мишель пожелал встретиться с Масудом. Ему обещали экономическую помощь в десятки миллионов франков. Без преувеличения можно сказать, что это был «звездный час» Ахмад Шаха Масуда.

Во время одной из пресс-конференций в Европе у него спросили: что бы он сказал Бушу, если бы они встретились: «Обращаясь к нему, я бы сказал, что если господин Буш не предпримет усилий для установления мира в Афганистане, пламя этой войны охватит не только Америку, но и другие страны», — ответил он.

За океаном не только проигнорировали эти слова, но и ряд политиков во главе с конгрессменом Роурбекером решили встретиться с представителями талибов в Катаре, несмотря на объявленные экономические и политические санкции ООН против непризнанного правительства муллы Омара. После этой встречи Осам бен Ладен стал главнокомандующим вооруженными формированиями талибов, а полевой командир ИДУ Жума Намангони — его заместителем.

9 сентября того же года арабскими наемниками был убит Ахмад Шах Масуд, через два дня прогремели взрывы в Нью-Йорке и Вашингтоне. Это позволило американцам не только объявить войну своим «воспитанникам» — талибам, но и перехватить инициативу в афганских делах у европейцев. 7 октября Вашингтон начал бомбить позиции талибов, в середине ноября ввели свои войска в Афганистан. Таким образом, европейцы оказались на вторых ролях.

¹ Опубликовано в «Чавонони Тоҷикистон». — Душанбе. 2001. — 12 апреля. Перевод Нурали Давлятова.

Ниже, мы предлагаем вам текст выступления Ахмад Шаха Масуда 11 апреля 2001 года в городе Душанбе на следующий день после приезда из Европы. Это была единственная его пресс-конференция для журналистов и афганских беженцев, живущих в Душанбе, хотя в последние годы Таджикистан был главным тылом Ахмад Шаха Масуда в борьбе против движения «Талибан».

Дорогие соотечественники и глубокоуважаемые гости!

Как вы знаете, неделю назад по приглашению Европарламента, я совершил поездку в Европу во главе делегации, в которую также входили Арифхан, командир из Кандагара, господин Пиримкул из военных руководителей Севера, и господин Анвари. В Европе к нам присоединились доктор Абдулло — министр иностранных дел, и Масуд Халили — посол ИГА в Индии. Предполагалось, что поездка продолжится всего лишь два дня, в ходе которых должны были состояться две встречи: очень короткая встреча с французами, другая, чуть продолжительнее, в Европарламенте. Но получилось так, что поездка затянулась на целую неделю.

За это время состоялись официальные встречи с руководителями ряда государств...

Переговоры начались во Франции. С министром иностранных дел этой страны мы говорили более двух с половиной часов, мы также встретились с председателем парламента, затем нас принял председатель Сената. Проблемы Афганистана мы обсудили также с членами парламента и Сената.

Мы встретились также с друзьями Афганистана. В основном это были люди, работавшие в Афганистане при Захир-шахе и Дауде в качестве преподавателей и специалистов, и с сотрудниками гуманитарных организаций, оказывавших нам помощь во время джихада.

Во Франции состоялась и пресс-конференция, в которой приняли участие более двухсот журналистов и мы ответили на многие интересующие их вопросы.

Наша встреча с председателем Европарламента продолжалась несколько часов, после чего нас пригласили на обед. В тот же день мы встретились с членами шести фракций этой организации. Затем состоялась совместная пресс-конференция с председателем Европарламента.

Предполагалось, что в Европарламенте наши переговоры продолжатся один час. Но встречи следовали одна за другой и закончи-

лись поздно вечером. По приглашению департамента международных отношений Еврокомиссии мы встретились с господином Х. Соланой, бывшим генеральным секретарем НАТО. В ходе этой встречи мы подробно и обстоятельно обсудили проблемы Афганистана. Также состоялись продолжительные переговоры с министром иностранных дел Бельгии. Его страна через два месяца будет председательствовать в Европарламенте. В Бельгии мы имели продолжительную встречу с нашими соотечественниками и бельгийцами, которые работали в нашей стране при короле и во время джихада. Ряд сенаторов и членов парламента пригласили нас на ужин. На встречу с нами в Париж приехали также представители МИД Англии.

Должен отметить, что на всех встречах мы обсуждали ряд важных проблем, я кратко изложу их вам. Я говорил, что в Афганистане идет не гражданская война, истоки этой войны надо искать за пределами Афганистана. Сегодня против нас воюют не только афганцы. Афганские талибы и мулло Омар — это только одна часть проблемы. Рядом с ними находится Осам бен Ладен с 4-5 тысячами своих боевиков. Еще несколько тысяч наших противников составляют пакистанские талибы. Сегодня в Афганистане существуют как минимум три группировки, среди которых только одна афганская, а две — неафганские. В своих выступлениях в Европе мы отмечали, что эти группы по-разному понимают ислам. Мы считаем, что это радикализм. Их понимание не только отличается от понимания афганцев, среди которых 99,9 мусульмане, но и противоречит их взглядам. Я заявил также, что цель талибов не только Афганистан, иначе не было бы необходимости в появлении пакистанских талибов, бен Ладене и его террористах. Их цель лишь в первую очередь Афганистан, а затем — Средняя Азия, арабские страны, Европа и остальной мир. Для поддержки экспорта своих взглядов они используют наркотические вещества. Более того, они считают это тактикой борьбы против немусульман. Также талибы считают, что терроризм является составной частью джихада.

Мы боремся против групп, которые не признают декларацию прав человека, они игнорируют права женщин, и считают, что предоставление каких-либо прав женщинам ниже их достоинства. Талибы не хотят проводить всеобщие выборы, они не верят в волеизъявление народа. Они не думают о возрождении страны, наоборот, они хотят построить для себя полигон. В лице соседей и остального мира они видят противников.

В то же время я везде говорил, что мы с уважением относимся к декларации прав человека, независимо от того, будем ли мы находиться у власти или нет. С точки зрения прав человека, женщины ничем не отличаются от мужчин, поэтому мы признаем права последних, тем более, что они составляют половину общества.

Относительно выборов я отметил, что эту проблему я считаю одним из главных вопросов сегодняшнего дня. Мое мнение таково, что без выборов и установления демократии ситуация в Афганистане никогда не нормализуется. Только режим, избранный путем всеобщего голосования, сможет обеспечить мир.

Я заявил, что резко отрицательно отношусь к наркотикам и терроризму, так как будущий Афганистан желает добрых отношений с соседями. Поэтому я попросил у своих партнеров по переговорам содействия в деле установления мира в нашей стране. Но для этого необходимо найти корни войны. Главный поджигатель войны в Афганистане — Пакистан и его армия. Я везде неустанно повторял, что за названными выше тремя радикальными группами стоят Пакистан, пакистанская армия, ISI.¹ Пакистан считает, что Афганистан это главный барьер достижения его стратегических целей. Пакистанцы хотят реализовать стратегическую программу, разработанную еще при Зия уль-Хаке. В соответствии с этой программой, Пакистан намерен установить в Афганистане марионеточный режим, а после взяться за Среднюю Азию. Вполне очевидно, что для достижения своих целей Пакистан и хочет использовать эти радикальные группы. Огонь, зажженный Пакистаном в нашей стране, рано или поздно охватит и сам Пакистан.

В ходе всех встреч мы хотели привлечь внимание европейского сообщества, чтобы они выполнили свой человеческий и моральный долг в деле установления мира в Афганистане в этот кризисный период. Я заявил, что если они хотят установления мира в Афганистане, то должны обратить свое внимание на три момента:

1. Оказать необходимое политическое давление на Пакистан;
2. Укрепить позиции сопротивления в самом Афганистане;
3. Для оказания гуманитарной помощи предпринимать оперативные решения и не ограничиваться одними обещаниями.

Ни во Франции, ни в Европарламенте, и ни на других встречах эти предложения не встретили отрицания.

¹ Inter-Service-Intelligence, Управление межведомственной разведки Пакистана.

Особо отмечу, что председатель Европарламента относительно этой проблемы заняла очень серьезную позицию. Когда мы прибыли на встречу, то узнали, что на ее имя поступило письмо из МИДа Пакистана, в котором говорилось, что «афганская война принесла нам много трудностей, у нас очень много беженцев, прибавились экономические трудности, поэтому мы хотим установления мира на этой земле. Исходя из этих соображений вы должны учитывать сложившуюся обстановку и встретиться со всеми воюющими сторонами, а не только с одной стороной». Председатель Европарламента на совместной пресс-конференции заявила: «Мы будем контактировать со всеми воюющими сторонами. Пакистан тоже воюющая сторона. Поэтому мы потребуем от Пакистана вывести свои войска из Афганистана и прекратить вмешательство во внутренние дела этой страны».

По поводу вмешательства и агрессии со стороны Пакистана, присутствия пакистанских граждан ни у кого не осталось сомнений. Все пришли к выводу, что пламя афганской войны может охватить и Пакистан.

Во время переговоров с господином Соланой, последний обещал, что на следующий день отправит свой протест в Пакистан. У парламента, сената и МИД Франции тоже имеются требования по данной проблеме.

Министр иностранных дел Бельгии, сделал необходимые записи и обещал, что в экстренном порядке возьмется за это дело. Во время переговоров и совместной пресс-конференции он прямо заявил, что Пакистан должен прекратить свое вмешательство и агрессию, с тем, чтобы афганскую войну решить мирным путем.

Нашу последнюю просьбу относительно оказания гуманитарной помощи приняли и назначили ответственных лиц для изучения этой проблемы. Я попросил доставить помощь не через Пакистан. На вопрос о том, каким путем доставить гуманитарную помощь, ответил следующим образом: «ООН, особенно ее подразделение, ответственное за оказание гуманитарной помощи Афганистану не справилась со своими обязанностями. Ее сотрудники ищут разные предлоги. Главная причина в том, что в представительстве ООН в Душанбе работают несколько пакистанцев». Я напомнил, что представитель ООН большую часть своего времени проводит в пакистанском посольстве у генерала Маджида.¹ Таким образом, он ни в коей мере не может служить афганскому народу. Сегодня в Афганистане тысячи беженцев,

¹ Абдулмаджидхан — посол Пакистана в Таджикистане.

но он обсуждает проблему беженцев, которые находятся на островах, чтобы устроить скандал. Мы заявили, что сами в состоянии перевезти их в район Кокчи, но беженцы не хотят. Нет никакой необходимости, чтобы они покинули пределы своей страны с тем, чтобы эмигрировать в Таджикистан.

Поэтому я попросил, чтобы эти [европейские] государства открывали свои офисы в Душанбе. Слава Аллаху, что в этом смысле Душанбе не имеет никаких проблем. Этим путем они могли бы сослужить хорошую службу афганскому народу.

Относительно сопротивления все наши партнеры по переговорам заявили, что они оказывают нам политическую поддержку. Наши европейские партнеры заявили, что раз мы пригласили вас, это свидетельствует о поддержке сопротивления и ИГА с нашей стороны.

Также мы имели ряд встреч с членами парламента и друзьями Афганистана во Франции и Бельгии. К счастью, эти друзья вновь активизировали свою деятельность. Они образовали комитеты, чтобы находить добровольных благотворителей, через масс-медиа формировать общественное мнение, а также оказывать давление на Пакистан. Каждый день по телевидению я смотрел их передачи, в газетах читал их статьи. Особо отмечу, что друзья Афганистана не простые люди. Это известные деятели. Один из них был академиком, к сожалению, я забыл его имя, опубликовал более 100 книг во Франции. Другой был известным французским философом.

Также мы встретились с афганцами, которые долгие годы находятся вдали от родины. Передаю всем нашим соотечественникам их горячий привет. Приверженность этих людей Афганистану и Объединенному фронту достойна уважения. Могу сказать, что они представляют разные этносы, группы и регионы. Я попросил их по-дружески, чтобы в эмиграции они не разжигали национальную рознь и не разделялись на таджиков, пуштунов, узбеков и хазарейцев, так как это не решит проблемы афганского народа. Мы не должны лить воду на вражескую мельницу. Если вы сделаете это, сказал я, то косвенным образом вы будете помогать пакистанской армии. Вы не должны делать то, что принесет пользу Пакистану. Вы должны служить афганскому народу.

История свидетельствует, что только национальное единство всегда способствовало освобождению Афганистана от агрессоров. Поэтому мы должны объединяться. Что касается нас, мы готовы к сотрудничеству во всех областях: в помощи беженцам, в приезде

специалистов на 1-2 месяца в школы и больницы, экономической помощи сопротивлению, в стремлении к тому, чтобы изменить [афганскую] политику в Европе, а также в других делах.

Некоторые наши соотечественники начали доброе дело в Европе и Америке. Они взяли на себя часть проблем наших семей, живущих в Шамоли. По спискам, составленным нами, уже несколько месяцев как гуманитарная помощь со стороны этих соотечественников поступает в Афганистан. Афганские беженцы из Германии попросили нас отправить им список 1000 человек для оказания помощи. Беженцы, живущие в Бельгии, Голландии и Франции попросили выслать им списки 100, 200, 300 семей. Я восхищен их поступком, потому что они сами являются беженцами.

Таким был наш визит в Европу. Анализ и обсуждение результатов нашей поездки я возлагаю на наших соотечественников и всех братьев.

История Шугнана (Та'рих-и Шугнан)¹

Предисловие²

Появлением в печати настоящего труда отнюдь не заявляется претензия на внесение чего-либо ценного в историческую науку: столь маленький народ, как шугнанцы, живший в малодоступной горной стране и в стороне от великих исторических путей прочих среднеазиатских народов, не играл никакой видной роли в истории последних. Доступные нам скудные сведения китайских и арабских путешественников о Шугнани (Ши-ки-ни, Шикинан) почти не касаются исторических переживаний населения этой страны, а дают лишь отрывочные характеристики Шугнана и его обитателей; столь же скудны и эпизодические исторические известия о Шугнани у европейских путешественников, посетивших страны в верховьях Аму-Дарьи. Тем не менее, было бы ошибочно выводить заключение, что шугнанцы совершенно не имели истории: как и всякий народ, и они пережили известный ряд эпох, быть может, не таких ярких, не описанных таким искусным пером современников и присяжных историков, как у других народов, но, тем не менее, этапы исторической жизни были и у этого народа. И если каждый народ, как этнографическая единица, имеет право на научное внимание к себе во всех отношениях, то нам казалось, что и шугнанцы, весьма достойные изучения в филологическом и религиозном отношениях, не безынтересны и в своем прошлом, хотя бы и повитом туманной дымкой легенд и неясных положений. Отсутствие же письменных памятников, относящихся до этого прошлого, на шугнанском языке (пока не имеющего своей письменности) и на других языках Средней Азии дает некоторое основание предполагать, что настоящий перевод истории Шугнана может представить известный интерес, как первая попытка в более или менее связанном виде рассказать об ушедших далеко в глубь веков событиях этой страны и осветить позднейшие годы истории последней, далеко не всем известные, хотя и живо связанные с деятелями и политическими событиями в сфере недавних англо-русских отношений в Средней Азии.

Что касается самого оригинала настоящего перевода, то он был написан по-персидски в конце 1912 года по моей просьбе довольно хорошо грамотным шугнанцем Сейид-Хайдар-Шо, сыном Муборак-Шо, из кишлака Поринив на Пяндже, одним из знакомых мне туземцев, охотно рассказывавших о своей стране и о разных чертах своего быта. Он записал

¹ Текст приводится по изданию: История Шугнана (Тарих-и Шугнан). — Ташкент, 1916 (пер. А. А. Семенова). Сохранены все особенности орфографии, а также написания имен собственных.

² Переводчика.

на девятнадцати страницах кокандской лоценой бумаги формата в 8 историю своей родины так, как она представлялась ему в преданиях народа и в воспоминаниях его детства, при этом он включил в нее и те единственные известные ему документальные данные, относящиеся к прошлым векам, которые сохранились до сего времени в Шугане: высеченные на камнях и скалах надписи. При этом нельзя не пожалеть, что автор совершенно умолчал о самой крупной личности, сыгравшей до сих пор памятную роль в религиозной жизни страны, о Насыри-Хосрове, апостоле Памирских исмаилитов. Это объясняется тем, что Хайдар-Шо, как и все знакомые мне исмаилиты, ни точно, ни приблизительно не знал, когда именно появилась на Памирах эта личность, и все довольно скудные биографические сведения о Насыри-Хосрове черпал из сборника его поэтических произведений, называемого по местному просто «аш'ор», т. е. «стихотворения».¹

Помимо обычных пояснительных примечаний к настоящему переводу, нам казалось отнюдь не лишним изложить на основании документальных данных, и события последних лет в жизни Шугана, предшествовавшие его современному политическому положению: за необходимость подобного дополнения, как нам казалось, достаточно ясно говорит переписка между некоторыми центральными и местными учреждениями в течение 1913-1914 г. по вопросу о юрисдикции на Памирах. Эта переписка, между прочим, выяснила отсутствие хотя бы краткой, по документальным данным, сводки материалов, относящихся к последнему Памирскому разграничению и тамошнему административному устройству.

Что касается источников, на основании которых нами делались дополнения и примечания к даваемому переводу, то таковые указаны в сносках, сопровождающих текст настоящего перевода.

Собственные имена лиц, рек, селений и местностей в тексте перевода даны по шуганскому произношению: буква w, встречающаяся

¹ Гр. А. А. Бобринской, упоминая в своей статье «Секта Исмайля в русск. и бухарск. предел. Ср. Азии», («Этн. Об.», 1902 г., № 2), что Насыри-Хосров составил из книги Каломи-Пир «более удобную для чтения и понимания книгу Ишхор», мне кажется, не понял беседовавшего с ним пира Ахмеда из Шах-Дары: последний, по-видимому, разумел «аш'ор», т. е. стихи Насыри-Хосрова, гораздо легче читаемые, чем его прозаические сочинения. Биография Насыри-Хосрова заключается в его книге «Семь Глав», в первой главе, носящей заглавие «Относительно обстоятельств собственной жизни и способа воссоединения с благословенной исмаилитской общиной») и в сочинении, посвященном его подробному жизнеописанию и уже упоминавшемся мною (в статье «Из обл. рел. Вер. Шугн. Исмайлитов», «Мир Исл.» за 1912, стр. 550). Кроме того, чрезвычайно интересные биографические данные о Насыри-Хосрове имеются в его книге, шуганская версия которой (насколько я могу судить по своему списку) совершенно иная, чем сочинение, изданное под тем же заглавием Ch. Shefer'ом в 1881 г. в Париже и Мирзою Мухаммед-Ширазием в 1809-1891 г. в Бомбее.

в некоторых таких словах, произносится, как английское w в словах, например, week — неделя.

Ташкент, 25 августа 1915 года

Та'рих-и Шугнан

«Шугнан есть горная страна, находящаяся в верховьях Аму-Дарьи. В древности она входила в состав владений китайских императоров, и в ней еще и теперь сохранились некоторые памятники китайского владычества. Один из них находится в долине р. Гунт, в окрестностях селения Дз-Баста,¹ и представляет собою черный камень; теперь местность выше этого камня принадлежит к округу Гунта, а то, что ниже этого памятника, относится к Сучону.²

Река Гунт имеет протяжение два дня пути. В древности всего домов в стране насчитывалось шесть тысяч.

Из писем, относящихся к временам китайцев, я видел и лично читал следующие на вышеназванном камне: т. е., по приказанию китайского государя, опоры мира и веры, здесь разделяются округи Гунта и Сучона».³ Какого именно года Хиджары эта надпись — неизвестно.

Другой памятник старины, также относящийся к китайским временам следующий. В селении Шох-Дара,⁴ есть участок земли, называемой Бигеме, в длину достигающий, приблизительно, шестисот сажень, в ширину местами один сажень, местами — полсажени или около этого. Это место я так же сам видел. Говорят, что этот участок земли

¹ Дз-Баста лежит на правом берегу р. Гунт, верстах, приблизительно, в 30 верстах (по прямой линии) от слияния Гунта с Шах-Дарою.

² По-шугнански — Шыцуня (ш твердое). Селение Сучан находится на правом берегу Гунта, верстах в 4-х от слияния его с Шах-Дарою.

³ Это, по-видимому, четверостишие и, судя по началу, — несколько необычного для персидской метрики размера (мутакариб трехстопный, урезанный на один слог); последующее же написание, со слов — видимо, страдает большими погрешностями в правописании, в соответствии с требованиями метрики, и потому указанный размер в дальнейшем совершенно не выдерживается. Я обратил внимание автора рукописи на это обстоятельство, и он мне пояснил, что как эту надпись, так и последующие, он воспроизвел в своей рукописи буквально, как они высечены на камне, и что ему известно несоблюдение настоящей орфографией требований размера. Между прочим, китайские источники, упоминающие о шугнанцах (Сюань-Цзянь, автор VII в. по Р. Х.), говорят, что их письмена такие же, как и у турок, но разговорный язык — другой. (См. Si-yu-Ki. Buddhist Records of the West. World. S. Beal. — Lond. 1906. Vol. II. p. 296).

⁴ В оригинале стоит взятое из русского «саржин»; шугнанская же ходячая мера длины приблизительно аршин.

каждый год обрабатывался и засевался и продукты, получавшиеся с него, из года в год посылались в Китай. Название этого участка земли так же написано на камне: «земли Бигеме пшеничная мука (хороша) — как дважды просеянная мука».¹ Говорят, что во время владычества китайцев в Шугнane они никакой другой подати, кроме земледельческих продуктов с этого участка, не брали с жителей Шугнана, ибо последние и тогда отличались чрезвычайной бедностью.

Население Шугнана в то время принадлежало к различным вероисповеданиям: некоторые были исаилиты, некоторые принадлежали к шиитам, другие были язычники, а половину населения составляли сунниты.

Третий памятник китайского владычества сохранился в селении Сучон, где существует равнина, которую называют «Дашт-и-Зур-Азмой». Рассказывают, что когда в Шугнан прибыло китайское войско и достигло этой равнины, то начальник отряда отдал приказ, чтобы каждый из солдат взял по камню и бросил в одно место, а на обратном пути из страны каждый бы взял из этой кучи по камню. Говорят, что когда отряд вернулся назад к этому месту и каждый из солдат взял по камню, то все же в куче, приблизительно, осталось сорок саженей камней и это были камни убитых в Шугнane. Однако неизвестно, с кем именно вели китайцы войну и в каком месте происходило сражение, равно никто не знает, сколько лет продолжалось в Шугнane господство китайцев. Бог знает многое!

После китайцев управление Шугнаном перешло к огнепоклонникам, центром пребывания которых в Шугнane было селение Wiар. Имя одного из этих владетелей, — как я слышал от знатных людей, — было Рив, по прозвищу — Фарход. Он прочно утвердился во власти. Другая крепость или замок Рив-Фархода была вблизи Кал'а-и-Бар-Пянджа, где теперь стоит афганский пост. Эта крепость ныне известна под именем «Кал'а-и-Кафиран» («крепость неверных»). Говорят, что сам Рив-Фарход жил в Wiаре, а его сын — в Кал'а-и-Кафиран. Продолжительность правления огнепоклонников в Шугнane также никто не знает. Огнепоклонники обращали народ в свою веру. Так продолжалось до времени «царя дервишей»,² князя из

¹ Выражение высшей похвалы дважды просеянной муке: «она хороша, как роза», по объявлению автора. По словарю (3-ье изд. Лукнов 1305-1888 г., с важными дополнениями, II т., стр. 423) означает пшеничную муку, два раза пропущенную через сито.

² Слово дервиш в шугнанском языке имеет три значения: 1) — нищего, который просит подаяние; 2) — человека, отличающегося благочестием и строгого воздержанностью во всем (т.е. который сидит все время дома, занимаясь богомыслием и чуждаясь общества, бежит от общения с женщинами и т.п.); 3) — заместителя пира или его помощника (ноиб).

фамилии Мустафы, его святейшества Саид-Шо-Маланга, который, будучи не в силах переносить иго огнепоклонников, чудодейственной молитвою низвергнул Рив-Фархода, а сам вступил на открытый путь дервишества, столь свойственный нашей фамилии.¹ Так продолжалось пять лет.

После того некто Шо-и-Хомуш отправился из Шираза с намерением путешествовать. Проходя через Афганистан, он достиг Шиша; на одной лужайке Шо-и-Хомуш заснул. Говорят, что по соизволению Бога Питателя в шапке Шо-и-Хомуша голубка свила себе гнездо. Во сне Шо-и-Хомуш получил божественное внушение воспитывать эту голубку до тех пор, пока ее дети получают возможность летать.

Говорят, что, придя в Шугнан, Шо-и-Хомуш утвердился на престоле и правил Шугнаном в течение шести лет.² После того его святейшество возвратился к своему местожительству и власть над Шугнаном получил один из его учеников Саид-Шо-Маланга, по имени Абду-Мухаммад. Спустя несколько лет он умер и владельцем Шугнана стал его сын Шо-Музаффар-Бек, после него — Шо-Мухаммад-Хусаин, после него — Шо-Назар-Бек. У последнего не было детей мужского пола, но была одна дочь, по имени Биби-Туман. Говорят, что по смерти

¹ По объяснению автора рукописи, Саид-Шо-Маланг был родом из Хорасана и в Шугнан был послан современным ему Ага-Ханом для проповеди исмаилизма. «Царем дервишей» он назывался за свою благочестивую жизнь, а выражение «вступил на открытый путь дервишества» означает то, что после свержения Рив-Фархода Шо-Маланг построил ханка на берегу р. Шах-Дары. Эта ханка до сего времени не сохранилась, ибо река подмыла берег и постройка рухнула в воду. Ханка у исмаилитов имеет другое значение, чем у суфиев, именно: ханка у них есть такое здание, которое строится с целью собраний, благочестивых разговоров и чтения душеполезных книг; посетителями ханка могут быть все, кто пожелает. Таким образом, ханка у исмаилитов Шугнана является тем же, чем служит молитвенный дом у современных т. н. «духовных христиан» различных толков. Последнее выражение, что «дервишество свойственно нашей фамилии», приведено вследствие того, что автор рукописи по матери считает себя прямым потомком Саид-Шо-Маланга.

² Капитан Троттер (Trotter) в своих Notes on Rec. explor. in Central Asia (The Geogr. Magaz. vol. II № X Sept. 1875) называет Шах-и-Хамуша родоначальником владельцев Шугнана, присовокупляя, что он вышел из Персии лет за 500 или за 700. Шугнаном в то время владели огнепоклонники, в десять лет он очень многих обратил в мусульманство, а в последующие десять лет все шугнанцы обратились в шиитов. Гробница Шах-и-Хамуша существует в Кал'-и-Бар-Пяндже и каждый четверг народ собирается к ней (см. также Минаева, Свед. о стр. по верхов. Аму-Дарьи. — СПб. 1879, стр. 51 и 156-157). Кап. Троттер, как и другой член Форсайтовской экспедиции в 1873 г., Гордон (Gordon), прошли по сопредельному с Шугнаном, с юга Дарвазом и потому могли сообщить очень скудные исторические сведения о Шугнани только расспросным путем.

В начале 80-х годов прошлого столетия, когда у нас называл так наз. «Памирский вопрос», наше правительство впервые заинтересовалось Шугнаном, и на телеграфный запрос Начальника Азиатского Департамента наш консул в Кашгаре сообщил Начальнику этого Департамента первые подробные официальные сведения об этой стране, но опять-таки расспросного характера. При этом покойный Н.Ф. Петровский отметил, что «исторические сведения о Шугнани и Рошани очень кратки, нигде не записаны и сохраняются только у

отца она ушла в Сучон, к некоему Саид-Шо-Зайду, а от него перешла в Дарваз, в Танг-Шив, к одному из сыновей тамошнего правителя, по имени Шо-Паяннг, за которого и вышла замуж. Все правление этого рода продолжалось до 1193 года Хиджары,¹ но я не знаю и ни от кого не слышал, когда именно началось правление этого семейства, а равно — сколько лет до него продолжалось в Шугнани господство китайцев.

По прошествии 1193 года Хиджары, правители (мир'ы) Шугнана имели пребывание в Кал'а-и-Поршинив; когда случалось им враждовать со своими подданными или воевать с Дарвазом и Бадахшаном, то (будучи осаждены в своем укреплении) они питались водою из того источника, который был создан чудесным образом эмиром и султаном Саид-Насыр-и-Хусрау и который ныне находится подле Поршинива.² Рассказывают, что миры Шугнана были люди несправедливые и нечестные, соответственно сему их подданным жилось непокойно. По прошествии некоторого времени в таких неурядицах в Шугнани появился пришедший из западных стран, один из потомков Шо-и-Химуша. Народ Шугнанский, который не мало терпел от всевозможной тирании своих миров, был весьма обрадован появлению этого потомка, который вскоре и сделался правителем Шугнана. Говорят, что он был человек милосердный, благомыслящий и ученый, так что какие были в Шугнани необработанные и пустынные пространства,³ он все их привел в цветущий вид. Одно из них — урочище Хурог, откуда была проведена вода на другие пустынные пространства. Будучи обработанными и засеянными, они стали приносить различные продукты, которыми питался сам мир. Имя его было Шо-Амир-Бек. В верховьи урочища Хорог он вырезал свое имя на одном из камней, связав таковое с проведением сюда воды.

народной памяти». «Первым владетелем страны, — по его донесению, — считается Фархад, див по званию. Лицо, очевидно, мифическое, напоминающее собой Фархада персидских и среднеазиатских сказаний». Фархад не оставил потомства. При его жизни пришли в Шунган из Персии, из Себевара, три брата неизвестного происхождения: Ша-Маланг, Ша-Хамуш и Ша-Вурхан. Первый брат отличался святостью и делами благочестия, «он сделался ишаном и стал родоначальником всех теперешних ишанов шугнанской страны». Третий брат потомства не оставил, а второй, Ша-Хамуш, после смерти Фархада был выбран народом в правители Шугнана (См. дело Дипломатич. части Канц. Турк. Ген. Губ. № 55-1883 г. «О занятии Шугнана афганцами», лист 14а-14б).

Гр. А. А. Бобринский сообщает, со слов пира Саид-Юсуфа Али-Шо, что вместе с предком последнего, Шо-Малангом, пришли в горы из Себевара, из Хорасана, три пира: Шо-Бурхан, Шо-Хомуш и Шо-Кошон. Первый не оставил потомства, второй поселился в Кулябе (в Бухаре), где и умер, правители Шугнана считают его своим предком. У Шо-Кошона также осталось большое потомство (См. «Секта Исмаилия в русск. и бух. пределах Средней Азии». Москва, 1902; стр. 4-5).

¹ 1779 г. по Р. Х.

² По словам автора рукописи, источник в прежнее время находился посредине крепости.

³ Последнее слово в тексте у шугнанцев означает пустырь, на котором или ничего не произрастает или есть лишь скудная растительность.

Я лично читал эту надпись, она такова: «Был Шо-Амир-Бек, господин величия, создавший этот канал чрезвычайными усилиями¹ в год тысячу сто девяносто третий Хиджары».

Передают, что этот мир был столь кроток, что никого не обижал, ни к кому не имел никаких претензий и (вообще) в его правление население пользовалось чрезвычайным покоем. Передают также, что он нередко угощал народ, беднякам же (всегда) что-нибудь подавал и ни с кем не вел ни войны, ни распри. Время правления Шо-Амир-Бека было девять лет.

Когда Шо-Амир-Бек унес одежды во Дворец Вечности, покинув этот тленный мир, то население Шугнана, во внимание к исключительной справедливости покойного, сделало своим миром его сына Шо-Ванджи-Хана. Рассказывают, что по прошествии года после сего к Шо-Ванджи-Хану прибыл из Дарваза некто Султон-Нояб, из детей вышеупомянутых Шо-Паланга и Биби-Туман, который сказал Шо-Ванджи-Хану: —Предки мои были здесь мирами и я ныне заявляю свое право на эту страну. Тебе же нужно вернуться в свою страну и уступить мне права на Шугнан.

Рассказывают, что Шо-Ванджи-Хан и народ шугнанский не согласились с такими притязаниями Султон-Нояба и тот, введя дарвазские войска, вступил в войну с Шо-Ванджи-Ханом. Как говорят, население Шох-Дары, - во внимание к тому, что они были последователями (мурид'ами) Саид-Шо-Зайда, а Биби-Туман жила в доме последнего, — взяв Султон-Нояба, дало ему место мира в Шох-Дара. После Султон-Нояба власть над Шох-Дарою перешла к его сыну Надир-Шо, а от него — к его сыновьям. Так продолжалось до времени Мир-Мухаммад-Хана. Подробно о последнем, — Бог даст, — будет упомянуто в соответственном месте. Говорят, когда владычество над Шох-Дарою окрепло в руках Султон-Нояба, а Шугнана прочно утвердился Ванджи-Хан, то последний изгнал из Шугнана всех, кто не принадлежал к исмаилитскому толку, хотя сам Ванджи-Хан не был исмаилитом. Из изгнанников огнепоклонники ушли в Яркенд. Шо-Ванджи-Хан правил Шугнаном со всею справедливостью. Он провел оросительный канал через равнину, которая называется Хуст и находится (ныне) на афганском берегу. Канал этот, по рассказам, был окончен в два года. По окончании его Ванджи-Хан начертал свое имя,

¹ Размер — мутадарик четырехстопный с одним коротким слогом. Автор переводит выражение как зуровар, ибо, по его словам, каменистый, а местами скалистый, грунт почвы требовал не мало усилий и труда для рытья канала.

вместе с датою Хиджары, на каменной плите. Я читал эту надпись и она такова¹, т.е. «С любовью моею к Имени, Которое есть величие и (причина) обнаружения всей земли и небес (т.е. во имя Божье), к имени Мухамада-Государя, аудиенц-залы вселенной, потому что он есть совершенный руководитель (в Законе) и посол Божий — и к имени Шо-Ванджи, который происходит из потомков Пророка и который, несомненно, есть лампада последнего и драгоценность Алия, который всегда направлял свои стопы к добрым делам и преисполнен намерений благодетельных и нелицемерных, — (я свидетельствую, что он, Шо-Ванджи-Хан), провел великими трудами этот оросительный канал, который, как река райская, удивителен и восхитителен. Он построил сооружение подобное райскому. Окончилась постройка сего прекрасного предмета. В тысячу двести четвертый год Хиджары построен этот подарок (стране). Писал Мулла Ферогат».

Говорят, что этот мулла Ферогат был одним из потомков владетелей Шугнана.

Передают, что вступление на престол Шо-Ванджи-Хана произошло в 1202 г Хиджары; канал же был окончен в два года, т.е. в 1204 году.² По преданию, все время правления Шо-Ванджи-Хана определяется в двенадцать лет. Когда он умер, то на его место сел его старший сын Кубод-Хан. Говорят, что в правление Кубод-Хана было много войн и неурядиц; народ не был доволен этим миром, ибо он поступал противно учению исмаилитов, и возненавидел его.

В то время младший сын Шо-Ванджи-Хана, по имени Султон-Джалял-эд-Дин-Хан, спасаясь от тирании своего брата Кубод-Хана, бежал в Дарваз, где и нашел приют.

Передают, что в то время дорога из Шугнана в Дарваз была закрыта, потому что Кубод-Хан не позволял (никому) отправляться в Дарваз, но несколько человек бежали из Шугнана в Дарваз через селение Далайт-Шахи к Джалял-эд-Дин-Хану и пригласили его в Шугнан занять место брата. Говорят, что Джалял-эд-Дин-Хан, заручившись помощью от миров Дарваза, пришел в Шугнана и стал воевать со своим братом Кубод-Ханом. Много было пролито крови, много потравили дарвазские войска шугнанских посевов, немало пожгли домов. Через некоторое время Кубод-Хан, выйдя из своей крепости, бежал, а Джалял-эд-Дин-Хан сделался правителем (Шугнана). Основав крепость Кал'а-

¹ Размер — мутакариб полный (не везде, впрочем, выдержанный).

² 1202 год Хиджары соответствует 1787-1788 гг. по Р.Х. 1204 г. Хиджары — 1789 г. по Р.Х.

и-Бар-Пянджа, он правил (страною) из этой крепости при всеобщем покое, пока не сказал на зов смерти: «я к твоим услугам!». Сыновей у Джалаля-эд-Дин-Хана однако не было. Кубод-Хан, как говорят, умер в Бадахшане. Его сын Абдур-Рахим-Хан явился (в Шугнан) из Бадахшана (но не один). В виду того, что Абдур-Рахим-Хан отдал свою сестру Биби-Джихон-Оро миру Бадахшана, Мир-Джихондор-Шо-Хану, последний с двадцатью четырьмя тысячами воинов и вместе с Абдур-Рахим-Ханом пришел в Шугнан. После многих сражений Джихондор-Шо-Хан завоевал Шугнан и стал им править. Рассказывают, что он был большой тиран: насильно хватал людей и продавал их (в рабство), некоторых убивал, ибо был жесток.¹

¹ По сведениям покойного Н.Ф. Петровского (в его вышеупомянутом донесении № 28 от 19 сентября 1889 г.) «после Шо-Хамуша, в последовательном порядке от отца к сыну, правителями были: Шо-Худадат, Шо-Джалаля-Эддин, Шомур-Бек, Шо-Амур-Хан, Шаванчи-Хан, Кубат-Хан, владевший Шугнаном 17 лет и, наконец, по близкой уже народной памяти (в 50-х гг. нынешнего столетия) — Абдурахим-Хан». Капитан Брянов в своем «Очерке Шугнанского шахства», составленном 16 октября 1883 г. в дополнение к карте верховьев Аму-Дарьи (изданной военно-топографическим отделом Главного Штаба в 1878 г.) говорит, что «перед Абдурахим-Ханом управляли Шугнаном: Кувай-Хан, Шибанджи-Хан, Шамурбек-Хан и далее лица того же рода» (См. автограф автора названного очерка в том же деле Канц. Турк. Генер. Губ-ра № 55, 1883 «О занятии Шугнана афганцами», л. 52).

Что касается Джехандар-Шаха, то история его чрезвычайно бурной жизни, по его собственным словам, представляется в следующем виде. Он происходил из древней фамилии правителей Бадахшана и вступил на престол после смерти своего отца Земан-уд-Дина, умершего в 1864 году. До времени Афганского эмира Дост-Мухаммеда-Хана ближайшие преемники Земан-уд-Дин-Шаха и он сам не имели никаких политических сношений с Афганистаном. После же взятия Балха Дост-Мухаммедом сын последнего, А'зам-Хан хотел было подчинить себе и Бадахшан, но дело вскоре кончилось миром, заключенным Земан-уд-Дином с Дост-Мухаммедом. В 1865 г., когда Я'куб-Бек занял Кашгар, Джехандар-Шах отправил из Бадахшана через Вахан, Памир и Сарыкол, трехтысячное войско в Джиты-Шаар под предлогом оказания покровительства 12 тысячам бадахшанских семей, находившихся издавна (в течение почти 150 лет) в пределах Кашгара, на самом же деле отряд этот был отправлен для вмешательства в дела Семиградия: воспользоваться смутным временем и завладеть частью Джиты-Шаара. Однако начальник бадахшанского отряда, Мирза-Садык, не сумел повести дела и должен был вернуться в Бадахшан без всякого благоприятного результата.

После этой неудачной экспедиции Джеханадар-Шах решил завладеть Кундузом, но потерпев неудачу и должен был бежать в Читрал. Через некоторое время при содействии находившегося в Меймено внука Досат-Мухаммеда-Хана и сына Афзал-Хана, сердаря Абдур-Рахман-Хана (впоследствии Афганского эмира), Джехандар-Шах опять возвратился в Бадахшан, но вспыхнувшие затем там кровавые распри между Джехандар-Шахом и его дядями и племянниками заставили владетеля Бадахшана бежать в Куляб, а оттуда в Бухару, где он оставался на положении почти пленника в продолжении девяти месяцев. Впоследствии эмир, по ходатайству Начальника Зарафшанского округа, отпустил Джеханадар-Шаха к его давнему другу и покровителю, Абдур-Рахман-Хану, проживавшему в Самарканде. В Самарканде Джехандар-Шах оставался всего один месяц и за это время выдал свою дочь за Абдур-Рахман-Хана. Из Самарканды он отправился в 1871 году к Шугнанскому владетелю Юсуф-Али-Хану, сыну Абдур-Рахим-Хана, у которого прожил год, все надеясь возвратить потерянные им владения. Однако его родственник Махмуд-Шах, изгнавший Джехандар-Шаха из Бадахшана и правивший последним, призвал афганцев и вынудил Джехандар-Шаха удалиться из Шугнана в Читрал. Там б. правитель Бадахшана прожил около трех лет и за это время посылал своего брата Шахзаде-Хасана против Махмуд-Шаха

У Абдур-Рахим-Хана было три сына: старший Мухаммад-Хан, средний Шох-Амир-Бек и младший Юсуф-Али-Хан. Говорят, что отец при жизни своей дал старшему сыну войско и послал его в Шох-Дару, чтобы он, победив тамошнего мира, занял его место. Но Мухаммад-Хан, убедившись, что его силы недостаточны по сравнению с силами мира Шох-Дары, остался у последнего в качестве гостя. Средний сын Абдур-Рахим-Хана, Шох-Амир-Бек, исповедовал исмаилитское учение, потому что его мать была коренная шугнанка и отец лишил его (за это) наследства. Юсуф-Али-Хана отец сдала хоким'ом (правителем) Рушона, в Кал'а-и-Вомар.

Когда Мухаммад-Хан отказался от сражения с миром Шох-дары, его отец Абдур-Рахим-Хан написал ему письмо, в котором (между прочим) говорит: «ты — не мужчина и потому не мой сын, ибо если бы ты был моим сыном, то не стал бы служить моим слугам, мирам Шох-Дары». Когда мир Шох-Дары, Султон-Нояб, узнал про это письмо Абдур-Рахим-Хана, то пришел в ярость и сказал Мухаммад-Хану:

— Я тебя пригласил к себе в качестве гостя, но не знал, что я считался слугою твоего отца. Иди теперь от меня куда хочешь.¹

Рассказывают, что у Абдур-Рахим-Хана был некий человек из племени калмыков, по имени Мухаммад-Карим.² он исполнял должность «диван-беги» и был человек злонамеренный и тиран, делавший много

и афганцев, пришедших в Мастуч. Шахзаде-Хасан разбил союзников, завладел их лагерем, но не сумел воспользоваться этим успехом и лишь через год отправился в Файзабад (афганский). На этот раз счастье ему изменило: он потерпел поражение и бежал обратно к брату Джехандару; вместе с последним отправился на Памир, а оттуда оба добрались до Уч-Кургана, в Кокандском Ханстве. В 1875 году в начале враждебного России движения в Коканде, небезызвестный Абдур-Рахман-Афтобачи несколько раз приглашал Джехандар-Шаха присоединиться к нему против русских, но Джеханадр постоянно отклонял эти предложения. В сентябре же 1875 г. Джехандар-Шаха мы видим в отряде генерала Кауфмана, действовавшего в Кокандском ханстве. В это время находившийся при отряде дипломатический чиновник Вейнберг записал со слов бывшего Бадахшанского правителя перипетии его скитальческой жизни (См. дело Канц. Турк. Ген.-Губ. № 22/18 «Историческ. и этнограф. сведения о Бадахшане, Памирском плоскогорье, Шугнани и Читрале», листы 3-5: «Сведения, сообщен. Джехандар-Шахом, бывшим владельцем Бадахшана»). О Джехандар-Шахе приводит расспросные сведения, собранные в Вахане, и гр. А. А. Бобринский, посетивший в 1901 г. Памир (См. Бобринский А.А. Горцы верховьев Пянджа. Ваханцы и ишкашимцы. Очерки быта. — М., 1908, стр. 58-59) и очень кратко полковник Юль (colonel H. Yule) в своем предисловии ко 2 изд. путешествия Вуда (Wood) в верховья Аму-Дарьи (A Journey to the source of the River Oxus) «Geography of the valley of the Oxus» (Lond. 1872, p. 37).

¹ По словам автора рукописи, Мухаммад-Хан находился между двух огней: с одной стороны гнев отца, а с другой — Султон-Нояба. Не надеясь получить прощение отца, Мухаммад-Хан вымолил себе прощение у приютившего его мира Шох-Доры и остался у него.

² Предание о калмыках, живших на Памире вообще и в Шугнани в частности, приводит, между прочим, гр. А. А. Бобринский в своей книге (Бобринский А.А. Горцы верховьев Пянджа. Ваханцы и ишкашимцы. Очерки быта. — М., 1908), стр. 24.

насилий над людьми: даже людей совершенно ни в чем невиновных он хватал и одних убивал, а других продавал в рабство. Есть на границе Рушона селение, называемое Хуф,¹ из которого он, рассказывают, привел однажды шестьсот человек мужчин, женщин и детей и всех их продал.² Вследствие подобной тирании Мухаммад-Карима люди стали один за другим разбегаться, находя приют у Мухаммад-Хана в Шох-Даре.

Рассказывают, что двое людей, из которых одного звали Давлят-Кадам, а другого — Шир-Мухаммад, получив разрешение от Мухаммад-Хана, пробрались в Кал'а-и-Бар-Пяндж и ночью убили Мухаммад-Карима. Страшась мести Абдур-Рахим-Хана и, не надеясь удержаться в Шох-Даре, убийцы бежали вместе с Мухаммад-Ханом в Сары-Куль, каковая область ныне находится под властью Китая. В то же время Сары-Куль принадлежал миру Бобош-Беку Сарыкульскому. Передают, что Мухаммад-Хан взял за себя дочь этого мира и прожил в Сары-Куле семь лет. Оттуда он написал в Шугнан письмо к одной женщине, по имени Сарви-Ноз, которая была вхожа в гарем Абдур-Рахим-Хана. Эта женщина, согласно письма Мухаммад-Хана, дала яду Абдур-Рахим-Хану и тем его умертвила. После этого Мухаммад-Хан вернулся из Сары-Куля в Шугнан и стал править им из Кал'а-и-Бер-Пянджа. Выжив Юсуф Али-Хана из Рушона, он изгнал его в Сар-Гулом, что в Бадахшане, точно также был выпровожен им из Шох-Дары и Султон-Шо. Мухаммад-Аслям-Хана он сделал правителем в Дара-и-Сучон. Люди служившие его отцу, Абдур-Рахим-Хану, и брату, Юсуфу-Али-Хану, все были им убиты. Спустя двенадцать лет после начала своего правления в Шугнane, Мухаммад-Хан был отравлен.

После его смерти Юсуф-Али-Хан явился из Бадахшана в Шугнан и сделался миром, предварительно, однако, дав народу такого рода обещание: «я не буду таким тираном, какими были мой отец и мои предки, но как вы пожелаете, так я и буду поступать соответственно вашим желаниям». В то время Саид-Фаррух-Шо³ был самым влиятельным человеком Шугнана, - он согласился при этом условии признать

¹ Селение Хуф лежит в верховьях одной маленькой речушки, впадающей в Пяндж с его правой стороны, к югу от впадения Мургаба в Пяндж.

² Продажа людей в рабство в Пянджу, в Шугнан, Рошав и Вахан, была почти до конца XIX века обычным явлением и об этом говорят едва ли не все европейские путешественники, писавшие об этих странах.

³ Отец теперешнего пир в Поршиниве, Саид-Юсуф-Али-Шо (его портрет и беседу с ним см. в статье гр. А. А. Бобринского «Секта Исмаиля в русских и Бухарских пределах Средней Азии»).

Юсуфа-Али-Хана владетельным миром Шугнана, за ним согласилось и население.

Прошло после того несколько лет и (в горах) появились афганцы, которые захватили Бадахшан. После этого они возымели желание овладеть Шугнаном, но не могли этого сделать в виду чрезвычайной трудности путей, ведущих туда. Настал 1300 год Хиджары (1882-1883 г. по Р.Х.). Юсуф-Али-Хан забыл свое обещание и казнил несколько человек за то, что они ходили в Бадахшан. С этого началась его тирания над народом и народ от него отвернулся. В то время прибыл в Шугнан из Бадахшана без войска и без притязаний на что-либо Сервер-Хан, афганский «сартиб», и обманом захватил с собою Юсуф-Али-Хана, говоря: «если ты отправишься к эмиру Абдур-Рахман-Хану, то он от себя сделает тебя миром Шугнана». Говорят, что если бы Юсуф-Али-Хан не делал жестокостей, то шугнанцы никогда бы его не отпустили с афганцем; вследствие же его тирании они ничего не возражали против его отъезда. Сервер-Хан «сартиб» сопровождал Юсуф-Али-Хана до Бадахшана с великим почетом, а из Бадахшана до Кабула его везли уже закованного в цепи.¹ Сам Сервер-Хан прибыл в Шугнан и правил им со всею полнотою власти в течение двух лет. После него был правителем афганец Гульзор-Хан, а Саид-Шо-Хан — «джарнайль» был при нем начальником отряда. Я в то время был двухлетним ребенком. Время правления Гульзор-Хана было семь лет.

¹ По современным официальным документам история правления Юсуф-Хана, в связи с административным устройством его владений, представляется в следующем виде. Юсуф-Али-Хан и его сын Кубад-Хан, сидевший в Рошане миром, управляли непосредственно через назначаемых Юсуф-Али-Ханом сельских старшин (мир-и-хазо'ов, т.е. тысячников, в дословном переводе); хотя, впрочем, при самом Юсуф-Али-Хане состояли и два сановника: один в чине «дадха» был помощником по административной части, а другой — «диван-беги», — распоряжался финансовыми делами правителя. Тяжебные дела вершили два казия по назначению Юсуф-Али-Хана, один состоял для Шугнана, а другой для Рошана; казии судили по шариату, но не имели права приговоров к отсечению членов тела и смерти. Смертная казнь за особенно тяжкие преступления назначалась самим правителем и состояла в том, что виновных по ночам топили в Пяндже. Для поддержания порядка в стране Юсуф-Али-Хан содержал, на полном своем иждивении, около сотни солдат (сарбазов), вооруженных примитивными, туземного производства, ружьями, шашками и пиками. Солдаты располагались небольшими партиями в главнейших селениях страны. Пушек не было. На обязанности солдат лежал, главным образом надзор за въезжающими в страну иноземцами. В случае нападения неприятеля население вооружалось само имевшимися для охоты ружьями и могло выставить для защиты более тысячи человек. Подать собиралась по одному барану в год с каждого дома и, кроме того, по усмотрению Юсуф-Али-Хана ежегодно определялось, сколько каждое селение должно было внести ему разных продуктов земледелия и производства (хлеба, хлопка, тканей, посуды и проч.). Все это правителем сбывалось на рынки Бадахшана. Податными сборами Рошана безотчетно заведовал его мир, исключая подати с золотопромышленников, которая всегда шла Юсуф-Али-Хану. Тяжестью податей последний так обременял народ, что породил в нем к себе непримиримую ненависть. Развязка была ускорена приездом в Шугнан летом 1882 г. Чустского, Ферганской области, уездного врача, надворного советника Регеля, который предпринял сюда поездку с научной целью по поручению Географического

После того произошла война между сердаром Мухаммад-Исхак-Ханом и эмиром Абдур-Рахман-Ханом и все афганцы ушли из Шугнана и Шугнан освободился от них. Тогда прибыл в Шугнан из Гисара Мухаммад-Акбар-Хан, один из потомков владетелей Шугнана, и сделался миром. Спустя год, опять пришли афганцы. Мухаммад-Акбар-Хан обманом склонил народ в свою пользу, говоря, что он — исмаилит, народ стал защищать его и оказал афганцам сопротивление. Много людей было убито, а те, что остались живы, разбежались: одни — в Дарваз, другие — в Коканд. А кто не имел силы бежать, тот предоставил свое тело судьбе.

Общества и Императорского Ботанического сада. Регель был хорошо принят Юсуф-Али-Ханом и пользовался его гостеприимством. Афганский эмир Абдур-Рахман-Хан, узнав о пребывании нашего путешественника в Бар-Пяндже, столице Шугнана, и подозревая переговоры правителя последнего с русским чиновником о признании Шугнано-вассальных прав к России, командировал своего начальника кавалерии Гульзар-Хана к Юсуф-Али-Хану. На этого посланника была возложена миссия уговорить правителя Шугнана немедленно выпроводить приезжего русского из пределов страны. В Бар-Пяндже у афганца произошла крупная ссора с Регелем и, хотя Юсуф-Али-Хан помирил их, но тем не менее Регель вынужден был покинуть Шугнан, а Юсуф-Али-Хан вызвал личное к себе неудовольствие Гульзар-Хана. Последним обстоятельством воспользовалась недовольная правителем партия шугнанцев, во главе которых стояли: вышеназванный пир Сейид-Фаррух-Ша, влиятельный старшина Рошана Манзар-Ша, старшина Сучана Мир-Эвез-Бек и почетные жители Бар-Пянджа, Ходжа-Диль-Махзум. Через Гульзар-Хана эти лица отправили афганскому эмиру от имени всего шугнанского населения просьбу о смещении Юсуф-Али-Хана. Эмир Абдур-Рахман, давно имея виды на Шугнан, по получении этого письма, по одной версии — приказал правителю Бадахшана пригласить к себе Юсуф-Али-Хана приехать в Файзабад по поводу, будто бы, указанных им врачу Регелю Бадахшанских коней. Юсуф-Али-Хан не хотел было ехать, подозревая западню, но влиятельные жители Бар-Пянджа, во главе с вышеназванными заговорщиками, уговорили правителя Шугнана отправиться в Файзабад и не ссориться с афганцами. Юсуф-Али-Хан отправил на всякий случай свое семейство в Ферганскую область, а сам поехал в Файзабад, но у шугнанского Таш-Кургана члены семьи Юсуф-Али-Хана были возвращены бадахшанским посланным в Файзабад. В Файзабаде до того почтительное отношение к Юсуф-Али-Хану и его семье, в числе которой находился и его сын Кубад-Хан, мир Рошана, круто изменилось: афганцы заковали всех их в оковы и пленниками отправили в Кабул. По другой версии, — месяца через три после выезда из Шугнана Регеля и Гульзар-Хана последний вновь приехал в Бар-Пяндж в сопровождении «карнайля» Шир-Диль-Хана и, уверив Юсуф-Али-Хана, что Афганский эмир просит его прибыть в Бадахшан для награждения его подарками, как искреннего своего доброжелателя и верного своего союзника, захватив с собою Юсуф-Али-Хана со всей семьей и свитой до ста человек. До Файзабада шугнанцам был оказываем всевозможный почет и внимание, а в Файзабаде правитель Бадахшана, Абдулла-Джан (действовавший, несомненно, по приказанию Абдур-Рахман-Хана), тотчас по прибытии в Файзабад Юсуф-Али-Хан отправил его в цепях в Кабул вместе с 20 шугнанцами из числа прибывших с их правителем. Это было в 1883 году. Гульзар-Хан, взяв из Бадахшана отряд в две сотни солдат, прибыл в Бар-Пяндж и объявил, что Юсуф-Али-Хан чрез некоторое время вернется, а пока что — он, Гульзар-Хан, останется за правителя. (См. вышеупомянутое дело Диплом. части при Турк. Ген. Губ-ре № 55/1883 г. «О занятии Шугнана афганцами», листы 43-55, составл. капит. Бряновым «Очерк Шугнанского шахства» и листы 81-83: «Рапорт военного губ-ра Ферг. обл. Турк. Генерал-Губ-ру от 7 февр. 1884 г. за № 1365» и дело Диплом. Канцел. Турк. Ген. Губ. № 24/1882 г. «О поездке на дв. сов. Регеля чрез Бухарския владения в Рошан, Шугнан, Бадахшан»). В «Жизнеописании Абдуррахмана эмира Афганского», изданном Султан-Мухаммед-Ханом (Автобиография Абдуррахман-хана, эмира Афганистана. Пер. с англ. М. Грулева. Т. 1-2. — СПб, 1901-1902) покойный эмир объясняет по-своему

Заместителем афганца Гульзор-Хана в Шугнane стал Убайдулла-Хан. Понемногу он обманом собрал разбежавшихся в Шугнан и когда те водворились на родине, афганец начал творить жестокости до такой степени невероятные, что если бы я стал их подробно описывать, то невозможно тому было бы поверить. Одни из них, например, были таковы: для уплаты податей привязывали женщин к деревьям и били их палками, а мужчин брали на целый год в (дворовые) слуги; или (хотя я в то время не был в Шугнane, но слышал): за самую большую корову афганцы платили по полторы рупии, что соответствует шестидесяти копейкам. Так продолжалось до тех пор, пока не возшло Солнце Справедливости, распространяющее Правосудие, Государь Времени, Его Величество Великий Император — Белый Царь, бросивший тень Свою на половину Шугнана, и народ, живущий как по эту сторону Аму-Дарьи, так и по ту сторону, ныне милостью Царской стал спокоен, потому что на этой стороне реки все наслаждаются полным покоем, а на той стороне реки, страшась Его Величества Великого Императора, афганцы не чинят насилий. И население денно и нощно воссылает молитвы к Богу-Питателю о продлении здоровья Его Величеству, Государю Времени. Я (писавший это) — один из таких рабов, воссылающих эти молитвы».

В заключение необходимо сказать несколько слов о том, как достиг Шугнан современного политического положения.

Избавившись от Юсуф-Али-Хана, шугнанцы очутились в затруднительном положении, так как хозяйничанье афганцев оказалось ничуть не лучше тирании их бывшего правителя, поэтому шугнанцы скоро возмутились, схватили Гульзар-Хана и его людей и объявили их пленными. Затем, узнав, что бадахшанский правитель Абдулла-Джан посылает полуторатысячный отряд на выручку Гульзар-Хана и его

причины посылки в Шугнан афганского отряда и пленение Юсуф-Али-Хана. Последний провозгласил себя вполне независимым правителем Шугнана и с целью упрочить свое положение, завязал сначала сношение с Кокандским ханом (к слову сказать, Кокандское ханство в то время уже перестало существовать), а затем с русским правительством. Юсуф-Али-Хан приглашал в Шугнан врача Регеля и стал ему жаловаться на афганцев. Афганский эмир, опасаясь занятия русскими Рошана и Шугнана, приказал двум своим генералам двинуться против Юсуф-Али-Хана; после непродолжительной битвы последний был взят в плен со всею семьею и отправлен в Кабул. Правителем Шугнана и Рошана Абдур-Рахман-Хан назначил Гульзар-Хана, который успел прибыть туда раньше русских. Притязания же последних на Памирские владения, по словам Абдур-Рахман-Хана, продолжались до 1893 г. и разрешились с приездом в Кабул полковника Дюранда. В заключение Абдур-Рахман замечает, что занятие им Шугнана и Рошана имело благотворительное влияние в том отношении, что в этих областях была превращена позорная торговля рабами, и положен предел тирании прежних правителей (См. Автобиография Абдулрахман-хана, эмира Афганистана. Пер. с англ. М. Грулева. Т. 2. — СПб, 1902, стр. 316-318, и персидский перевод того же труда, сделанный Гулям-Муртаза-Ханом; Мешхад. 1903 г., т. I).

людей, жители Кал'а-и-Бар-Пянджа и окрестных селений, бросили свои жилища и, захватив с собой афганцев, переселились в труднодоступный Рошан. Так как была глубокая осень и перевалы были уже засыпаны снегом, оставшиеся возможными для движения пути из Бадахшана в Шугнан шугнанцы закрыли и укрепили, но Абдулла-Джан не рискнул пуститься в поход против мятежников, предпочтя вступить с ними в переговоры.

Последствием этих переговоров было то, что шугнанцы отпустили схваченных ими шугнанцев, удержав у себя 20 человек заложниками, по числу людей, отправленных афганцами в Кабул вместе с правителем Шугнана Юсуф-Али-Ханом.

Опасаясь, однако, что с наступлением весны Шугнан делается доступным для афганцев, сопротивление которым для бедных и малочисленных жителей этой страны было не под силу, шугнанцы и рошанцы обратились к России и Бухару. Почти одновременно были сделаны попытки войти под покровительство этих стран: в ноябре 1883 года к начальнику бухарских войск в Дарваз и к его брату, правителю Дарваза Мухаммед-Шериф-Бекутоксабе, явился влиятельный старшина Рошана, Худояр-минбаши, лично известный эмиру Музаффару, с письмами к этим лицам от влиятельных шугнанцев: Сейид-Хан-Ша-Саламата и Мир-Музаффар-Ша; в этих письмах заключались, как просьба доложить эмиру Бухарскому желание населения Шугнана и Рошана быть под властью эмира, так и полномочия Худояру-минбаши ведения по сему делу необходимых переговоров. В январе же 1884 года к военному губернатору Ферганской области явились шугнанский и рошанский старшины: Мухаммед-Насыр и Мухаммед-Назар-Бек, принесшие прошение на имя Туркестанского генерал-губернатора от имени вышеупомянутого, самого влиятельного исмаилитского пира, Сейид-Фарух-Ша, Манзар-Ша и друг.; это прошение заключало просьбу об избавлении Шугнана и Рошана от тирании афганцев и о принятии этих стран под власть «Белого Царя». И в первой, и во второй из этих просьб описывалось внутреннее состояние страны и причины, побуждающие жителей ее искать подданства эмира Бухарского и Государя Императора, при этом лица, уполномоченные к подаче этих просьб, сообщали пояснительные подробности к изложенному на бумаге.¹ Однако ни одна из этих просьб не получила удовлетворения

¹ См.: 1) донесение начальника бухарских войск в Дарваз (без даты) на имя эмира Бухарского на таджикском наречии; 2) приложенные к нему письма по-персидски Сейид-Хан-Ша-Саламата и Мир-Музаффар-Ша на имя названного начальника войск и на имя

вследствие наших тогдашних отношений с Англией: телеграммой от 14 декабря № 1347 Туркестанскому генерал-губернатору, генерал-лейтенанту Черняеву, было объявлено Высочайшее повеление «воздерживаться от всякого шага, который бы мог повести нас к вооруженному вмешательству» в попытку афганцев занять Шугнан, заботы о котором «составляют вопрос дипломатический». Эта же точка зрения тогдашних наших министров была подтверждена и в 1884 г., в депеше от 10 марта за № 256 начальника Главного Штаба, генерала Обручева, на имя Туркестанского генерал-губернатора. Таким образом, нарушение пограничной линии Англо-Русского соглашения 1872-1873 г.¹ со стороны афганцев произошло с молчаливой санкции нашего правительства.

Последовавшая затем неопределенность нашего положения на Памирах и тогдашняя политика Англии в отношении нас продолжалась до 1895 года, в феврале месяце которого (27 февраля — 11 марта) состоялось второе Англо-Русское соглашение о Памирах; в силу его постановлено, чтобы границей Афганистана к западу от озера Зор-Куль была р. Пяндж и чтобы сообразно этому Афганский эмир очистил все земли на правом берегу р. Пянджа, т.е. восточные части Шугнана, Рошана и северную часть Вахана, а Бухарский эмир — земли, лежащие к югу от Пянджа, т.е. южный или Запьянджский Дарваз. А так как при подобном направлении границы Бухарский эмир лишился принадлежавшей ему значительной части Дарвазского бекства, а части Шугнана и Рошана, лежащие на правом берегу Пянджа, отошли к нам, то возник вопрос о компенсации эмира за утраченные им владения. 26 июня 1886 г. последовало Высочайшее повеление, в силу которого (пун. 2) приказано было: «поступившие в наше владение — по соглашению с Англией, — восточные части Рошана, Шугнана и северную часть Вахана передать во владение эмиру Бухарскому», причем далее (пун. 3) указывалось, что «пределы передаваемых эмиру земель ограничить к востоку, к стороне Ферганской области, линией, идущей от границы Бухары у Язгулемского хребта к реке Бартангу, западнее селения Орошор, и далее на юг, по отрогам гор, с перевалом Вахынч, Дузах-Дара, Как-Бай и Маас, и затем — к устью реки Памира. Подробности этой границы

правителя Дарваза — Мир-Мухаммед-Шериф-токсабы; 3) донесение Бальджуанского казиза от 16 Сафара 1301 г. эмиру Бухарскому на узбекском наречии; 4) прошение Сейид-Фаррух-Ша и др. на имя Туркестанского генерал-губернатора (по-персидски) от 25 Раби-ул-Эввеля 1301 г. Хиджары и 5) упомянутый рапорт военного губернатора Ферганской области от 7 февраля 1884 г. № 1365. Все — в вышеназванном деле № 55-1883 г. Канц. Турк. Ген. Губ-ра.

¹ См. отношение Командующего войсками Туркестанского Военного Округа на имя Начальника Главного Штаба 27 сентября 1903 года № 364.

устанавливаются по соглашению Туркестанского генерал-губернатора с эмиром Бухарским». На десятиверстных, на примере, картах Памиров, изданных местным Штабом Округа, эта граница совершенно точно обозначена.¹

Таким образом, Памиры, входящие в сферу русского влияния, разделяются названной чертою на две части: Западный Памир, юридически принадлежащий Бухаре, и Восточный Памир, принадлежащий нам и состоящий из двух волостей: Памирской (населенной киргизами) и Орошорской (населенной таджиками).

Когда Западные Памиры отошли к Бухаре, то бывший Туркестанский генерал-губернатор, барон Вревский, предполагал было снять оттуда все наши посты и разъезды, но военное министерство признало это преждевременным, ибо, по его мнению, наши посты могут быть там полезны для наблюдения за бухарскими властями в смысле выполнения принятых ими обязательств, вроде освобождения на три года от всяких денежных повинностей передаваемого бухарцам обнищавшего населения, которое еще неизвестно, как отнесется к бухарскому владычеству, а также — вообще для собирания сведений о положении дел в Бадахшане (хотя бухарским бекам и было вменено в обязанность сообщать начальнику Памирского поста сведения о положении дел на границах их районов с афганскими владениями). Вследствие сего посты нами были на Бухарских Памирах оставлены.

Вскоре, однако, стали обнаруживаться нелады в административном управлении Западными Памирами: ряд столкновений наших офицеров с бухарцами, обусловливавшиеся отчасти наклонностью последних взимать поборы, а главное — непримиримую религиозною рознью (местное население — исмаилиты, а бухарцы — сунниты), — все это породило на целые годы ряд нескончаемых обоюдных жалоб и споров. Эмир Бухарский даже несколько раз обращался к русскому правительству с просьбою присоединить окончательно его Памирские владения к России, но всякий раз под влиянием общей неблагоприятной для нас политической конъюнктуры это предложение отклонялось и

¹ Этим соглашением граница афганской провинции Бадахшана, с относящимся к ней Ваханским округом, была установлена от озера Зор-Куль (Виктория) по р. Пянджу до слияния Кокчи с Аму-Дарьей. Все земли, расположенные к северу от этой черты, т.о. часть Вахана и Шугнана и весь Рошан были оставлены или за Кокандским ханством, или за Бухарою. В 1876 г. Кокандское ханство со всеми подвластными ему землями, в том числе и Памиром, в границах оседлых селений Вахана, Шугнана и Рошана до оседлых селений Кашгара, было присоединено к владениям России. Таким образом, в силу названного соглашения с Англией, de-jure восточная часть Шугнана, весь Рошан и все Памиры должны были находиться под властью, и, следовательно, непосредственным влиянием России.

в результате было решено сохранить на Западных Памирах русское управление, сохранив их номинально (а значит и юридически) все же за бухарцами.¹ В силу сего, административная власть над всеми Памирами, Западными и Восточными, присваивалась начальнику Памирского отряда, проживающему в Хороге, на Бухарской территории, и до того времени лишь управляющему нашими Восточными Памирами в силу особой, утвержденной Командующим Войсками Туркестанского военного округа, инструкции (от 27 сентября 1902 г.); по этой инструкции он пользовался правами уездного начальника и на Памирской и Орошорской волостях и непосредственно подчинялся военному губернатору Ферганской области, имел право сменять и утверждать в должности лиц туземной администрации; постановления народных судей, судивших по местным обычаям, а равно взыскания за проступки и преступления, налагалась лишь по утверждении их начальником отряда, которому предоставлялось «право отменять и видоизменять взыскания, соображаясь с обычаями населения, справедливостью и интересами русской власти».

При новом положении вещей, т.е. при подчинении управления Бухарскими Памирами начальнику отряда, население этих Памиров освобождалось, по бедности, от всяких денежных сборов в пользу бухарской (и русской) казны, должность Шугнанского бека упразднялась и при начальнике отряда полагался бухарский чиновник, представитель Гисарского бека, через которого начальник отряда отдавал свои распоряжения, касающиеся местной туземной администрации. На этих основаниях была выработана и утверждена 12 января 1905 г. бывшим Туркестанским генерал-губернатором и Командующим войсками Туркестанского военного округа, генералом Гевяшевым, донные действующая «Временная Инструкция Начальнику Памирского отряда». По этой инструкции начальника отряда «по отношению туземного населения пользуется правами уездного начальника и в этом отношении подчинен военному губернатору Ферганской области» (пун. 2 первого параграфа); «управляя туземным населением Памиров, начальник отряда имеет право в пределах Восточного Памира сменять и утверждать в должности² лиц туземной администрации непосредственно, а в пределах Шугнанского бекства давать в этом смысле указания бухарскому чиновнику» (пар. IV); вместе с тем начальник отряда должен иметь в виду, что «существующий, основанный на обычаях, порядок

¹ См. отношение Командующего войсками Туркестанского Военного Округа на имя Начальника Главного Штаба 27 сентября 1903 года № 364.

² См. отношение мое по должности Дипломатического Чиновника при Туркестанск. Генер. Губ-ре в Канцелярию Генер. Губ-ра от 20 мая 1914 г. № 375.

управления населением должен быть сохранен без изменения», что «суд устраивается и производится применительно к местным обычаям, а взыскания за проступки и преступления, постановленные народными судьями, налагаются лишь по утверждении их начальником отряда, которому предоставляется право отменять и видоизменять взыскания, соображаясь с обычаями населения, справедливостью и интересами русской власти» (там же).

Почти через год после издания этой инструкции (22 января 1906 г.) последовало Высочайшее соизволение на приведение в действие Положения Военного Совета об утверждении временного штата управления Памирского отряда. В силу сего закона (пун. 3) начальник отряда «по заведованию населением на Памирах и по руководству управлением в Бухарском бекстве (Шугнан, Вахан и Рошан) должен руководствоваться особыми на это инструкциями Туркестанского генерал-губернатора и Командующего войсками». Таким образом закреплялось инструкционное управление нашими и Бухарскими Памирами.

В 1915 году министерством юстиции, по соглашению с военным министерством, было признано необходимым подчинить дела, выходящая из пределов подсудности народным судам Памирской и Орошорской волостей, судебным установлениям Ферганской области.¹

¹ Отз. Нач. Главного Штаба на имя Турк. Генер. Губ. Т 12 марта 1915 г. № 29.

Закон о частном внутреннем и иностранном инвестировании в Афганистане¹

Глава первая. Основные положения

Статья 1. Данный закон был принят с целью поощрить и защитить частное внутреннее и внешнее инвестирование в Афганистане. Цель этого законодательства — обеспечить экономическое развитие страны, расширить рабочий рынок, повысить национальное благосостояние, улучшить уровень жизни народа и помочь процессу восстановления народного хозяйства в Афганистане.

Статья 2. Следующие приведенные ниже термины определяются как:

«Инвестиция» или «Капиталовложение» — использование наличного или безналичного капитала в виде наличности, кредита, материальных товаров, оказанных услуг или других форм (то есть патентов, интеллектуальной собственности, торговой марки, авторских прав) по проекту, одобренному Верховной комиссией по инвестированию.

«Одобренный проект»: инвестирование внутренним или внешним реально существующим инвестором, в соответствии с установленным законом порядком.

Статья 3. Согласно с положениями данного закона и Закона о торговле зарегистрированные внутренние или внешние инвесторы, как физические лица, так и юридические, могут инвестировать во все секторы народного хозяйства — как в производство, так и в сферу услуг.

Статья 4. Внутренние, внешние или совместные предприятия могут иметь следующие формы:

1. Со стопроцентным капиталом внутреннего частного инвестора.
2. Со стопроцентным капиталом иностранного частного инвестора.
3. Любое сочетание внутреннего и внешнего частного капитала.
4. Совместное предприятие между Правительством Афганистана и частным сектором, внутреннего или иностранного инвестора.

В последних двух вышеприведенных категориях обе стороны будут решать процентное отношение капитала по взаимному соглашению.

¹ Источник: Торговое представительство Афганистана в РФ. Публикуется по тексту, размещенному по URL: <http://www.afghanistan.ru>

Статья 5. Учредители одобренных проектов будут готовить отчетность в соответствии с международными нормами, и направлять их в соответствующие органы для ревизионных проверок.

Глава вторая. Координация и мониторинг

Статья 6. Верховная Комиссия по инвестициям является главным органом правительства для проведения политики по инвестированию; она также осуществляет координационную деятельность и мониторинг Бюро по частному инвестированию. Состав Верховной Комиссии:

1. Министр торговли
2. Министр юстиции
3. Министр иностранных дел
4. Министр финансов
5. Министр планирования
6. Министр реконструкции

Министр торговли председательствует в Верховной Комиссии. В случае, если рассматриваемый проект принадлежит к определенному сектору народного хозяйства, то на очередное собрание Верховной Комиссии будут приглашены соответствующие министры. При необходимости президент может изменить состав Комиссии.

Статья 7. Верховная Комиссия имеет два ротационных поста по частному сектору со сроком занятия должности один год. На срок первого года представители избираются Торговой Палатой. Впоследствии сами инвесторы будут предлагать Верховной Комиссии новый порядок избрания представителей.

Статья 8. В рамках министерства торговли создается Бюро по частному инвестированию с целью претворения данного законодательства в жизнь. Полномочия, обязанности и организационный устав данного Бюро будет дополнительно обговорены в поправках к Закону и одобрены Верховной Комиссией.

Статья 9. Директор Бюро по частному инвестированию, упомянутого в статье 8, также является секретарем Верховной Комиссии.

Статья 10. Верховная Комиссия имеет свой Секретариат.

Глава третья. Льготы, освобождения и обязанности, предъявляемые к одобренным проектам. Налогообложение

Статья 11. Правительство предоставляет следующие льготы по налогообложению.

- Краткосрочное: отказ от налогообложения дается на четыре года, начиная с даты выдачи лицензии, или сроком на три года, начиная с запуска производства — что будет раньше.
- Среднесрочные: отказ от налогообложения дается на шесть лет, начиная с даты выдачи лицензии, или сроком на пять лет, начиная с запуска производства — что будет раньше.
- Долгосрочные: отказ от налогообложения дается на восемь лет, начиная с даты выдачи лицензии, или сроком на семь лет, начиная с запуска производства — что будет раньше.

При наличии особых обстоятельств для инвестиционных проектов, требующих более длительных сроков отдачи, Верховная Комиссия, с должным учетом всех общепринятых норм, может согласиться на продление срока льгот по налогообложению.

Статья 12. Определять, к какой из трех вышеприведенных категорий статьи 11 относится данное инвестирование, будет определять с должным учетом всех общепринятых норм Бюро по частному инвестированию.

Статья 13. Обложение пошлиной. Продукция одобренных проектов не облагается экспортными тарифами и таможенными пошлинами на срок четыре года с момента запуска производства.

Статья 14. Аренда земли. Иностранные инвесторы, в зависимости от того, классифицируется ли одобренный Проект как краткосрочный, среднесрочный или долгосрочный (см. статью 11), имеют право арендовать недвижимость на десять, двадцать или тридцать соответственно лет.

Аренда земли зависит от выполнения проекта. Верховная Комиссия при наличии необходимости и обоснованной причины может продлить срок аренды.

Статья 15. Перевод денежных средств и прибыли. Частные инвесторы имеют право переводить денежные средства и прибыль (за пределы Афганистана).

Статья 16. Продажа. Частные инвесторы имеют право продажи одобренных проектов после урегулирования юридических счетов и получения согласия Верховной Комиссии.

Статья 17. Денежные средства и выручку от продажи могут быть переведены за пределы страны.

Статья 18. Приобретение и продажа акций. Учредители одобренного проекта при наличии долевого участия иностранного капитала могут продать акции афганским гражданам или Правительству Афганистана.

Статья 19. Приобретение, продажа и использование патентов и торговых марок, и информация на правах собственности инвестором в одобренном проекте выполняется в соответствии с юридическим соглашением.

Статья 20. Доступ к банковской системе. Все инвесторы, как иностранные, так и внутренние, имеют право использования банковской системы Афганистана, включая открытие счетов в иностранной валюте получение кредитов и займов с целью содействия инвестированию в Афганистане.

Статья 21. По возможности частным инвесторам следует нанимать афганский персонал, обладающий соответствующими знаниями, данным образом способствуя повышению их технического и профессионального потенциала.

Глава четвертая. Разное. Отчуждение и конфискация.

Статья 22. Государство не имеет права конфисковать или отчуждать инвестиции внутреннего или иностранного инвестора без соответствующих юридических процедур и без решения суда и надлежащего юридического оформления.

Статья 23. Конфискация иностранных или внутренних инвестиций разрешается только с целью обеспечения общественного интереса. В случае возникновения подобной ситуации, перед конфискацией, государство обязано выплатить справедливую компенсацию по данной инвестиции на основе превалирующей рыночной стоимости или на основе оценочной стоимости, произведенной признанной международной фирмой.

Статья 24. Частные инвесторы имеют право вывозить из Афганистана любые средства, без уплаты налогов, полученные от правительства и являющиеся результатом конфискации. В случае если у

инвестора, интересы которого затронуты, имеются какие-либо жалобы, он имеет право обратиться в Верховную Комиссию, которая предпримет надлежащие меры для удовлетворения разногласий.

Статья 25. Разделы народного хозяйства, не попадающие под юрисдикцию данного закона. Инвестиции в строительство нефтепроводов, телекоммуникационных инфраструктур, нефтегазовой промышленности, добыча полезных минералов и горное дело, отрасли тяжелой индустрии не попадают под юрисдикцию данного законодательства. Инвестирование в данные секторы будет регулироваться отдельным законодательством.

Статья 26. Разрешение споров. Споры между иностранными и внутренними инвесторами с одной стороны и Бюро по инвестированию и государственными служащими с другой стороны могут быть разрешены напрямую по взаимному соглашению мирным путем и при соблюдении статьей данного законодательства и основных документов инвестиционного проекта, включая специфические контракты, которые были подписаны и соглашения которые уже были приняты.

В случае же, если разногласия не могут быть урегулированы данным путем, стороны могут разрешать разногласия в соответствие с положениями Вашингтонских арбитражных правил от 18 марта 1965 года или в соответствии с юрисдикцией ООН по международной торговле.

Статья 27. Решение, принятое на основе данных международных соглашений по урегулированию разногласий и/ или вынесенное по ним суждение следует считать окончательным и обе стороны обязаны принять это окончательное решение.

Статья 28. По вступлении в силу данного закона, Бюро по инвестированию, созданное в рамках инвестиционного законодательства от 8/2/1422 года хиджры, считается аннулированным. Верховная Комиссия будет предпринимать меры по отношению к проектам, уже принятым к рассмотрению, по направлению их в новое Бюро.

Статья 29. В случае различий между положениями данного законодательства и положениями существующих законов, относящихся к внутреннему и внешнему инвестированию, преимущество будет дано данному законодательству.

Статья 30. По подписании главой государства данного закона, он будет опубликован в официальной газете и, таковым образом, будет считаться вступившим в силу. Законодательство по

частному внутреннему и внешнему инвестированию, опубликованное в «Официальной газете» за номером 797 от 8/2/1422 года хиджры, будет считаться лишенным юридической силы.

Хедоят Амин Арсала, вице-президент; Ашраф Гани Ахмадзай, министр финансов; Абдулло Абдулло, министр иностранных дел; Абдул Рахим Карими, министр юстиции; Мир Мохаммад Амин Фарханг, министр реконструкции; Сейид Мустафа Каземи, министр торговли; Жума Мохаммад Мохаммади, министр горнорудной промышленности; Ашгар Пейман, заместитель министра планирования; Казем Фазили, советник президента по юридическим вопросам.

Время моего возвращения еще не пришло, но я обязательно вернусь в Кабул

Интервью бывшего министра обороны Афганистана Шах Наваза Таная¹

Вопрос: Недавно в России отметили 25-летие ввода советских войск в Афганистан. Как сегодня вы оцениваете роль СССР в Афганистане?

Ответ: Когда Советская Армия вошла в Афганистан, ситуация в стране ухудшилась. Ввод войск спровоцировал начало гражданской войны, которая спонсировалась из-за рубежа. Началось мощное международное сопротивление Советам, и Москва не смогла с ним справиться. Тем временем в Афганистане стало падать доверие к собственным Вооруженным силам, которые помогали Советам. В армии начался раскол, и в итоге единая афганская армия перестала существовать. Войти в Афганистан оказалось легко, но удержать такую страну под контролем — непростая задача. В СССР начались серьезные экономические проблемы, во многом из-за афганской войны. В конечном счете, ввод войск в Афганистан привел к распаду Советского Союза.

Вопрос: Вы стали организатором переворота, который считают началом падения правительства Наджибуллы. Почему вы решили выступить против власти?

Ответ: Я уже объяснил, что ситуация в Афганистане становилась все хуже. Армия распадалась. Интересы пуштунского большинства населения игнорировались. Наджибулла начал репрессии против многих офицеров. Я и мои соратники не могли больше с этим мириться.

Вопрос: Почему пал режим Мохаммеда Наджибуллы?

Ответ: Могу лишь сказать, что если бы Советы продолжали помогать Афганской армии, и предотвратили ее распад, то моджахеды не смогли бы свергнуть Наджибуллу и установить свою власть. Кроме того, ко времени падения режима группировка Наджиба потеряла реальную силу, доверие к ней в стране упало. В Афганистане начиналась анархия. Моральный дух моджахедов укреплялся — их надежды стали сбываться. И в итоге Наджиб потерял все.

¹ Шах Наваз Танай, в прошлом — министр обороны Афганистана в правительстве Наджибуллы и один из самых влиятельных его лидеров. В марте 1990 г. Танай поднял восстание против Наджибуллы, и хотя выступление было подавлено, мятеж Таная считается началом падения просоветского режима. Затем Таная часто называли одним из отцов движения «Талибан». В настоящее время живет в Пакистане в городе Равалпинди. — Публикуется по: РИА «Новости». — М., 2005. — 10 февраля.

Вопрос: В Афганистане в середине 90-х много говорили о том, что вы были в числе отцов движения Талибан. Утверждали даже, что под псевдонимом муллы Омар скрываетесь вы. Вы действительно создавали талибов?

Ответ: Это неправда. Обо мне вообще ходит много слухов. Так, например, часто утверждают, в том числе и у вас в России, что я имел связи с известным лидером моджахедов Гульбетдином Хекматиаром и он, якобы, помог мне организовывать восстание против Наджибуллы. Но я впервые встретился с Хекматиаром, только когда после восстания приехал сюда в Пакистан. У меня не было никаких контактов с моджахедами, пока я был в Афганистане. Та же история и с талибами. Моя роль в их появлении сильно преувеличивается. Это пропаганда моих политических противников.

Вопрос: Почему режим талибов пал так легко?

Ответ: Тому несколько причин. Во-первых, у талибов не было современного вооружения, позволяющего отбивать воздушные атаки. Американцы фактически победили их благодаря воздушным ударам, все решилось до вступления наземных сил. Во-вторых, против талибов объединился весь мир. Кроме того, к тому времени они стали терять поддержку в самом Афганистане. Но главная причина в другом. Даже если бы у них было зенитное оружие, и они смогли бы продержаться дольше, талибы все равно бы проиграли, потому, что у них не было профессиональной армии. Сейчас талибы начали партизанскую войну, но пока их действия не слишком успешны и, кроме того, у них нет широкой зарубежной поддержки, как это было у моджахедов.

Вопрос: Что вы думаете об американской операции в Афганистане? Она завершится успехом?

Ответ: Хочу заметить, что если бы талибы выполнили требования Вашингтона после 11 сентября 2001 года, возможно, Америка и не начала бы военную операцию. Америка защищает в Афганистане свои интересы, и интересы Запада. Не исключено, что США смогут уменьшить влияние России и Ирана в регионе. Но добьются ли американцы полной победы? Если международная коалиция, действующая в Афганистане, будет по-прежнему получать широкую помощь от всего мира, то да, Америка может добиться успеха. Но в одиночку США не смогут победить в Афганистане.

Вопрос: Что вы думаете о новом кабульском правительстве. Способно ли оно принести мир и стабильность на вашу родину?

Ответ: Несмотря на то, что у этого правительства есть немало проблем, оно смогло добиться определенного прогресса. Например, создаются новые политическая и оборонная системы. Пресса в Афганистане свободна, страна демократизируется. Нашей стране помогает весь мир. Если международная поддержка продолжится, а мировое сообщество выполнит все, что было обещано Афганистану на Боннской конференции, то стремления нового афганского правительства могут реализоваться. Но все это, повторюсь, при условии, что будет продолжаться широкая международная помощь.

Вопрос: Где теперь находятся лидер талибов мулла Омар и бен Ладен?

Ответ: Всем известно, что под ударами американской авиации талибы рассеялись по Афганистану. Но они остались внутри Афганистана. И их лидеры тоже.

Вопрос: Есть предположения, что Омар и бен Ладен скрываются в Пакистане в Зоне племен, или что они вообще уже скрылись за границей...

Ответ: Нет. Они скрываются в горных районах в Афганистане.

Вопрос: Хотели бы вы сказать что-нибудь своим знакомым в России? Вы, наверное, знаете немало российских военных?

Ответ: Конечно! Прежде всего, я хочу передать привет и лучшие пожелания маршалу Дмитрию Язову, генералу армии Варенникову, генералам Громову, Сорокину. Я не общался с ними полтора десятка лет. Я надеюсь, они все живы и у них все в порядке. Я хочу сказать всем, кто меня помнит, чтобы они не верили, что я имел контакты с моджахедами еще когда был министром, что я был отцом движения «Талибан». Это пропаганда! Я хочу, чтобы у России были хорошие отношения с Афганистаном.

Вопрос: Я знаю, вы продолжаете заниматься политикой. Почему вы не вернулись в Афганистан, как это сделали многие из бывших афганских лидеров?

Ответ: Когда в 1992 году к власти в Афганистане пришли моджахеда, в стране начался хаос. Я организовал группу «Движение за Мир». Туда вошли многие бывшие крупные военачальники Демократической Республики Афганистан. Мы призвали все стороны внутриафганского конфликта установить мир. Некоторые мои соратники были убиты моджахедами, в их числе один из бывших министров обороны Демократической Республики Афганистан генерал

Назар Мухаммед, другие были арестованы. Но мы продолжали нашу деятельность. Мы добивались того, чтобы в стране кончилась война, и восстановился мир. Сегодня мою группу официально признало новое правительство Афганистана. Наряду с другими политическими партиями и движениями, мы принимаем участие во внутриафганской политике. На родине сейчас действуют многие представители моей группы. Из ее руководителей лишь я один пока не вернулся в Афганистан. Время еще не пришло. Но я вернусь обязательно! Когда придет время.

**Афганистан в начале XXI века. — М.: ИИИБВ, ИВ РАН,
2004. — 208 с.**

Трудно сказать какой больше резонанс в мире вызывает сегодняшний Афганистан: интерес, беспокойство, или тревогу? Однозначного ответа на это не даст нам ни дипломат, ни политик, ни ученый.

Тем не менее, пытливая исследовательская мысль востоковедов продолжает работать, о чем свидетельствует выход в свет сборника статей «Афганистан в начале XXI века», подготовленного институтом изучения Израиля и Ближнего Востока и институтом востоковедения РАН.

На фоне громких заявлений лидеров стран-участниц антитеррористической коалиции, особенно США, о «борьбе с мировым злом» происходили и продолжают происходить процессы распада Афганистана и превращения его в мировую плантацию дешевых наркотиков. Усилия нескольких десятков государств, участвующих в восстановлении Афганистана, как показывает практика, в большей степени направлены на извлечение дивидендов, нежели чем на установление мира и стабильности. Амбициозные планы и проекты «друзей Афганистана» могут существенным образом повлиять на баланс сил не только в самом Афганистане, но и в регионе. К таким глобальным выводам, имеющим, безусловно, геополитические последствия, приходят авторы данного сборника. Они же аргументировано рассуждают о непредсказуемости вектора социально-экономического развития страны и о том, что «традиционные ценности еще долгое время будут превалировать в инертном афганском обществе, медленно уступая место современным общечеловеческим идеалам или неохотно синтезируясь с ними».¹

Названия статей сборника говорят о широте охвата авторами актуальных проблем жизни Афганистана после талибов. Здесь и взаимоотношения постконфликтного Афганистана с Россией, США. НАТО и, конечно же, с сопредельными странами (В.Я. Белокреницкий, В.Г. Коргун, В.Н. Москаленко, М.Р. Арунова, Т.Л. Шаумян, В.Н. Пластун, Ю.Н. Паничкин, А.А. Князев), здесь же — рассмотрение таких внутривнутриполитических проблем, как «новая стратегия» Хамида Карзая (В.Н. Пластун), обновленные функции Лояя Джирги

¹ Коргун В.Г. Введение// Афганистан в начале XXI века. — М.: ИИИБВ, ИВ РАН, 2004. — С. 5.

(Х. Хашимбеков), экономические и транспортные сюжеты (Г.П. Ежов и Л.А. Аристова). Среди представленного материала есть также исследования, посвященные проблемам национальных, религиозных меньшинств («Афганские киргизы» А.А.Князева, «Исмаилиты в Афганистане» Н.М.Емельяновой).

Небезынтересно, что помимо традиционных методов исследования авторы использовали своего рода ставший уже уникальным метод полевых исследований. Речь идет о А.А.Князеве, осуществившем сентябре — августе 2003 г. и июне 2004 г. на северо-востоке Афганистана интервьюирование официальных лиц и представителей частного бизнеса четырех северо-восточных провинций Афганистана — Кундуза, Тахора, Баглана и Бадахшана. Результатом проведенной работы стала подробная и многопрофильная информация о хозяйственной деятельности населения, состоянии коммуникаций, потребностях местного рынка, политических особенностях и бытовой жизни населения этого региона. Подобного рода данные оказываются весьма востребованы не только для целей научных изысканий, но и в практическом плане.

Весьма примечательны аналитические зарисовки заведующего сектором Афганистана института востоковедения РАН профессора В.Г. Коргуна. Выводы, к которым приходит ученый, касаются как прогнозов развития наркотической ситуации в Афганистане, так и возможной экономической экспансии со стороны международных консорциумов.

Представленные в сборнике сюжеты дают целостную картину событий, происходящих в данный момент в Афганистане. Можно лишь пожалеть, что за рамками книги оказались некоторые темы, например, культурная и образовательная составляющие. Однако это замечание можно рассматривать только как пожелание российским афганцам в их дальнейших неустанных исследованиях этой удивительной страны, высокий уровень которых всегда был характерен для отечественного востоковедения.

А.А. Колесников

Сведения об авторах

Коргун Виктор Григорьевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором Афганистана Института востоковедения Российской Академии наук

Колесников Александр Антонович — член-корреспондент РАЕН, доктор исторических наук, профессор Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета

Искандаров Косимшо — доктор исторических наук, заведующий отделом исследования региональных конфликтов Института востоковедения и письменного наследия Академии наук Республики Таджикистан

Князев Александр Алексеевич — доктор исторических наук, профессор кафедры политологии Киргизско-Российского Славянского университета

Тихонов Юрий Николаевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Липецкого государственного педагогического университета

Бойко Владимир Сергеевич — кандидат исторических наук, руководитель Центра региональных исследований «Россия и Восток» Барнаульского государственного педагогического университета

Абдуллаев Камолудин — кандидат исторических наук, независимый исследователь, г. Душанбе

Dr. Razia Sultana — Assistant Professor of History Department of Quaid-I-Azam University in Islamabad

Суюмбаев Мурат — кандидат геолого-минералогических наук, проректор по научной и учебной работе Дипломатической Академии МИД КР

Парамонов Владимир Владимирович — кандидат политических наук, докторант Ташкентского государственного института востоковедения

Сумароков Леонид Иванович — руководитель пресс-службы Оперативной пограничной группы ФСБ Российской Федерации в Киргизской Республике, соискатель Киргизско-Российского Славянского университета

Пылев Александр Игоревич — аспирант Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета

Строков Алексей Владимирович — кандидат химических наук,
эксперт, г. Ташкент

Кабдолланов Аскар Кабдолланович — эксперт, г. Алматы

Давлятов Нурали — журналист, г. Душанбе

Содержание

В.Г. Коргун. Где у афганцев родина	3
К. Искандаров. Афганские беженцы в Республике Таджикистан (1990-е — 2005 гг.)	11
Ю.Н. Тихонов. Борьба советской дипломатии за «афганский коридор» в зону пуштунских племен в 1919-1921 гг. (по архивным материалам)	32
В.С. Бойко. Афганистан во второй половине 1930-х годов: внутренние и внешние факторы безопасности	52
К. Абдуллаев. Эмир Аманулла и советская Средняя Азия	59
А.И. Пылев. Война с басмачеством на юге Киргизии (1920-1930-е гг.) и ее региональные особенности (по материалам Ошского областного архива).....	81
Л.И. Сумароков. Становление и организация охраны среднеазиатских границ Российской империи в конце XIX — начале XX вв.	87
К. Искандаров. Политические партии и движения Афганистана накануне парламентских выборов 2005 г.	115
А.А. Князев. Афганские парламентские выборы и дилеммы центральноазиатской политики США	141
Razia Sultana. Pak-Afghan relations: issues and prospects of future cooperation.....	158
В. Парамонов, А. Строков. Узбекско-афганские экономические отношения и их международный контекст: от оценки проблем к поиску решений.....	171
М. Н. Сулейбаев. Евразийские транспортные коридоры: проблемы и меридианальные варианты	178
А.К. Кабдолланов. Этикетные нормы гостеприимства как составляющая этнопсихологических особенностей поведения афганцев	185
Документы	
Протокол допроса обвиняемого Гулям Сиддик-хана от 5-го апреля 1946 года. Стенограмма. Публикация Ю.Н. Тихонова.....	192
Ахмад Шах Масуд: «Пакистан — воюющая сторона». Текст выступления 11 апреля 2001 года в Душанбе. Перевод Нурали Давлятова	207
История Шугнана (Та'рих-и Шугнан)	214
Закон о частном внутреннем и иностранном инвестировании в Афганистане.....	234

Время моего возвращения еще не пришло, но я обязательно вернусь в Кабул. Интервью бывшего министра обороны Афганистана Шах Наваза Таная.....	239
Рецензии	243
А.А. Колесников. Афганистан в начале XXI века. — М.: ИИИБВ, ИВ РАН, 2004.....	243
Сведения об авторах	245

Афганистан и безопасность Центральной Азии
Выпуск 2

Корректор М. Мыльникова
Компьютерная верстка А. Митяев
Подписано к печати 14.12.2005
Формат 60х84/16
Печать офсетная. Объем 12,1 п. л.
Тираж 700 экз.
Заказ № 315

Издательство «Илим» Национальной академии наук Киргизской
Республики
г. Бишкек, пр. Чуй, 265-А

